Е. Крыжановский
От аншлага до "Аншлага"
(записки юмориста)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История театра юмора «Христофор» от Евгения Крыжановского.

-
- К читателям
- К читателям — 2
- О юморе
- Женька Крыжановский
- Женя Крыжановский
- Экскурсия
- Вторая попытка
- Студент!
- Театральный институт
- Евгений Крыжановский
- Театр им. Я. Купалы
- Мой режиссер
- День рождения «Христофора»
- Конкурсы
- Встречи
- Гастроли
- Как делаются смешные программы в «Христофоре»
- Мы и зрители
- Сергей Александров
- Шура Вергунов
- Анатолий Длусский
- Юрий Лесной
- Владимир Перцов
- Вова Воронкова
- Сергей Комиссаров
- Евгений Анатольевич Крыжановский, или Моя семья
- Круиз
- Чем «Камеди клаб» отличается от Юрия Никулина
- Второе пришествие Регины
- «Эх, прокачу!..»
- «Две звезды» с алкашом
- Всякая всячина
  - 1–й автограф
  - Узнают ли вас на улицах?
  - Самый провальный концерт
  - Кто выиграл войну
  - Самый сложный экзамен

- Первые гастроли
- Палялейки
- Доигрался
- Принц в магазине
- Коля Лукинский
- Группен-фюрер
- Телеприкол
- Гиннесу и не снилось
- Самый неожиданный комплимент
- «Прицеп»
- Первое слово дороже второго

- Вместо эпилога

Бывают артисты заслуженные,
бывают артисты народные,
а бывают артисты любимые…
Е. Крыжановский

К читателям

Как-то много лет назад, сидя в одном офисе, решил я пошутить с симпатичной секретаршей:

— Девушка, а девушка, меня зовут Женя, мне скоро сорок лет, нет бухты кораблю…

Не знаю, заметила ли она, что я пытаюсь «клеить» ее цитатой из рок оперы «Юнона и Авось», но игру подхватила:

— Дяденька, а дяденька, меня зовут Лена, мне лет на 20 меньше…

Не буду утверждать, что я раньше не задумывался о своем возрасте, но тут у меня будто пелена с глаз спала. «Боже мой! — подумал я. — Она же мне в дочери годится. Выходит, я уже достаточно зрелый мужчина. В таком возрасте не грех и о мемуарах позаботиться. Вдруг потом поздно будет».

Когда я поделился этими соображениями со своими друзьями и коллегами, все они с поразительным единодушием стали отговаривать меня от безумной, по их мнению, затеи:

— Ты выбрал самое неудачное время. О какой книге сегодня может идти речь?! Мало того, что написание ее — адский труд, так ведь для издания твоего творения потребуются деньги, которые тебе и не снились.

То, что «не снились» — это, конечно, легко опровергаемая неправда, но спорить с ними я не стал. Нельзя писать книгу — значит, нельзя. И тогда я решил писать сразу две. О том, что нельзя две, никто ничего не говорил.

Второй стала книга, о которой я начал мечтать даже раньше, чем о мемуарах, — собрание актерских баек. Правда, издавать обе книги я задумал в виде одной и за ту же цену. Чтобы не обидеть ни одну из них в споре о первородстве, главы книг я расположил вперемежку. Но не торопитесь пугаться, где какая книга, вы легко сможете понять не только по содержанию, но и по шрифту. Кроме этого я вставил сюда все свои любимые анекдоты, исключая матерные, к сожалению… Так что, надеюсь, каждый из Вас, уважаемые читатели, получит то, что хочет получить от смешной книжки смешного человека.

1998 год

К читателям — 2

После выхода книги «У Христофора за пазухой» из печати в 1998 году ее «размели» буквально за один театральный сезон. Она мгновенно стала раритетом, и у меня самого дома осталось всего два экземпляра этого «бестселлера»… Зрители с удовольствием покупали книгу, кто на память для себя, кто в подарок друзьям, кто просто на растопку, на дачу…

Но если говорить серьезно, то, как говорится, много воды утекло за это время, многое изменилось не только в жизни «Христофора», но и в нашей с вами жизни. Ушли в историю многие наши программы, ушли в самостоятельное плавание многие наши артисты и авторы, ушли с экранов наши телепередачи… Но взамен ушедших появились новые программы, новые артисты, новые авторы и новые телепередачи… Как говаривал дедушка Сталин, «нэзамэнимих людэй нэт…». Или как гласит народная пословица, свято место пусто не бывает.

А это значит, что единственный не только в Беларуси, но и во всем СНГ юмористический театр «Христофор» живет, радует нас и вас, смешит и дарит людям хорошее настроение. Поэтому и возникла мысль выпустить, говоря сухим языком полиграфистов, издание второе, дополненное… То есть все, что произошло с «Христофором», с нашими артистами, новые встречи и гастроли, новые истории и события, все нашло отражение в новом издании. Даже обложку поменяли, название, не говоря уже о фотографиях. Но из старого материала ничего не выкинули — ведь это наша история. Поэтому выиграют и те, кто читал первую книгу «У Христофора за пазухой», и те, кто держит в руках этот экземпляр. А лет этак через 5, думаю, мы с вами, дорогие читатели, встретимся вновь при издании очередного варианта этого «юмористического чтива».

2007 год

О юморе

Юмор, это, наверно, самый редкий жанр культуры. Как подсчитали социологи, в этом жанре профессионально работает не более трехсот человек на планете (!). Я сначала не поверил, но когда сам занялся подсчетами, то еле-еле насчитал несколько десятков звезд этого жанра. Посудите сами. Если мы с вами возьмем кинематограф, то назовем в первую очередь Гайдая, Рязанова, Данелию и еще от силы пять-шесть российских и зарубежных мастеров. У нас в Беларуси, к сожалению, кинорежиссеров такого уровня вообще нет.

Если говорить о киноартистах, то, конечно же, из наших назовем Никулина, Вицина, Моргунова, Миронова, Папанова, Леонова, Крамарова, из зарубежных — Чарли Чаплина, Луи де Фюнеса, Бурвиля и еще около двадцати-тридцати и наших, и «ихних». У нас в Беларуси киноартистов такого уровня тоже нет. Говоря о разговорном жанре, в частности об авторах, назову Жванецкого, Задорнова, Измайлова, Альтова, Трушкина, Коклюшкина и… ну, может, кого-то забыл. На Западе вообще никого не знаю. В Беларуси — понятно. Идем дальше. Артисты нашего жанра тоже наберут лишь пару десятков знаменитостей — Райкин, Хазанов, Петросян, Винокур, Гальцев… да вы их всех и так знаете. У нас в Беларуси… Слава Богу, хоть тут мы не подкачали. Да, это «Христофор». Уникальнейший коллектив, который много лет занимается только тем, что дарит людям хорошее настроение. Я, являясь одним из создателей нашего театра, взял на себя смелость «наколбасить» эту книгу и, пользуясь служебным положением, выставить себя не только автором, но и главным действующим лицом (или другой частью тела) этого «шедевра». Веселого вам чтения.

Евгений Крыжановский

Женька Крыжановский

Появился я в стране в переломный для нее период, когда дедушки Сталина уже не было, а культ личности развенчать еще не успели. Возможно, момент рождения и предопределил особенность дальнейшей моей судьбы: балансировать всегда «между». Отец мой в ту пору служил в морской авиации, поэтому появление мое на свет произошло на берегу Черного моря, в городе Николаеве. К сожалению, о том, что я сын бравого моряка, я знаю только из рассказов родителей, потому что к тому моменту, когда я стал уже что-то понимать, моего отца благодаря очередной мирной инициативе Н. С. Хрущева, резко сократившего морскую авиацию, уже перевели в пехоту и «обули в сапоги», направив служить в Козельск Калужской области. Козельск знаменит тем, что хан Батый долго не мог его взять и положил у стен города тысячи своих воинов. Может, и до сих пор бы не взял, но в одной из близлежащих деревень нашелся предатель, который помог ему это сделать. Деревенька эта существует и по сей день и, возможно, с тех пор носит очень выразительное название — Дешевки, а ее бедные жители все это время несут тяжкий крест насмешек и издевательств, расплачиваясь за трусость своего земляка. Разумеется, мы, козельские мальчишки, тоже с презрением относились к сверстникам из Дешевок, будучи твердо уверенными, что ни жить, ни тем более родиться мы там не могли.

Надо сказать, что актерство во мне видимо, заложено генетически. Моя мама, Екатерина Григорьевна, с детских лет была великолепной артисткой у себя в деревне, а уже, будучи замужем, даже играла в самодеятельности нашего военного городка, за что была гоняема отцом, в ту пору молодым ревнивым лейтенантом. Заглянув однажды на репетицию, он «застукал» маму в «объятиях» театрального партнера. Не догнав мамы, папа набил морду режиссеру. На этом актерская карьера мамы закончилась.

Уже в ту пору проявилась моя любовь к юмористическим историям, но придумывал и травил их своим товарищам я не потому, что готовил себя к карьере артиста, у меня и в мыслях такого не было, а из-за мечты о море и желания подражать бывалым морским волкам. Видимо, начинали проявлять себя отцовские гены. Бредил я морем долго и серьезно, не исключено, что это было еще и проявлением тяги к романтике, противодействием унылой жизни в маленьком провинциальном городке. Я выучил почти наизусть словарь морских терминов, мог

без запинки рассказать, чем отличаются грот-мачта от фок-мачты, а бушприт от стакселя и не стал бы искать гальюн на клотике. Неплохо владел я и азбукой Морзе. Но (а без «но» ничего в нашей жизни не бывает) для исполнения моей мечты о море всего этого оказалось недостаточно. Меня подвело мое плохое зрение. Еще в пятом классе мне прописали очки, но носил я их в основном в кармане, будучи готовым надеть на нос лишь в крайнем случае, например, если упаду в яму, чтобы увидеть, сколько еще осталось лететь. Медицинская комиссия в Лиепайском (Латвийская ССР) мореходном училище зажгла передо мной красный свет, постановив, что я не подхожу для флота не только в роли впередсмотрящего, но даже и радиста.

Немного погоревав, я решил, что так легко они от меня не отделаются, и начал готовиться к поступлению в Николаевский судостроительный институт. Желание попасть на море было у меня настолько сильным, что я даже легко смог заставить себя учить не любимые мной математику и черчение, хотя не забывал и любимые предметы: литературу, географию, историю и немецкий язык.

И вот тут-то случилась та самая поездка в Тулу…

Актерские байки делятся на те, с которыми можно выступать на сцене, те, которые можно рассказывать в компании, те, которые можно рассказывать только в очень узком кругу, и те, которые лучше никому не рассказывать. Возможно, некоторые отнесут именно к последней категории ту совершенно правдивую историю, с которой я хочу начать свой рассказ, так как выглядим мы с друзьями в ней далеко не лучшим образом. Ну, да ладно. Что было, то было…

В теперь уже далекие застойные годы, когда был я до неприличия молод и работал в академическом театре им. Янки Купалы, было принято регулярно давать так называемые выездные спектакли для сельских жителей. Группа артистов вместе с декорациями и костюмами загружалась в маленький автобусик и по тряским дорогам ехала в какой-нибудь дальний колхоз, чтобы за 300 рублей (на всех!) сыграть никому не нужный спектакль. Зрители, как правило, такие выездные «халтуры» своим вниманием особо не жаловали. Да и кому захочется смотреть дурацкую «залепуху» о нашей счастливой жизни, если дома работы по горло, поэтому в зале обычно сидели только несколько старушек, куча детей да шумливая компания пьяных бездельников.

Естественно, в таких условиях артисты тоже не очень-то стремились выдавать «на-гора» свой талант. Правда, это справедливо в основном для нашего «потерянного» поколения, что

касается «зубров» белорусского театра: Стефании Станюты, Павла Кормунина, Галины Макаровой, Николая Еременко и др., то они всегда выкладывались «на всю катушку».

Так вот, поехали мы однажды на очередную такую «гастроль». Дорога предстояла долгая, поэтому расположившиеся на передних сиденьях актеры старшего поколения пытались вздремнуть, читали или вязали. Мы же, молодежь, устроили на задних сиденьях небольшую пирушку, тем более что и повод нашелся — День Парижской коммуны.

В деревню мы приехали уже достаточно «разогретыми». Пока рабочие сцены ставили декорации, пока ждали зрителей, занимавшихся вечерней дойкой, кормлением скота и прочими неотложными домашними делами, мы успели еще несколько раз «добавить», благо самогона в деревнях в то время были озера, да цена у него была ненамного выше, чем у озерной воды. Короче говоря, к началу спектакля, а был он, кстати, о партизанах, наша молодежная группа была уже «готова». На сцене перед нами стояла задача коллективно возмущаться злодеяниями фашистов и клятвенно обещать отомстить им за все. Таких моментов было два: в начале спектакля и в конце, когда мы должны были склонить головы над погибшим товарищем. К слову, наши головы довольно сильно были склонены уже до начала спектакля. Кое-как отыграв первую сцену, мы вернулись за кулисы и еще несколько раз «подняли бокалы» за победу французской революции, за смычку села и города, за свободу искусства и за каждого члена Политбюро лично. А одним из популярнейших в ту пору лозунгов, как помните, был «Экономика должна быть экономной!» Поэтому дирекция театра тоже старалась на всем экономить. Двое «партизан» должны были играть еще и эсэсовцев, приводящих главного героя на казнь. Мы бросили на пальцах, и «честь» выйти на сцену в образах немецких солдат выпала мне и нынешнему директору театра «Христофор» Юрию Лесному. Приняв «на посошок» за победу германского оружия, мы с Юрием переоделись из ватников в серо-зеленые шинели, взяли деревянные автоматы и двинулись в сторону сцены. Но идти, как выяснилось, нам было очень трудно, практически невозможно, поэтому главный герой, а играл его артист Александр Мороз, подхватил нас под руки и повел на сцену. Так мы и вышли: партизан-разведчик и висящие на нем, чтобы не упасть, два эсэсовца. При этом мы корчили зверские рожи, изо всех сил стараясь показать, какие мы страшные фашисты. Не знаю, как у нас это получалось, но одна старушка, показывая на Лесного пальцем, заверещала:

— Ой, смотрите, ну точно наш Трофимыч у магазина!

На что Лесной, чтобы раз и навсегда отмежеваться от

Трофимыча, на чистейшем немецком языке доложил главному гестаповцу:

— Битте… дритте! — имея в виду, что пленный, мол, доставлен. А затем, отвечая на удивленный взгляд Степана Степановича Берилло, народного артиста республики, игравшего штурмбанфюрера Шнитке, добавил:

— В смысле… Гитлер капут!

Но самое страшное нас ожидало дальше. Дело в том, что перед тем, как застрелить героя-партизана, злой Шнитке должен был попытаться склонить его к сотрудничеству с гестапо. А у нас-то уже не было сил стоять. Да и Морозу не легче, ведь «эсэсовцы» повисли на нем, как на поручнях троллейбуса… Наконец Степан Степанович достал из кобуры свой деревянный «Вальтер», мы с надеждой затаили дыхание, а помреж за кулисой поднял доску, чтобы лупанутъ ею по столу, изображая выстрел. В этот момент Сашка Мороз плюнул (по роли, конечно) прямо в рожу «гестаповцу» и попал в сидевшую в первом ряду старушку. Та стала материть героя на чем свет стоит, в зале поднялся жуткий шум, а мы… мы-то держимся из последних сил. Наконец, грохнул «выстрел». Но не таков наш герой, чтобы умереть, корчась с тихим стоном в муках. Автор дал ему огромный предсмертный монолог об исторической обреченности фашизма и о светлом будущем нашей родной Беларуси после гибели самого юноши. Ну, а о том, что у нас на все это не хватит сил, автор, видимо, даже не подозревал. И вот, наконец, Сашка произносит финальную фразу, Шнитке с мерзким хохотом еще раз «стреляет» в патриота — и вся наша троица падает, как подкошенная. Представляете, одним выстрелом — троих наповал! Мюнхгаузен, если бы видел, скис бы от зависти. Зритель ничего не понимает, Берилло растерян, убиенный партизан давится от смеха, рядом с ним в полном «отрубе» лежат эсэсовцы, а за кулисами стоит гомерический хохот, знаменующий победу белорусского духа над германским.

Тут Степан Степанович вспоминает о своей роли и громко командует:

— Зольдатен! Дас ист вставайт!

Лесной пытается встать на четвереньки, а я шепчу:

— Степан Степанович, не трогайте меня, я убит.

Но неумолимая сволочь Шнитке поворачивается к залу и, указывая на меня пальцем, патетически произносит:

— Этот зольдат не убит, дас ист ранен!

Спас меня только верный друг актера — занавес.

Женя Крыжановский

Хотя родня наша была разбросана по многим крупным городам Союза, чаще всего в гости ездили мы в Тулу. Причина банальная — она была ближе всех к Козельску. Я любил бывать в Туле, по сравнению с Козельском она казалась мне огромным мегаполисом и крупным культурным центром Европы. На зимние каникулы 1970 года я поехал в Тулу один, так как смог убедить родителей, что стал уже достаточно взрослым и самостоятельным, и поселился, как обычно, у своей двоюродной сестры. А она, кстати, была довольно уважаемым в городе человеком, потому что работала начальником отдела на телефонной станции. Телефон, как известно, с 1812 года и по сей день — один из главных дефицитов нашей жизни. Все причастные к его установке, особенно в те времена, были почти номенклатурой и пользовались нескрываемой любовью окружающих. Поэтому неудивительно, что у сестры дома всегда было полно пригласительных билетов и контрамарок на всевозможные культурно-зрелищные мероприятия. Благодаря этому в один из приездов я впервые смог увидеть на сцене живых иностранцев, попав на выступление венгерской рок-группы «Локомотив». Если учесть еще, что рок в ту пору был чуть ли не запрещенным видом искусства, то можно представить, с какой гордостью и чувством превосходства рассказывал я обо всем потом своим козельским друзьям.

Но зимой 1970 года в Туле никто из иностранных знаменитостей не гастролировал, поэтому я от нечего делать пошел в тульский городской театр, хотя театр, если честно, не любил и даже испытывал к нему легкое отвращение. Во-первых, потому что никогда в нем не был, так как мы жили всегда в маленьких нетеатральных военных городках, во-вторых, спектакли о современности, которые показывали по телевизору, мне казались скучными и занудными, в них конфликт почти всегда сводился к борьбе «хорошего с еще более лучшим». Классику же, в силу возраста, я в то время еще просто не воспринимал.

Тульский театр им. Горького ничем особенным от других провинциальных театров не отличался, разве что здание было поновее, все из стекла и железобетона, да оборудование удалось достать по предпоследнему слову техники. Репертуар обычно застойный: два-три классических спектакля, куча «современных» производственных пьес и несколько сказок для детей. Среди артистов «звезды» не числились, зато главный режиссер Илья

Рахлин был достаточно опытен и крепок.

В тот «роковой» день давали «Горячее сердце» А. Н. Островского, автора, произведения которого «проходят» в школе, поэтому стойкая нелюбовь к нему была привита большинству учеников, в том числе и мне. Ничего хорошего увидеть я в тот вечер не ожидал.

И вот открылся занавес. На сцене стояла декорация, изображавшая московский купеческий двор. Какое-то крыльцо, забор и… лужа! Я запомнил ее на всю жизнь. Художник-«новатор», фамилию его я уже не припомню сейчас, раздвинув рамки застойного творчества, применил оригинальное сценическое решение. Он сделал на сцене углубление, поставил туда оцинкованное корыто, наполненное водой, прикрыл его края зеленой тряпкой, изображавшей траву, и получил лужу, ставшую важнейшим действующим элементом спектакля. Все исполнители хоть раз, да вступали в нее, намекая этим, видимо, на грязь и порочность царского общества. А главный герой, купец, жуткий пьяница и дебошир, так вообще постоянно лупил по луже сапогами, нещадно обрызгивая зрителей первого «блатного» ряда, чем вызывал взрывы хохота и одобрительные аплодисменты тех, кто занимал последние ряды, то есть мог обычно только завидовать «блатным» и издали ненавидеть их.

Но сидел в первом ряду и «блатной» девятиклассник Женя Крыжановский с разинутым ртом и широко раскрытыми глазами, впервые попавший в театр и впервые испытавший восторг, столкнувшись с «большим» искусством. То ли в луже он увидел не только грязь, то ли Островского артисты трактовали не так, как его учительница литературы, то ли игра их попала в унисон с колебаниями его наивной юношеской души, но он не вставал с места даже во время антрактов, боясь что-нибудь пропустить. У Станиславского, по-моему, есть фраза о том, что если после спектакля хоть у одного зрителя что-то шевельнется в душе и он изменится хоть на чуть-чуть в лучшую сторону, значит, люди, создававшие этот спектакль, не зря работали несколько месяцев и цели своей достигли. Ничего не скажу про других, но в тот вечер у одного зрителя (вы догадываетесь, у кого) произошло изменение не на «чуть-чуть», а достаточно существеннее. Он вышел из зала совсем другим человеком, за три часа «действа» буквально переродившись, воспринимая теперь окружающий мир совершенно по-другому, как будто у него (этого зрителя) добавилось органов чувств. Уходя из театра, я уже точно знал, кем хочу стать. Впечатление, которое произвел на меня спектакль, трудно передать словами. Ошалевший от увиденного, я решил пойти домой пешком, чтобы по дороге еще раз все

прокрутить в памяти и лучше переварить. Актеры, видимо, уже давно разъехались по домам и занимались совсем другими, более прозаическими делами, а я все еще не мог прийти в себя.

В тот вечер в мире одним актером стало больше. Тем, кто не верит в любовь с первого взгляда, это, возможно, покажется странным. Но так получилось. И благодарить за это я должен артистов тульского театра, которые о своей роли в моей судьбе даже не догадываются. Потом, работая почти год рядом с ними, я так и не посмел им ни в чем признаться. Но до этого было еще очень далеко. Пока же я готовился к возвращению в Козельск и началу новой жизни…

В пьесе про пограничников в одном театре исполнитель главной роли вместо: «…Я отличный певун и плясун!» — радостно и громко прокричал на весь зал: «Я отличный ПИСУН и ПЛЕВУН!!!»

Однажды Евгений Евстигнеев оговорился в спектакле по пьесе Шатрова «Большевики». Выйдя от только что раненного Ленина в зал, где заседала вся большевистская верхушка, вместо фразы: «У Ленина лоб желтый, восковой…» он сообщил: «У Ленина… жоп желтый!..». Спектакль надолго остановился. «Легендарные комиссары» расползлись за кулисы и не хотели возвращаться.

Вернувшись из Тулы, я буквально на следующий день записался в драмкружок Козельского дома офицеров, несказанно удивив этим не только родителей и своих товарищей, но и самих членов драмкружка. Мальчики в самодеятельности — вообще большая редкость, а уж девятиклассник — это что-то совсем из ряда вон выходящее. Мне на радостях дали сразу одну из главных ролей в одноактной комедии Катаева «День отдыха». Я должен был играть рассеянного 80–летнего профессора, приехавшего в дом отдыха и запутавшего там всех, начиная с себя самого. Используя подручные материалы, наша гримерша изменила мою внешность, но с голосом и мыслями ничего поделать не смогла. Перед каждым выходом на сцену я испытывал жуткий страх, сковывавший мои движения и делавший голос еще более писклявым. Но, нет худа без добра. Моя неуклюжесть придавала образу, видимо, еще большую карикатурность и этим добавляла в зале смеха и аплодисментов, которых, на мое удивление, было намного больше, чем я ожидал.

Через несколько выступлений я уже осмелел и вошел во вкус, но в это время мужа нашей руководительницы перевели в другой гарнизон, она уехала вместе с ним, и наш обезглавленный драмкружок благополучно испустил дух.

Но главное было сделано — я испил глоток из «чаши» с приворотным зельем, а это значит — навсегда заразился тягой к сцене. Многие мои знакомые, работавшие когда-либо в театре, причем не только артистами, но даже администраторами или рабочими сцены, уйдя из театра, не могли без него жить. Их тянуло туда, как преступника на место преступления. Помню, один из них, достигнув немыслимых, опять же по тем временам, высот и став барменом (!), все равно не реже раза в месяц приходил к нам в театр им. Я. Купалы, где я тогда работал, угощал всех ворованным вином, хвастался заработками, но было видно, что, если бы в театре стали платить хоть чуточку больше, он с радостью бы вернулся. Кстати, если из театра уходят, изменяя своей профессии, то лишь из-за того, что семья (не актер) не выдерживает жизни на нищенскую зарплату. Короче говоря, театр — это разновидность сильного наркотика со всеми вытекающими последствиями.

Итак, летом 1972 года выпускник Козельской средней школы № 3 Женя Крыжановский впервые за всю историю не только школы, но и, наверное, самого Козельска, поехал поступать в театральное училище. Москва произвела на меня ошеломляющее впечатление. Забыв о завтраках, обедах и ужинах, толпа абитуриентов с горящими глазами носится от «Щуки» (училище им. Щукина при театре Вахтангова) к «Щепке» (училище им. Щепкина при Малом театре), потом в школу — студию МХАТа, оттуда в ГИТИС, за ним во ВГИК и т. д. Кто-то проходит сразу во все, кто-то во всех «срезается», кто-то доходит до второго или даже до третьего тура. Из уст в уста передаются легенды об абитуриентах прошлых лет, которых брали сразу в театр за то, что они покоряли приемную комиссию какими-то экстравагантными выходками или нарядами. Одна девочка у нас даже переодевалась в парня, сделав короткую стрижку, что было по тем временам немыслимым, и хотела этим поразить комиссию, но везде от нее старались поскорее избавиться, принимая, наверно, за гермафродита, потому что все свои женские признаки скрыть ей не удавалось. Запомнилась и другая девочка, заставившая рухнуть под стол комиссию, объявив от зажима: «Басня Крылова «Петушка и кукух»!»

Возле «Щуки» нам посчастливилось увидеть самого Ролана Быкова. Ролан Антонович, выйдя на крыльцо и будучи немного навеселе, поклонился толпе ошалевших абитуриентов и громко сказал: «Здравствуй, племя молодое, незнакомое!»

Вообще, приемным комиссиям театральных институтов не позавидуешь. Сколько они должны прослушать песен, стихов, басен, отрывков прозы, пересмотреть танцев, чтобы из тысяч

перепуганных претендентов, среди которых был и я, отобрать всего 20–25 будущих студентов. Потом, сам принимая вступительные экзамены в Институте культуры, я собирал в кулак всю свою волю, чтобы выдержать бесконечный поток «дыпламаваных баранаў» и «Мой милый, что тебе я сделала?» Но как же я их всех (абитуриентов) понимал!

Надо отметить, что каждое училище имело свою специфику, предъявляя требования к так называемой фактуре, то есть к внешним данным абитуриентов. Например, в школу-студию МХАТа брали преимущественно красивых и рослых парней и девушек, в Щукинском старались набирать характерных актеров, в Щепкинском особое внимание обращали на правильность речи, стараясь держать марку Малого театра, во ВГИКе, естественно, брали только киногеничных. Мое же, тогда обыкновенное, без особых примет, прыщавое лицо не удовлетворяло требованиям ни одного из перечисленных заведений. Еще не было сегодняшнего красавца-носа (я его называю достоянием республики), только начали пробиваться усы, короче, не было ничего, чем я могу гордиться сегодня. О таланте речь вообще не шла, так как в 17 лет он, даже если и есть, еще спит. Актер, по-моему, по-настоящему проявляет себя только где-то к 30 годам, видимо, поэтому большинство пьес написано в расчете на артистов среднего возраста.

Все означенное сводило мои шансы на поступление практически к нулю уже до начала экзаменов. А ведь нужно еще учесть, что на каждый курс приходилось не менее десяти детей московских знаменитостей, поступавших практически без конкурса. В Москве роль знакомств (или, по-народному, «блата») особенно велика.

По самым скромным подсчетам, там живет около несколько тысяч (!) актеров как известных, так и не очень, и у каждого есть дети или хотя бы знакомые, которым надо помочь. Кстати, по имеющимся у меня данным (из обычно достоверных источников) в Минске по «блату» ежегодно поступают всего 2–3 человека, в то время как в Москве — от 50 до 80 процентов.

Разумеется, я в ту пору ни о чем таком даже не подозревал, был совсем не готов к серьезной конкурентной борьбе за оставшиеся «свободными» места, поэтому мой провал был предопределен. С таким же успехом, позанимавшись авиамоделированием, можно было попробовать взлететь на самолете. Окончательно добила меня Ирина Скобцева (жена знаменитого С. Бондарчука), которая вечером во ВГИКе, когда обалдевшие педагоги, выбившись из сил, уже не слушали, а только смотрели на абитуриентов и отправляли восвояси всех,

кто им не приглянулся, устало глянув на меня, когда я попытался что-то вякнуть, сказала: «Мальчик, зачем вы мучаете себя, из вас никогда не будет артиста». Это уже потом я узнал, что такой приговор являлся доброй приметой и что нечто подобное говорили очень многим знаменитым актерам в самом начале их карьеры, но в тот момент я решил, что в Москве мне больше делать нечего.

Но что же дальше? Вопрос был очень и очень непростой. Возвращаться в военный городок, где все друг друга знали, и ходить, опустив голову, под ироническими взглядами с кличкой «артист погорелого театра»? Нет, это было не для меня. Если человек проваливается в медицинском или педагогическом институте, то это лишь означает, что он недостаточно старательно готовился к экзаменам, но если он не может поступить в театральный институт, то для всех это свидетельство его бездарности. А кто из нас способен, особенно в молодые годы, признаться, что он бездарен? Как после этого жить? Тем более человеку, пытающемуся как-то проявить себя в искусстве.

Я решил, не заезжая в Козельск, отправиться туда, где все и началось.

Электричка на Тулу отходила с Курского вокзала…

История произошла со мной в одном минском кинотеатре. Шла премьера фильма «Посейдон» (если кто не знает, «Посейдон» — это огромный лайнер, пошедший ко дну. Весь фильм строится на том, как герои спасаются с тонуще-горящей посудины). Зал битком. Я сел в одном из первых рядов, а рядом со мной расположился лысый мужичок лет сорока. Ещё до того, как начался сеанс, мужчина стал ворочаться по сторонам, улыбаясь и бормоча:

— Ну ни фига себе — такое фуфло, и полный зал народу!

Через минуту, оглядел зал снова и опять: — Тако-ое фуфло, и полный зал… и всё в таком духе.

Я не выдержал и поинтересовался:

— Если фильм — фуфло, то чему вы радуетесь?

Ответ послал меня в нокдаун:

— А я — директор кинотеатра!

В Тульский драмтеатр меня взяли сразу. Текучесть кадров среди монтировщиков сцены была огромная, выполнять за 65 рублей в месяц эту довольно тяжелую работу желающих находилось немного. Романтика моя развеялась довольно быстро. Как молодого рабочего меня поставили в выездную бригаду. А так как театр должен был непременно выполнять план по выездным

спектаклям, то ездить приходилось очень много, давая где-то около 200 выступлений в год. Практически каждый день мы на стареньком автобусе уезжали за город в какой-нибудь райцентр или колхоз. Возвращались за полночь, сначала развозили по домам артистов, потом ехали в театр и разгружали там декорации, и только после этого рабочие сцены пешком (городской транспорт в эту пору уже не работал) расходились из театра.

Помимо прочих «прелестей» театральной жизни, в нашей бригаде процветала дедовщина. Ну, ладно бы посылать за бутылкой молодых — это, как говорится, святое дело, так ведь случались самые настоящие и бессмысленные издевательства. Помню, однажды меня заставили красить трубы в коллекторе под зданием театра. Тем, кто никогда этим не занимался, поясню, что сооружение представляет собой набор узких труб, проложенных внутри одной большой. Передвигаться там можно было только ползком, развернуться невозможно. Я дополз до конца коллектора и, пятясь назад, стал красить эти злосчастные трубы. Дышать было нечем, стояла жуткая вонь, усиливавшаяся с каждым моим мазком. Когда я, наконец, добрался до выходного люка и собирался уже передохнуть, оказалось, что «старшие товарищи» шутки ради закрыли его, придавив сверху огромным ящиком, и разошлись до вечера по домам. Стучать и звать на помощь было бесполезно, так как в подвале не было ни души. Пришлось мне пролежать в окрашенной трубе еще около пяти часов.

В дополнение к тяжелой работе много хлопот доставляло мне решение проблем с жильем. У двоюродной сестры, одинокой женщины с несложившейся тогда семейной жизнью и ребенком на руках, долго жить я не мог. Пришлось кочевать по частным квартирам, общежитиям и гостиницам для командированных. Конечно, закалка, полученная в семье военнослужащего, выручала меня, но радости от такой жизни было мало.

Зато несколько раз за время работы в театре мне довелось даже выступать на сцене в спектакле «Цезарь и Клеопатра». Чтобы показать размах и широту римской жизни, соорудили огромные декорации, изображавшие пустыни, египетские пирамиды и улицы древнего Рима. Естественно, под стать декорациям нужна была и массовка (римские легионы), в которую включили, как в ополчение, всех, кто мог держать оружие, в том числе и нас, работяг. Так как свободных рабочих не осталось, то декорации переставляли (при закрытом занавесе) сами «легионеры» в минуты коротких передышек между сценическими «боями», не снимая формы и не бросая оружия. Раздевались только в

антракте, чтобы «перевоплотиться» в черных рабов, то есть вымазаться специальной краской-морилкой. Видимо, с тех пор у меня и появилась стойкая нелюбовь к массовкам.

Последней каплей, переполнившей чашу моего терпения и поставившей завершающую точку в этом этапе моей театральной карьеры, стала «операция» по уничтожению реквизита одного из спектаклей. Не помню, как он назывался и о чем был, но мебель в нем использовалась настоящая: столы, стулья, шкафы, буфеты, кровати и т. д. Тогда существовало идиотское правило, по которому все списанное оборудование уничтожалось в присутствии комиссии. Видимо, чтобы никто ничего не утянул домой. Так вот, позвали меня с напарником, заставили топорами изрубить добротную старинную мебель, которая нас бы еще пережила, свалили обломки в кучу и развели костер. Глядя на пламя, поглощавшее остатки того, что еще недавно радовало глаз своими формами и красотой, я чувствовал себя инквизитором. Пораженный равнодушными лицами окружавших меня людей, среди которых было много пришедших поглазеть на костер, я думал: «Что я тут делаю? Зачем мне это? Неужели ради этого рвался я сюда?»

Назавтра я не вышел на работу и решил больше в театр не возвращаться. Сестра помогла мне устроиться учеником монтера на телефонную станцию при Тульском почтамте. Кроме меня, там работали 15 девушек и мой учитель-горбун. Работа была — не бей лежачего. Паяй себе проводки да слушай щебет «гарема». Через месяц я кое-чему научился и даже стал монтером третьего разряда. Жил я в то время в подвале Дома работников просвещения, переоборудованном под самодеятельную гостиницу, поэтому вечерами заходил иногда на занятия театрального кружка, организованного при этом Доме. Занятия проходили довольно интересно, играли кружковцы неплохо, предлагали роли и мне, но я был уже не тот. Доза «яда», полученная мной в профессиональном театре, еще, наверно, не рассосалась. После нескольких репетиций мне стало скучно, и я ушел из кружка.

Потянулись серые однообразные будни. Я чувствовал, что живу бессмысленно и неинтересно, но никак не мог найти себе занятия по душе. Пытался после работы ходить в библиотеку и готовиться к экзаменам в институт, но вскоре бросил, так как не смог решить окончательно, в какой именно хочу поступать. Друзья предлагали сменить работу, поискать место, где больше платят, но было как-то лень, тем более что впереди совсем близко «светила» армия. Начал выпивать. Сначала по чуть-чуть, потом помногу… Ходил не глаженный, в стоптанных ботинках.

Однажды, соскучившись, я на три дня инкогнито съездил в Козельск, где все время просидел дома, не показываясь на улице, по которой прогуливались приехавшие на каникулы мои счастливые одноклассники, поступившие кто в медицинский, кто в нархоз, кто в военное училище…

А время шло. Приближался главный праздник нашего телефонно-женского коллектива — 8 Марта. Руководство по этому поводу наградило нас за высокие производственные показатели поездкой в Москву. Конечно, это была не ахти уж какая награда (от Тулы до Москвы на электричке езды часа два, да и в магазинах тогда почти все было, за колбасой в столицу еще никто не рвался), но дареному коню в зубы не смотрят, поэтому, когда сели в автобус, выяснилось, что «отказников» в коллективе не оказалось, и с песней мы взяли курс на белокаменную.

Во время гастролей в Омске мы с Владимиром Перцовым (писателем-сатириком) поселились в номере-люкс, в котором за год до нас жил композитор Игорь Лученок. Про этот номер нам рассказали вот какую историю.

Выступления Лученка прошли с большим успехом, и в качестве гонорара ему заплатили солидную по тем временам сумму денег, как нам сказали, больше трех тысяч рублей (легковая машина стоила пять). Программа пребывания в городе была очень насыщенной, выступления чередовались с банкетами, поэтому, получив деньги, Игорь заскочил в номер, сунул их под газетку в тумбочку и поехал на очередной, теперь уже прощальный, банкет. Чествовали сибиряки нашего земляка от души, вырваться от них Игорю удалось лишь незадолго до отправления поезда, поэтому собираться ему особенно было некогда. Наскоро побросав вещи в чемодан, он сел в машину и убыл на вокзал. О том, что деньги остались в гостинице, Лученок вспомнил только в поезде, когда отъехал уже на приличное расстояние от города. Что делать? Деньжищи-то огромные. Жалко. Он рассказал обо всем проводнику, тот — начальнику поезда, который связался с Омском и передал туда экстренное сообщение об оставленных деньгах. Надежды на удачу, конечно, практически никакой не было, но, как говорится, для очистки совести сделать это было нужно.

Директор филармонии вместе со своим замом приехал в гостиницу, объяснил все ее директору, и они все, прихватив еще администратора, поднялись на нужный этаж и постучались в номер. Новый жилец кавказской национальности открыл им дверь. Гремела музыка, сам он был слегка навеселе, в комнате находились еще несколько человек — эдакая «теплая» компания. Увидев администратора, все дружно начали оправдываться, утверждая,

что отмечают день рождения одного из них. Пришедшие объяснили, что это — не контрольный обход и что цель визита совершенно иная, после чего их любезно пригласили в номер и даже предложили присоединиться к пиршеству. Гости вошли в комнату — и директор филармонии сразу направился к тумбочке. Все, в том числе и сидевшие за столом, внимательно и с любопытством наблюдали за ним. Открыв тумбочку и подняв газету, директор обнаружил под ней деньги. Можете представить себе реакцию и состояние тех, кто за пару минут до этого веселился в номере. Хорошего настроения как не бывало, и, вообще, вечеринка была вконец испорчена, а хозяин номера наутро неожиданно выписался из него и уехал.

Кстати, некоторые христофоровцы, узнав об этой истории, поселяясь в гостиницах, стали с тех пор тщательно осматривать свои номера. Я вижу сейчас саркастическую улыбку на лицах читателей. И совершенно напрасно вы это делаете. Когда мы выступали в Армавире (пожалуй, самом грязном и пыльном из городов, где мне доводилось бывать), то обнаружили на антресолях в одном из номеров бутылку водки. Мы долго боялись ее пить, думали — а вдруг это какой-нибудь злоумышленник оставил, чтобы отравить нас, даже осматривали через увеличительное стекло пробку, но ничего подозрительного не заметили. Бросили на пальцах, кому проверять первому, и откупорили бутылку. Испытание прошло успешно, никаких нежелательных последствий не было, и допивали мы ее уже коллективно. После этого даже самые большие наши скептики, смеявшиеся прежде над другими, сами стали обыскивать свои номера. Хотя, возможно, они занимались этим, как и мы, и раньше, да только стеснялись до поры до времени признаваться.

Экскурсия

По дороге в столицу мы, сколько было сил, пели, и сколько было — пили. Остановились в Москве мы возле самой Красной площади, на Васильевском спуске. Автобус закрыли. Девушки разбрелись по магазинам, а мне мой шеф-горбун поручил докупить выпивки на обратный путь. Я взял «авоську» и, пошатываясь, отправился выполнять «спецзадание». Времени у меня было предостаточно, поэтому я, не торопясь, брел по улицам, куда глядели глаза и несли ноги. Найдя нужное заведение и наполнив сетку бутылками дешевого вина, я еще немного поболтался по улицам, а потом решил возвращаться обратно, но идти другим маршрутом, чтобы как-то разнообразить впечатления. Проходя по одному из переулков и глазея по сторонам, я вдруг заметил здание, которое мне показалось знакомым. Подойдя ближе к красивой металлической ограде, я присмотрелся и узнал его — это был ГИТИС, театральный институт, в который я так бесславно поступал в прошлом году. Взявшись руками за решетку, я стал наблюдать за тем, что происходило в институтском дворе. В здание входили и выходили из него группки студентов, они о чем-то оживленно разговаривали, смеялись, все были красивы, жизнерадостны и уверены в себе.

Со стороны я напоминал, видимо, многократно описанного в русской литературе крестьянского парня, восторженно и влюбленно наблюдающего, прильнув к ограде барского сада, за игрой дочерей помещика. Вид, кстати, был у меня соответствующий: длинные немытые, крашенные в черный цвет (по последней тульской моде) волосы, видавшая виды куртка, широченные брюки-«клеши», давно нечищеные ботинки, и в руках сетка-«авоська» с бутылками «чернил». Сегодня бы меня легко приняли за бомжа, а тогда я был типичным провинциальным «модником». Но в тот момент я ни о чем таком не думал. Не отрываясь от решетки, я весь был во власти воспоминаний. В памяти всплывали одна за другой сцены из моего недавнего краткосрочного пребывания в стенах ГИТИСа. Я думал, что все это давно похоронено во мне и никогда не возвратится, ан нет, не тут-то было.

«Глаза его горели, пальцы сжимали прутья решетки, голова гудела от нахлынувших и бушевавших в ней мыслей и чувств. «Да что же я делаю?! — думал он, — Ведь вот же моя настоящая жизнь, а я чем занимаюсь? Неужели я такое ничтожество, что не могу побороться за себя? Я должен быть среди этих людей, а

иначе я вообще не достоин жизни. Разве назовешь ею мое серое и бездарное существование? Все. Конец. Или-или…» — так обычно пишут в дешевых романах о переживаниях героя, но так тогда было и со мной, и ничего с этим не поделаешь.

Не помню, как доплелся я до автобуса, помню лишь, что вид мой всех очень удивил. Да, хотя внешне я остался все тем же, внутренне это был уже совсем другой человек. А когда я вдобавок наотрез отказался от вина, то озадачил даже своего невозмутимого шефа, который сначала огорчился, но потом, глотнув пару раз, обрадовался. Весь обратный путь я молчал, обдумывая план дальнейших своих действий.

Друзья часто спрашивают меня сейчас, с чего это я стал таким ярым фаталистом. А как им не стать, если в моей жизни было так много случайностей, которые в корне меняли мою судьбу. Ведь не попади я тогда в переулок Собинова, в котором находится ГИТИС, и, кто знает, скорее всего, моя жизнь сложилась бы совсем по-другому, а может быть, даже вообще не сложилась бы. А сколько еще было таких случайностей! О некоторых из них (обо всех просто невозможно) я постараюсь рассказать в этой книге.

В Тулу мы вернулись поздно вечером. Сначала мне пришлось сопровождать домой своего пьяного в стельку шефа, потому что вести его было некому, а сам бы он не дошел. Я чувствовал перед ним свою вину, ведь я тоже внес существенный «вклад» в его «разобранное» состояние, точнее свою долю, которую, по предварительному расчету, должен был «принять на грудь» сам. Потом я еще долго бродил по улицам, а придя в свою комнатушку, почти без сна пролежал на неразобранной кровати до утра.

Решение было принято окончательно и бесповоротно: я снова буду поступать в театральный институт. Это совсем не походило на обещание «начать с понедельника», которое многие дают, а потом успокаивают себя после его невыполнения тем, что не говорили, с какой недели.

До начала вступительных экзаменов оставались считанные месяцы, поэтому, едва назавтра открылась наша Тульская библиотека им. Ленина (а Ленинские библиотеки были тогда в каждом городе), как среди ее первых посетителей был и я.

Однажды на заре перестройки театр «Христофор» пригласили участвовать в одном из комсомольских праздников. С комсомолом у нас, если быть честным, отношения «всегда складывались хорошо». Там работало много способных и энергичных ребят, которые сейчас с успехом занимаются бизнесом и политикой, а

тогда, делая карьеру, не забывали помогать и другим. Нам, например, они устроили несколько неплохих гастролей, одни из которых, по Германии, и утвердили нас в решении выделиться в самостоятельный театр.

Концерт, о котором я хочу рассказать, организовывался для участников комсомольского пленума. На него приехали комсомольские работники со всей республики, и им, как тогда было принято, предлагался стандартный набор развлечений: экскурсии, концерт, банкет и пр. На банкет мы приглашены не были, а вот на концерт — удостоились чести. Причем его организаторы, явно перестаравшиеся и собравшие, чтобы угодить начальству, чересчур большую программу, поставили нас как одних из наиболее популярных, почти в самом ее конце.

Пленум затянулся, из-за чего и концерт начался со значительным опозданием. Все артисты уже до его начала были немного взвинчены и взбудоражены долгим ожиданием. Номера тянулись бесконечной чередой, зрители явно устали, а нас все не приглашали на сцену. И вот, наконец, сообщили, что сейчас выступит певец Николай Скориков, а за ним пойдем мы. Коля Скориков тогда «специализировался» на исполнении жизнерадостных комсомольских песен и маршей. Природа наделила его, помимо хорошего голоса, еще и соответствующей внешностью: худощавое мужественное лицо, гордая осанка и горящий взор. Пробегавшая мимо меня юная комсомолка-ведущая вдруг спросила:

— А Скориков — ваш?

— Да, — машинально ответил я, не успев даже вдуматься в суть вопроса.

И вот слышу, как она объявляет:

— Артист театра сатиры и юмора «Христофор» — Николай Скориков! У рояля — композитор Игорь Лученок!

Приунывший было зал встретил Николая бурными аплодисментами и чуть ли не стоя, что немного удивило артиста, так как он к такому приему не привык. Они с Лученком перед этим напоследок обсуждали порядок следования песен, поэтому и не услышали, каким образом их представили зрителям. Скориков быстро взял себя в руки, решив, видимо, что, наконец-то, зрители оценили его по достоинству, кивнул Лученку и, жестом попросив зрителей успокоиться, приготовился петь. Зал замер в предвкушении удовольствия: артист «Христофора» в сочетании со знаменитым и находившимся тогда в зените славы Игорем Лученком должен был преподнести нечто невероятное.

Раздались первые звуки аккомпанемента, Скориков принял подобающую позу и энергичным, голосом с пафосом запел: «…

Любовь, комсомол и весна! И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!»

Взрыв дикого хохота и аплодисментов в зале прервал его пение. Дело в том, что в ту пору уже дозволялось шутить понемногу на политические темы, и даже появлялись первые робкие пародии на самого М. С. Горбачева. Сидевшие в зале комсомольцы подумали, наверно, что это пародист так здорово, под отличный аккомпанемент, с металлом в голосе, почти один к одному, подражает исполнителям комсомольских песен. Скориков допел первую песню до конца и начал вторую — «Комсомольцы-добровольцы». Но она вызвала не меньшее оживление среди зрителей. Скориков с Лученком недоумевающе переглянулись, и Николай стал украдкой косить глазами на свои брюки, пытаясь найти, где у него и что неудачно расстегнулось, порвалось или выпачкалось. Но с брюками было все в порядке, поэтому Скориков пропел все запланированные песни, несмотря на, мягко говоря, несколько непривычную и слишком уж эмоциональную реакцию публики, и под бурные аплодисменты, сопровождавшиеся хохотом и свистом, гордо и с достоинством ушел за кулисы. Потом его еще два раза вызывали «на бис», но он, правда, не пошел. Думаю, до сих пор Коля (теперь уже Народный артист республики) не знает, кому он обязан своим оглушительным успехом на этом концерте. А нам тоже не жалко, у «Христофора» славы достаточно, и если мы ею с кем-то поделимся, то пусть ему это будет на пользу, от нас не убудет, а сделать добро своему брату-артисту только приятно.

Вторая попытка

Наступил июнь 1973–го. Пора было опять ехать на вступительные экзамены в Москву. Денег, как всегда, на все у меня не хватало. Пришлось применить для их экономии (хотя бы на билетах) наш старый испытанный прием. Потом я им еще часто пользовался в студенческие годы, да, думаю, что и сейчас он в ходу у студентов. А делали мы вот что. Надев любимые пассажирами мятые, васильковые тренировочные штаны и спортивные майки, мы прогуливались по перрону с пакетами, в которых лежал наш небогатый багаж. Когда поезд трогался, а через Тулу шли все поезда на Москву с юга, мы на ходу впрыгивали в вагоны. Проводники беспрепятственно впускали нас, принимая по виду за зазевавшихся пассажиров из других вагонов, и мы, «гуляя» по поезду и уклоняясь от контролеров, ехали так аж до Москвы. Перед самым прибытием в столицу мы заходили в какой-нибудь туалет, переодевались там и выходили на перрон уже и приличном виде.

Таким вот образом прибыл я в Москву и на этот раз. Все было почти как год назад. Опять толпы абитуриентов, мечущихся из института в институт, опять масса новых знакомых, с которыми делишься последней булочкой или бутылкой кефира и за которых болеешь, как за себя, забыв, что это твои конкуренты. Опять ежедневные надежды с утра и разочарования к вечеру, и снова надежды, и снова разочарования.

Не забуду, как нас разыграли третьекурсники во МХАТе. Позднее, я узнал, что это старинный традиционный студенческий розыгрыш, и даже сам его применял, но тогда попался, что называется, «без наживки».

Дело было так. К группе испуганных абитуриентов, среди которых был и я, подошли несколько молодых людей и, представившись членами приемной комиссии, предложили пройти в аудиторию для предварительного прослушивания. Мы с радостью двинулись за ними и около часа услаждали их зрение и слух своими «гениальными» выступлениями. Когда, наконец, наши экзаменаторы пресытились, они похлопали некоторых из нас по плечам, поблагодарили, выразили твердую уверенность в том, что в студию придет достойное пополнение и им будет очень приятно учиться рядом с такими талантливыми ребятами, пожелали нам дальнейших успехов на экзаменах и с достоинством удалились. Мы же все, глядя им вслед, сначала долго изображали финальную сцену из «Ревизора», а потом еще дольше истерически хохотали.

На этот раз я сдавал экзамены увереннее, чем в прошлом году, и даже дошел кое-где до второго тура, но дальше, увы, меня не пропустили. Конечно, было обидно, но я не расценивал неудачу в Москве как катастрофу, потому что твердо решил, что стану артистом. Ничто уже не могло сбить меня с избранного пути.

Во время экзаменов я познакомился с девушкой, такой же неудачницей, как и я (кстати, вот такие неожиданные знакомства с девушками, имен которых я теперь даже не помню, часто оказывали очень большое влияние на мою жизнь), которая сообщила мне, что можно еще поступать в Свердловское театральное училище. Долго меня уговаривать не нужно было, мы в тот же день купили билеты (тогда это было довольно дешево) и полетели в Свердловск (теперь Екатеринбург). Там нас тоже постигла неудача, правда, еще был шанс поступить на кукольное отделение, но один из экзаменаторов, очень умный человек, отговорил, убедив, что у меня нет к этому делу призвания. Я ему за это от всей души благодарен, потому что, если бы я, не дай Бог, не послушал его тогда и поступил, то не было бы, наверняка, в моей судьбе ни театра им. Я. Купалы, ни «Христофора», ни этой книги, и вообще все сложилось бы по-другому и, мне кажется, значительно хуже.

После Свердловска я с тем же успехом слетал еще в Ленинград, дошел там, как и в Москве, до второго тура, но дальше продвинуться не смог. Жить в Ленинграде мне было негде, поэтому во время пребывания в городе я все ночи (а они в эту пору, как известно, белые) проводил на свежем воздухе. Сначала гулял, пока хватало сил, по улицам, а потом дремал на лавочке в одном из скверов. Очередной провал на экзаменах я воспринял не как крах всех надежд, а лишь как «временную неудачу», считая, сам не знаю почему, что и теперь еще не все потеряно. И в самом деле, когда мы с группой таких же, как я, неудачников обсуждали план дальнейших действий, одна девушка, имени которой я сейчас тоже не помню, но думаю, что и ею руководила моя Судьба, сказала:

— А чего расстраиваться, поехали к нам в Минск, там экзамены еще не начались, а поступать намного легче.

О Беларуси я в ту пору знал лишь, что это партизанская республика и там очень много картошки. Я ее почти так себе и представлял: бескрайние, уходящие за горизонт картофельные поля, на которых прячутся партизаны. Но мне их бояться было нечего, поэтому я с радостью откликнулся на предложение, и через несколько часов мы уже садились на Витебском вокзале и поезд, отправлявшийся в Минск…

Истории этой уже очень много лет. Произошла она в первые послевоенные годы в Витебске, где в ту пору играл молодой Еременко-старший. В одном из спектаклей, пользовавшимся наибольшей популярностью у зрителей, он исполнял роль советского разведчика, действовавшего в глубоком тылу фашистов, по-моему, даже в Берлине. Штирлиц в ту пору еще не родился, поэтому Еременко принимал весь зрительский восторг на себя, не делясь им ни с кем. А роль у него, надо признать, была выигрышная, особенно финальная сцена. В ней наш разведчик, услышав на улицах громовое «Ура!» советских солдат, срывал с себя ненавистный вражеский мундир и оказывался в новенькой советской форме при золотых погонах, орденах и Звезде Героя. Зрителей это приводило в экстаз, все вставали и устраивали артисту овацию, никто даже не задумывался над тем, как носил наш разведчик свою форму под немецким мундиром… Не исключено, что многие были уверены, что она была на нем всю войну, как бы непрерывно связывая героя с Родиной и вынуждая его отказываться от услуг врачей, местных проституток и бань.

В один из вечеров Еременко с такой злостью швырнул сорванную с себя гестаповскую фуражку, что она, как диск, со свистом полетела за кулисы. А там стоял, ожидая выхода, артист, игравший гестаповца Отто фон Дица, бывшего на протяжении всего спектакля оппонентом Еременко, как Мюллер Штирлицу.

Чтобы фашист вызывал как можно больше отрицательных эмоций у зрителей, ему из специального материала, который называется гумоз, налепили огромный крючковатый нос, коим фон Диц больше всего внимания и привлекал. Так вот, фуражка угодила ему в эту выдающуюся часть лица и срезала козырьком почти все, что с таким мастерством нарастили гримеры, оставив артиста с симпатичным курносым носом. Но горевать (или радоваться?) было некогда, гестаповцу пора было выходить на сцену. Увидев Еременко в непривычной форме, фон Диц, указывая на него, на ломаном русском языке, который заменяет артистам иностранный, стал рассказывать залу о том, что вот из-за таких немцы проиграли войну, точнее, такие ее выиграли, а еще точнее — сам Еременко. Но ни зрители, ни Еременко его не слушали. Все смотрели на новый нос. Было видно, что опытный и невозмутимый наш разведчик, который за время спектакля выходил с честью из самых невероятных передряг, впервые на мгновение растерялся. Но только на мгновение. В очередной раз, взяв себя в руки, герой Еременко с гневом воскликнул:

— Ах ты, гад! Ты надеялся, сделав пластическую операцию,

избежать справедливой кары? Не выйдет!

И он с ненавистью и выражением гадливости на лице «разрядил» обойму своего деревянного пистолета в гестаповца…

Спектакль всегда заканчивался бурей аплодисментов, но на этот раз зрители превзошли себя. В зале творилось нечто невероятное, и если бы на сцену вышел в этот момент человек, который на самом деле в одиночку выиграл войну, он вряд ли затмил бы Николая Николаевича.

Студент!

В Минск я приехал ранним утром и был приятно удивлен тем, что он оказался очень большим городом, в котором даже ходили троллейбусы, чего я совсем не ожидал, так как до сих пор на третье по величине место после Москвы и Ленинграда ставил Тулу. Пока я ехал от вокзала, все время глазел в окно и с радостью отмечал про себя обилие зелени, красивые здания и памятники, особенно поразила меня необычная композиция на большой площади за пару остановок до института. До этого я много видел памятников Ленину в разных городах, все-таки уже поездил по стране, но такого еще не приходилось: в центре сидел «дедушка Ленин», с одной стороны от него лежал мальчик со скрипкой, а с другой стоял старик с ружьем. Только потом, когда я уже стал студентом, и мы с друзьями часто гуляли возле этого памятника на одноименной площади… Якуба Коласа, они мне объяснили, что я слегка «обознался».

Прибыв в институт, я сдал документы в приемную комиссию и в тот же день участвовал в первом туре вступительных экзаменов. Конкурс, по московским меркам, был смешным: где-то 20 человек на одно место. Я считал себя опытным абитуриентом, читал стихи и басни уверенно, практически без дрожи в голосе, поэтому, увидев свою фамилию в списках прошедших на второй тур, обрадовался, но не удивился, так как до второго тура я доходил уже и в Москве, и в Ленинграде.

Во втором туре я читал отрывок из «Гамлета», чем, как мне показалось, понравился комиссии, потому что большинство поступавших за пределы школьной программы не выходило. «Имидж» мой, правда, не совсем соответствовал образу, ибо за последний год мало изменился, и я своей патлатой прической и торчащим меж волос носом больше походил на Гоголя, чем на принца датского. Кстати, тогда многие из нас, как и в Москве, пытались привлечь к себе внимание необычными элементами внешнего убранства. Толя Кляшторный (будущий христофоровец), запомнился мне полосатыми, под Черчилля, брюками и огромным сократовским лбом, окаймленным кудрями. Лоб пользовался даже большей популярностью, чем брюки. Я оказался как-то случайным свидетелем спора наших девочек, когда одни утверждали, что такой лоб — признак большого ума, а другие — рано начинающей расти лысины. Как потом показала жизнь, спорили они совершенно напрасно, так как правы оказались и те и другие.

Саша Хвостиков (в будущем первый директор «Христофора»),

выделялся гигантским, около двух метров, ростом, за что его, по-моему, в основном и приняли, и роскошным жабо, в котором он явился на второй тур. Я тогда впервые увидел, благодаря Сашке, жабо и узнал, что есть такое слово. Хвостиков и в дальнейшем вызывал у однокурсников зависть тем, что первым обзаводился модной и престижной одеждой. Например, у него раньше всех на курсе появился плащ «болонья», а потом, о чем особый рассказ, — лосины.

С лосинами было вот что. Саша, уже будучи студентом, попросил однажды у преподавательницы танцев разрешения прийти на занятия в лосинах и, разумеется, получил его. Лосины он надел дома и, войдя в зал и сбросив плащ, сразу предстал перед нами во всем своем «великолепии».

Девочки, глянув на Сашу, непроизвольно прыснули и, зардевшись от смущения, отвернулись, ребята ехидно заулыбались, и только наша находчивая преподавательница, чтобы быстрее разрядить обстановку, красная, кстати, не менее девочек, отвела ничего не понимавшего Хвостикова в угол и доходчиво объяснила ему, что лосины на голое тело не надевают…

Вернемся, однако, ко мне. Отчитав «Гамлета», а потом еще отрывки из Чехова и Лермонтова, и почувствовав благосклонное отношение экзаменаторов, я ушел с экзаменов в общагу. У меня не было сомнений, что я прошел на третий тур, а это на 90 процентов означало поступление, так как к третьему туру оставалось почти столько же претендентов, сколько было и мест. И хотя списки участвующих в третьем туре должны были быть вывешены только завтра, мы в общежитии, которое, к моему удивлению, выделили всем приезжим, устроили вечером небольшой «междусобойчик» и отметили свой успех. Я там изображал из себя «бывалого», ведь прошел, хоть и бесславно, столько театральных институтов.

Утром я помчался в институт и, предвкушая удовольствие, стал читать вывешенные в вестибюле списки. Прочел их раз, потом внимательнее — второй, потом — еще раз, но своей фамилии в них не нашел. Были в этих списках все, с кем мы вчера веселились, были ребята, которых я считал заведомо слабее себя, но моей фамилии не было.

И вот тут у меня произошел слом. Видимо, я не артист, решил я. Наверно, это не мое дело и нет у меня к нему способностей. Столько раз я пытался, и всегда отовсюду меня выталкивали. Значит — не судьба. Пора с этим кончать.

Еще с одним таким же неудачником мы прямо из института пошли в гастроном, а оттуда — в общежитие «заливать горе».

Внешне я старался держаться спокойно, делая вид, что ничего страшного не произошло, но в душе был мрак, вся моя дальнейшая жизнь представлялась мне в сплошных черных красках. «Посидев», мы стали собирать чемоданы. Поезд на Москву уходил вечером, времени еще было достаточно, поэтому, сложив вещи, я взял чемодан и решил зайти в театральный институт, чтобы сказать ему последнее «прости», а потом погулять напоследок по городу.

Войдя в вестибюль БГТХИ (Белорусского театрально-художественного института), я сразу заметил, что на стенде со списками что-то изменилось. Присмотревшись, я понял в чем дело: появился еще один листок с фамилиями. Быстро пробежав его глазами, я обнаружил и свою фамилию. Как потом выяснилось, утром я приходил в институт слишком рано, к тому времени машинистка еще не успела отпечатать все списки, поэтому сначала вывесили только те, которые были готовы.

Стою я, ошарашенный, перед стендом и вдруг слышу за спиной голос нашего любимого всеми институтского секретаря Эммы Михайловны:

— Крыжановский, где вы ходите?! Уже пошла сдавать последняя «пятерка». Вас все никак найти не могут!

Я бросил чемодан и помчался в аудиторию. А был-то я в подпитии, поэтому, вбежав, на ходу начал извиняться, но обо что-то споткнулся и упал, чем вызвал смех комиссии. Кто-то из экзаменаторов спросил, что у меня случилось и чем вызвано такое возбуждение, но я, по понятной причине, не стал ничего объяснять, и сказал, что готов сдавать экзамен.

Как я в тот день танцевал! Хотя танцы я, в общем-то, не люблю и в институте потом занимался ими с большой неохотой, но тогда был в ударе. Комиссии «посчастливилось» увидеть лучший из когда-либо исполнявшихся мной танцев. С огромным подъемом выполнил я и все остальные задания. По-моему, в тот раз я превзошел себя, и у меня получалось все, а благосклонные улыбки на лицах членов комиссии и их ободряющие взгляды только прибавляли мне сил.

Через полчаса после того, как «отплясал» последний из нас, всех пригласили в аудиторию и зачитали фамилии тех, кто был допущен к сдаче экзаменов по общеобразовательным предметам. Среди них был и я. А так как провалить экзамены по школьным дисциплинам в театральном институте практически невозможно (хотя находились и такие, но для этого нужно было в слове «мама» делать пять ошибок), мы все стали поздравлять друг друга с поступлением. Это была победа!

Вот и не верь после этого в судьбу. Страшно подумать, что

было бы со мной, если бы по пути на вокзал я не зашел тогда в институт попрощаться с театральной жизнью.

После сдачи каждого экзамена я слал домой телеграммы. Когда был сдан самый последний и нам официально сообщили о зачислении в институт, мы закатили на радостях такой пир, что оставшихся у меня денег едва хватило на телеграмму всего из одного слова: «Студент!»

С чего начинается театр? На этот счет есть много, в том числе и достаточно авторитетных, мнений, но для артиста он, несомненно, начинается с приказа дирекции о распределении ролей, в котором заключено все: и зрительские аплодисменты, и поездки со спектаклем за рубеж (а сейчас многие пьесы берутся именно с этим прицелом), и надежды на будущее звание. В приказе сначала перечисляются главные роли и указываются фамилии артистов-исполнителей, потом идут большие, но второстепенные роли, за ними — маленькие и эпизодические и, наконец, массовка. Когда приказ вывешивается, артист начинает искать свою фамилию с самого верха списка, потом его взгляд опускается ниже, потом еще ниже и где-то внизу, перед словом «массовка», он все-таки находит свою фамилию напротив слов «полицай в шапке». Мгновенно пьеса становится ему ненавистной, кажется скучной и бездарной. Единственное, о чем мечтает в этот момент артист, чтобы его «полицая» убивали в начале спектакля, тогда исполнитель успевал бы хоть посмотреть дома очередную серию «Санта-Барбары».

У меня когда-то тоже была такая роль, причем в самом конце спектакля. Когда я, наконец, выходил на сцену и смотрел на умирающего главного героя, то, произнося свое единственное по роли слово «доигрался!», вкладывал в него ненависть сразу ко всем: и к режиссеру, и к исполнителю главной роли, и к драматургу, написавшему такую гадость, и к артистам, свободным в этот день от выступлений.

Вообще, эпизоды и массовка для артистов, как наказание. И нередко режиссеры пользуются этим для усмирения наиболее строптивых. С моим однокурсником Николаем Леончиком, теперь артистом Театра юного зрителя, случилось такое даже тогда, когда он занимал еще и высокий пост самого председателя профкома театра. Что-то там Коля не поделил с тогдашним главным режиссером ТЮЗа г-ном Абрамовым, и тот, долго не думая, взял и назначил Николая па роль джинна в сказке «Волшебная лампа Аладдина». А роль эта, надо сказать, препоганейшая. Мало того, что приходится сидеть в фанерном кувшине, в который, перед появлением джинна на сцене, напускают выедающий глаза дым, так тебя еще потом на стальном тросе

поднимают на высоту двухэтажного дома, где ты, болтаясь, как сосиска, и размахивая руками, должен сказать две фразы: «Ты звал меня, о, господин?» и «Слушаюсь, мой господин!» И так на протяжении всего спектакля раз десять.

Это было не только коварное, но и оскорбительное назначение, так как обычно такие роли дают кому-либо из молодых артистов или студентов театрального института, а Николай к тому времени проработал в ТЮЗе уже более 5 лет.

Но Коля Леончик был матерым театральным волком, пережившим около десятка главных режиссеров, и его было нелегко взять голыми руками. Николай, как профорг, позвонил в инспекцию по охране труда и «настучал» на Абрамова. После трехчасового спора об искусстве и новаторстве в нем представителей инспекции и режиссера последнему запретили (во избежание несчастных случаев) сцену «вознесения» джинна из бутылки, вернее из кувшина. Леончик на радостях проставил своей гримерке аж две бутылки портвейна, что для ТЮЗа было неслыханной щедростью.

Но и режиссер Абрамов был не лыком шит, он ведь тоже прошел жесточайшую школу борьбы за выживание в нескольких театрах бывшего СССР. Через два дня в театре был вывешен приказ о назначении артиста Леончика на роль слуги падишаха. А эта роль была, пожалуй, даже еще более противной, чем роль джинна. Дело в том, что все падишахи жутко любят, чтобы их постоянно обмахивали опахалом слуги, да не простые, а обязательно негры в одних набедренных повязках. А для того, чтобы сделать негра из обычного советского артиста, применяется простой и эффективный метод: дают бедняге банку морилки и заставляют вымазаться ею в прямом смысле с головы до пят. Но это еще полбеды, а ведь после спектакля-то нужно все смыть. А у нас, сами знаете, то душевая не работает, то нет горячей воды. И даже если все есть и работает, пока отмоешься и высохнешь, все твои коллеги уже давно будут дома.

Короче, Абрамов знал, что делал. Но и Леончик сдаваться не собирался. Он натерся какой-то гадостью типа смеси репея с куриным пометом и, когда кожа покраснела и местами вспухла, быстренько направился в кожно-венерологический диспансер, сообщив там, что это у него от морилки. Уходил из диспансера Николай победителем, неся в кармане справку о том, что ему запрещено не только мазаться морилкой, но даже пользоваться гримом.

Но радоваться было рано. Через несколько дней Абрамов нанес очередной удар…

Тем, кому интересно узнать, чем и когда все закончилось, напомню: Театр — вечен. А утверждение Станиславского о том,

что нет маленьких ролей, а есть только маленькие артисты, справедливо, по-моему, разве что для лилипутов…

Театральный институт

И вот 1 сентября 1973 года я начал учебу в БТХИ, на курсе Веры Павловны Редлих, ученицы К. С. Станиславского. Нашему курсу повезло с преподавателями — это были талантливые, преданные беззаветно своему делу артисты-педагоги. И не их вина в том, что если на первом курсе почти все мы приходили на занятия с горящими глазами, то к концу учебы огня у многих значительно поубавилось. Из 25 моих однокурсников дипломы получили только 12. Считается, что, если из выпускников курса хоть один станет настоящим знаменитым Актером, — это хороший курс, если два — просто замечательный, а если три или больше, то это — суперкурс, но такие бывают только теоретически, в жизни их никто не видел. Раньше я этому утверждению не придавал значения, считал, что оно не соответствует действительности — ведь всех же нас выпустят артистами. Но сейчас, по прошествии более 30 лет, пытаясь вспомнить своих однокурсников и проследить их дальнейшую судьбу, вижу, что лишь немногие из них работают в театрах, да и то просто тянут лямку, зарабатывая на жизнь и не снискав ни славы, ни любви зрителей. А ведь многие, особенно девочки, окончили институт с красными дипломами.

Театр — жестокая штука, здесь очень сильна конкуренция, выживает только сильнейший, остальные попросту становятся артистами эпизодов и массовки. Да, можно поступить в театральный институт и даже в театр по блату, но как заставить потом зрителей ходить и смотреть бесталанные выступления?

Учась в БГТХИ, я жил в общежитии, что при многих минусах, по сравнению с условиями минчан, живших у себя дома, имело и достаточно плюсов. Главный из них — возможность свести до минимума время на посторонние дела и не отрываться от учебы и репетиций чуть ли не весь день. Правда, был период, когда нас с Колькой Леончиком из общежития выселили по причине простой и даже банальной. Хотя в армии мы до этого не служили и имели к ней отношение чисто условное (лишь в силу своего пола), мы как-то решили отметить 23 февраля в нашей комнате на «всю катушку». Надо же было такому случиться, что назавтра после праздника в общежитии была проверка сансостояния комнат (в комиссии работали опытные люди, которые знали, когда проверять). Комиссия, придя в нашу комнату и увидев в ней живописную картину «после вчерашнего», естественно, потребовала немедленного выселения нас из общежития. Леончик переехал к родственникам, а я, по причине отсутствия таковых в

Минске, поселился прямо в нашей аудитории, тем самым еще больше приблизившись к учебному процессу. Днем, конечно, я не мог пользоваться своим новым «жильем», так как там шли занятия, зато вечером, когда кончались лекции и репетиции, наступало мое время. Расстелив театральную шинель на столах, я устраивался на ночлег. Друзья помогли мне раздобыть запасной ключ, поэтому я мог пользоваться своей «квартирой» в любое удобное для меня ночное время. Если будете проходить мимо здания театрально-художественного института (теперь Академии искусств), обратите внимание на балкон над входом — это был мой балкон. Я там отдыхал перед сном, дышал свежим воздухом, смотрел на звезды и ел бутерброды, которые мне Леончик забрасывал прямо на балкон, когда его вечером не пропускал в здание вахтер.

Есть такая формула: актерскому делу научить нельзя, но научиться можно. Мы жили с преподавателями одной дружной семьей. Учебный процесс в нашем институте был построен так, что студенту просто необходимо было раскрыть все свои способности. Мы проводили время вместе с преподавателями актерского мастерства не только в институте, но и за его стенами, часто ходили к ним в гости, и это не считалось чем-то неприличным или сверхъестественным.

Как я говорил раньше, вместе со мной учились будущие соратники по «Христофору» Александр Хвостиков, наш первый директор, и Анатолий Кляшторный. Во всех учебных спектаклях нашей троице всегда доставались роли фашистов или полицаев, а если спектакль был о мирном времени, то — пьяниц, подонков и негодяев. Боясь не выйти из образов в жизни, мы старались относиться к своей судьбе с юмором, что в дальнейшем, как теперь выяснилось, нам очень пригодилось. Репетициями и выступлениями на сцене я мог заниматься бесконечно, не замечая времени и не чувствуя усталости, поэтому к концу учебы считал себя уже сложившимся актером, который достоин претендовать на многое. Да и отметки по всем специальным дисциплинам у меня были отличные, и потому, идя на распределение, я очень рассчитывал, что меня оставят в Минске, более того — в хорошем престижном театре.

Была еще одна причина, по которой я очень хотел, чтобы меня распределили в Минск. На четвертом курсе я встретил мою первую серьезную любовь — Лену, студентку-художницу, которая тоже училась в нашем институте на отделении керамики и стала впоследствии, когда я уже работал в Купаловском театре, моей первой женой.

Мне повезло, что довелось учиться в институте в годы, когда

там работали лучшие, по-моему, за все время его существования педагоги: Август Милованов, Вера Павловна Редлих, Владимир Маланкин, Александр Бутаков, Илья Курган и другие. На сегодняшний день мастеров с большой буквы там единицы. Чтобы быть педагогом в театральном институте, надо иметь к тому призвание, надо уметь «умереть» в студенте …

Ну, а студенческая жизнь это ведь не только экзамены и зачеты. Смешного было много и в общаге, и на лекциях, и на каникулах. На третьем курсе мы поехали в Псковскую область в стройотряд. До нас на такое серьезное общественно-политическое мероприятие «театралку» не брали — уж очень все эти будущие артисты и художники люди не надежные, с комсомольской точки зрения. Но в тот год чего-то «лоханулись» наши руководители из ЦК ВЛКСМ Белоруссии, и банда из тридцати человек (а другим словом эту бородато-волосато-гитарную компанию не назовешь) ворвалась в поселок Должицы в нескольких сотнях километров от станции Дно, на которой в 1917 году был арестован Николай II. В первую очередь поселок Должицы был переименован нами в Должицы — кишлак, а мы, как басмачи, стали называть себя Женя-джан, Саша-ака, Коля-оглы… Во вторую очередь немедленно был составлен список злостных самогонщиков поселка, а сами они запуганы (не даром же мы артисты) предстоящей продразверсткой их продукции, и наложена дань — по бутылке в день с каждого из них в пользу голодающих детей Поволжья… В-третьих, после трех дней празднования входа театрально-художественных войск в многострадальные Должицы мы отправились на осмотр «Объекта»…

Сам «Объект» представлял собой заброшенный коровник, который нам предстояло снести, а на его месте возвести новый. Сразу оговорюсь, что строителей и архитекторов в нашей банде не было, и насчет «снести» мы еще как-то могли что-то придумать, но вот насчет «возвести»… На снос коровника сошелся весь поселок и прилегающие к нему деревушки. Это было зрелище… С гиканьем и уханьем волосатые и бородатые белорусы накинулись на ни в чем не повинное строение, видавшее белых и красных, немцев и наших, и устоявшее после всего этого. А тут в течение нескольких часов студенты больше похожие на банду Абдулы из «Белого солнца пустыни» разнесли его по бревнышкам и кирпичикам на мелкие кусочки, не гнушаясь ни ударами молота, ни приемами карате, ни просто битьем окон и дверей сапожищами. В нас кипел дух разрушителя Чингиз-хана и с первой задачей мы справились прекрасно. Потом весь поселок в течение почти недели праздновал победу БГТХИ над коровником. С нами пили все — и взрослые, и

дети, и председатель, и доярки. Мы ввергли Должицы в пучину пьянства и разврата…

Через неделю к нам с проверкой приехала комиссия из ЦК комсомола. Мы одели не пропитую еще стройотрядовскую форму и встретили дорогих гостей по всем правилам комсомольского гостеприимства. Сводили их на «Объект», показали вымытое до блеска общежитие (пустые бутылки, несколько сотен, были предварительно отвезены на местном грузовике в райцентр и сданы), ужин с комсомольскими песнями у костра… Но комиссия, похвалив нас, все же заявила, что основное наше дело не ломать, а строить. Новый коровник… Блин. Как строить-то? Тут я сделаю купюру, так как описывать нашу комсомольскую стройку просто не хватит времени и места. Это отдельный роман. Перенесемся к финалу нашей истории. Прошел месяц. И в Должицы — кишлак приехала приемная комиссия, составленная из комсомольских функционеров, районного начальства и строительных организаций Пскова. На автобусе «Икарус» они сразу отправились на «Объект»…

Тот, кто хоть раз смотрел документальные фильмы о войне, наверняка помнит кадры разрушенного Сталинграда. Руины, дымящиеся воронки, трупы фашистов… Зрелище, представшее перед глазами комиссии, было один к одному со сталинградским. Только вместо убитых немцев перед бывшим коровником лежали командир отряда, комиссар и почти одна треть бойцов — будущих артистов и художников. Были они не убиты, не ранены, не контужены. Просто пьяны. Зная о предстоящем приезде комиссии, они просто нажрались, чтоб не видеть собственного «расстрела». За ними стояла покосившаяся стена, возведенная из оставшихся от пропоя кирпичей, с обратной стороны подпертая от падения огромным дрыном. Перешагивая через «трупы», перевернутые тачки, сломанные лопаты, горы строительного мусора и битые бутылки, комиссия вошла внутрь «коровника». «Внутрь», это, конечно, громко сказано. Пространство, изображавшее «внутрь» нового коровника, — это место, со всех сторон окруженное криво сбитыми щитами, а сверху, вместо крыши, на перекинутых палках был натянут рваный целлофан… Перед ними, вытянувшись по стойке «почти смирно», стараясь не дышать в сторону приемной комиссии, стояла «бригада бетонщиков». Пленные красноармейцы или современные бомжи выглядели по сравнению с нами (а я был в этой «бригаде» подносчиком бетона) олигархами, одетыми от кутюр… Кто в рваных штанах, кто в трусах на босу ногу, кто с подбитым глазом или на лысо обритый (проиграл прическу в карты)… Батька Махно взял бы нас в свою армию без вступительных экзаменов… Но мы стояли гордые, так как наша работа была сделана на совесть. А мы бетонировали пол этого

самого «Объекта» для того, чтобы буренки, вспоминая нас добрым словом, на этом бетонном полу стояли, привязанные к столбикам, и жевали свежее сено.

Комиссия облегченно вздохнула. Ну, хоть что-то сделано, хоть о чем-то можно рапортовать наверх. Главное — бетонное основание есть, а стены и крышу возведут следующие строительные отряды в следующем же году. И тут одна радостная женщина (кем он была в этой чертовой комиссии, я не знаю), решила пройтись (как корова) по этому самому бетонному основанию в своих городских туфельках на шпильках. Мы ойкнули…

Дело в том, что чтобы залить бетоном огромное пространство под основание коровника, нужно было не менее нескольких десятков самосвалов жидкого бетона, а их, естественно, у нас и в помине не было. Были только носилки да лопаты. Цемент разводили тут же у стен «Объекта», смешивали с песком и готовый бетон на тяжеленных носилках тащили на «точку выливания»… Что-то подобное изображал знаменитый Шурик в комедии «Операция «Ы», в первом сюжете о стройке. После нескольких дней ударного труда наша бригада поняла, что ничего хорошего из этого не выйдет, а только заработаем себе вечный радикулит и растяжение всех мышц во всех мыслимых и немыслимых местах. И тут нам пришла гениальная мысль. Мы сделали нашу часть «Объекта» закрытой зоной в прямом и переносном смысле. Поставив те самые деревянные щиты, под предлогом «чтоб не лазили», мы стали приводить в действие свой коварный, но гениальный план. План заключался в том, чтобы возвести только стенки основания, засыпать эту «коробку» песком до самого верха, а потом сверху залить бетоном, таким образом, создав видимость цельнобетонного, многотонного пола… О тайном сговоре знали только мы, остальной отряд ни сном, ни духом не ведал о задуманной операции. Мы никого на нашу территорию не допускали, под предлогом, «чтоб дали бетону застыть». То, что миссия всего отряда провалится, было уже ясно абсолютно всем, так что мы решили хоть самим спастись. Наряды нам закрывал представитель местной строительной организации, но на «Объект» сам он не ездил, их возил ему наш бригадир, поэтому у нашей «бетонной» команды была «железобетонная» надежда все же заработать хоть какие-нибудь деньги.

Итак, женщина из комиссии ступила на бетонное основание и сделала шаг… Мы взялись за руки, как коммунисты перед расстрелом… Она делает второй шаг… и тут каблук проваливается до самой подошвы (настоящая корова провалилась бы по самые рога)… Мы делаем невинные глазки, мол, ой, а что ж

это такое с полом-то…

После этой поездки наш театрально-художественный институт навсегда был отлучен от такого серьезного мероприятия, как стройотряд.

Уже в институте обо мне сложилось мнение как о характерном актере, то есть мне не могли доверить роль секретаря парткома, передового рабочего или героя-любовника, что поначалу меня очень расстраивало. В ту пору артисты, игравшие такие роли, считались самыми достойными, им первым давали звания, их всегда первыми награждали и сажали в президиумы. Сегодня пришла пора характерных артистов, интересных своей неповторимой индивидуальностью и непредсказуемостью, умеющих изобразить нечто такое, чего раньше никогда не видели. Хотя и в застойные времена многие характерные артисты пользовались всенародной любовью, просто официальных почестей им доставалось меньше.

На распределении мне «сделал предложение» В. Н. Раевский, главный режиссер академического театра им. Янки Купалы, и я это предложение принял. Не буду лицемерить, я его ждал, точнее, мечтал об этом предложении. До этого мне успели предложить места «купцы» из нескольких областных театров Беларуси, но я от них отказался, хотя многие были весьма заманчивыми. Я, как романтически настроенная девушка, которая ждет своего принца, очень надеялся, что смогу попасть в безмерно любимый тогда мной театр им. Я. Купалы, и в глубине души считал, что смогу занять достойное место в прославленном коллективе. Мне было приятно идти в купаловский театр еще и потому, что там работали мои любимые актеры и режиссеры, там играл многие главные роли мой преподаватель Август Лазаревич Милованов, ни один из спектаклей которого я старался не пропускать. Меня прямо распирало от гордости: так крупно на курсе повезло только мне одному.

Надо отметить, что тогда начинался один из самых счастливых периодов моей жизни. В июне состоялось распределение, претворившее, как мне казалось, в действительность почти все мои мечты, а в августе я должен был впервые в жизни иступить в брак. Тогда я еще не знал, что в ЗАГСе не дают гарантий на счастье на всю оставшуюся жизнь. Но, как бы то ни было, я без грусти прощался с беззаботной молодостью и становился взрослым и серьезным человеком.

Старожилы театрального института помнят, что в 70–е годы всем студентам после третьего курса, если они изъявляли

желание, оплачивали дорогу до Москвы или Ленинграда и обратно, чтобы они могли посетить спектакли столичных театров. Эти поездки рассматривались как своеобразная практика и даже поощрялись институтским начальством. Я тоже мечтал побывать на спектаклях Товстоногова, Любимова или Эфроса. Особенно мне хотелось посмотреть в БДТ «Мещан» с участием Евгения Лебедева. Театр Товстоногова я считал и считаю одним из лучших театров тогдашнего времени, в нем произошло величайшее явление: совпало время и место работы гениального режиссера и не менее гениальных актеров. Я знал, что у одного из моих однокурсников жили в Ленинграде родственники, поэтому подговорил его составить мне компанию и махнуть в Питер на ближайших же каникулах. Я надеялся, что на месте что-нибудь придумаю и сумею попасть в любимый театр, что тогда было огромной проблемой. И я туда попал, и «Мещан» посмотрел, правда, не присев, пока на сцене шло действие, ни на мгновение. Я простоял весь спектакль на ногах не потому, что считал неприличным сидеть в присутствии таких выдающихся артистов. Причина совсем в другом: в кассе не было билетов, и мне пришлось прибегнуть к известному, хотя и непростому способу нелегального проникновения в театральный зал. Возможно, кому-то он покажется не совсем эстетичным, но других я тогда (да и сейчас тоже) не знал. Точнее знал, но они были или менее надежными, или оказывались мне не по силам.

Итак, если вы хотите попасть в театр или концертный зал, а у вас нет билета (или денег на него), то поступайте так… В театр лучше всего проникать днем, в это время у вахтеров ослабевает бдительность. Вообще театральные вахтеры по придирчивости и старательности если и уступают охране какого-нибудь страшно секретного объекта, то лишь чуть-чуть. Чаще всего это бывшие военные, которые очень дорожат своим «непыльным» местом. Документы они проверяют тщательно и дотошно, на моих глазах один из них, видимо начитавшийся в детстве книг про часового, который потребовал пропуск у самого Ленина, заставил у входа в театр им. Я. Купалы показывать документы Стефанию Станюту. Вечером, ближе к началу спектакля, никакие самые веские доводы не действуют, какая бы у вас ни была причина для попадания внутрь театра, пусть вы даже принесли срочную телеграмму на имя одного из актеров — все это будет расцениваться как очередная уловка «потерявшего совесть» театрала. Кстати, в театре существует официальное положение, согласно которому любые сообщения, поступившие в адрес актеров, независимо от того — радостные они или печальные, не передаются до окончания спектакля. Это было введено еще в

сталинские времена и не отменено до сих пор.

Днем же можно выдать себя за курьера, показав запечатанный пакет, посетителя администрации или бухгалтерии, родственника, разыскивающего одного из артистов; а если вы хорошо одеты и представительно выглядите, то, уверенно шагая и не оглядываясь по сторонам, имеете много шансов вообще не быть окликнутым вахтером. Пройдя из закулисной части в фойе, где обычно никого нет, и любой болтающийся может привлечь внимание, долго там не задерживайтесь, а прямиком отправляйтесь в… туалет. На часах в это время должно быть около четырех часов (раньше приходить невыгодно, а позже — опасно), и вам предстоит продержаться в туалете часа три до начала спектакля. Закрывшись в кабинке, опытный «заяц», кроме тех удобств, которые предоставляет «заведение», добавляет еще свои. Некоторые приносят складные стульчики, брезентовые подстилки, на худой конец — газеты, новичков «учит жизнь». Если дома вы привыкли просматривать прессу, сидя на унитазе, то проблем с культурным, наполнением предстоящего промежутка времени у вас не будет, захватите только с собой книгу или небольшую подшивку газет. Можно просто сидеть и наслаждаться мыслями о том, что ты уже в театре, предвкушая удовольствие от предстоящего спектакля. «Ежели это столь легко и приятно, то почему все так не делают?» — спросите вы. Не торопитесь, сейчас я перехожу к негативным сторонам предлагаемого способа. А они заключаются в том, что ведь нужно просидеть в тесной кабинке, в не очень удобном наложении несколько часов, что по силам далеко не каждому, тут нужны особая выдержка и тренированность. «Хм, — улыбнетесь вы, — как будто мы не сидели так никогда.» Сидели, не спорю, но не в таких дозах. Тут количество переходит в качество, наподобие того как, например, щепотка соли — пустяк, а съешьте ее килограмм — и вы на небесах. Учтите еще, что это не диван или кресло, где можно откинуться на спинку, да и вообще лучше не расслабляться, потому что часам к пяти придет уборщица, и нужно будет убедительно сказать «занято», а потом выйти, где-то пересидеть, пока она уберет, и незаметно вернуться обратно. В тот вечер я честно отсидел свои четыре часа, читая, как сейчас помню, «Блуждающие звезды» Шалом Алейхема, зато потом, попав в зал, я готов был находиться в любом положении, только бы не садиться, поэтому с наслаждением стоял все время спектакля. В метро я тоже ехал стоя, не присел и в автобусе, хотя пассажиров в столь поздний час было немного, а когда, проглотив на ходу ужин, ворочался, пытаясь заснуть, на раскладушке, то с завистью думал о лошадях, которые умеют спать стоя.

Это был мой первый и последний опыт, больше таких подвигов я не совершал. Не знаю, какой я артист, но как фанат я оказался одноразовым. У нас в «Христофоре» пока никто в туалете не прятался, я проверял — видимо, мы еще не достигли необходимого для этого уровня популярности, но случаи, когда зрители шли на другие любопытные ухищрения, чтобы попасть к нам в переполненный зал, бывали. Помню, однажды 1 апреля мы давали представление, которое, как и эта книга, называлось «У «Христофора» за пазухой» и состояло из наших лучших номеров за все годы работы. Билеты были раскуплены за несколько недель до начала, приехало телевидение, зрители стояли во всех проходах, кажется, даже кто-то висел на люстре (живой). А сколько народа осталось тогда еще вне зала! Приятно вспомнить.

Примерно за час до начала выступления к служебному входу срочно вызвали Перцова, нашего тогдашнего главного режиссера и автора. Он вышел и вернулся минут через пять с бегающими глазами и слегка побледневший, ничего объяснять нам не стал, отделавшись резким: «Потом!» И только на банкете после выступления смеющийся и довольный Перцов рассказал, что произошло. Оказывается, вызывала его девушка, которая, увидев Владимира, сначала долго мялась, никак не могла начать, но все же решилась:

— Я не знаю, как вам об этом сказать… Вы меня никогда не видели… Но вы — мой отец.

Перцов, ошарашенный, стал пытаться, внимательно глядя на девушку, найти в ней черты женщин, с которыми он был когда-либо знаком. И нашел, причем сразу нескольких, не говоря уже о своих собственных чертах. Поэтому он предложил девушке:

— Вы извините меня, но сейчас я очень спешу. Давайте мы с вами встретимся после представления и обо всем подробно поговорим.

— Да, я все понимаю, — сказала девушка. — Где мне вас подождать, может, на улице?

— Нет, нет, — запротестовал Володя. — Посидите в зале, заодно и выступление посмотрите. А потом я к вам… тебе… подойду, … доченька»

А в тот раз на вечер пришли все наши жены, в том числе и Перцова. Владимир зачем-то сразу же «обрадовал» ее сообщением о появлении новой родственницы, и сразу после окончания представления подошел к дочери и предложил поподробнее рассказать о себе.

— Боюсь, вам это будет не очень интересно, — сказала она.

— Почему? — удивился Перцов.

— Потому что я не совсем ваша дочь. Я назвалась ею только

на время. Ведь чужую девушку вы вряд ли провели бы в зал. Не так ли?

Возразить Перцову было нечего.

Евгений Крыжановский

Купаловский театр встретил меня без фанфар и оваций. Ни на подступах к зданию, ни внутри него я не заметил никакого оживления, вызванного моим появлением, все было буднично и заурядно. В отделе кадров у меня приняли документы и сказали, что до сентября я свободен. Побродив по пустым коридорам, я понял, почему с таким безразличием отнеслась ко мне общественность театра (сезон окончился, и вся труппа ушла в отпуск), понадеявшись, что в сентябре еще получу свое.

Лето я провел прекрасно, почти непрерывно находясь в состоянии эйфории и не замечая никаких неприятностей. Мало того, что я с нетерпением ждал начала работы в театре, так ведь мы с моей невестой Леной еще и готовились к свадьбе, которая тоже намечалась на начало осени. Как говорится, кругом были одни приятные хлопоты.

На сбор труппы перед началом сезона я надел свой лучший (он же — единственный) костюм, любимую рубашку и галстук, который мы купили к свадьбе. День сбора называют в театре в шутку «Иудин день». Все обнимаются, целуются, шумно радуются встрече, причем это не зависит от взаимных симпатий и антипатий, потому что театр, какой бы он ни был, — одна семья. Я, правда, был в этой семье пока чужим, поэтому на меня хоть и поглядывали, но целоваться и обниматься никто не бросался. Мне же атмосфера всеобщего братства и любви очень нравилась, и страшно хотелось побыстрее стать своим для этих прекрасных и давно любимых мной людей. Так проходила начальная, неформальная часть встречи.

В зрительном зале театра был ремонт, поэтому всех пригласили в буфет, где собрание приняло уже официальный характер. Присутствовали журналисты, выступил министр культуры и другие солидные люди, затем слово взял главный режиссер театра Валерий Раевский, речь которого в самом неожиданном месте вдруг была прервана бурными аплодисментами. Как выяснилось, так артисты приветствовали появление буфетчицы, которая чинно и важно пронесла свое дородное тело через весь зал за стойку. Аплодисменты были заслуженными, позднее я тоже понял, что буфетчица в театре — второй человек после режиссера. У нее всегда можно было поесть чего-нибудь вкусненького, причем часто в долг, и даже выпить.

Когда все, кто хотел, выступили, и я думал, что уже ничего интересного не будет, В. Н. Раевский сказал:

— А теперь я хочу вам представить нашего нового артиста

Евгения Крыжановского, — и попросил меня встать.

Все начали поворачиваться, заскрипели стулья, некоторые из присутствующих даже привстали, чтобы получше меня разглядеть, раздались жидкие аплодисменты. Любопытство было вызвано еще и тем, что я был первым новичком за несколько последних лет. Прославленная труппа купаловского театра была хорошо укомплектована, работать в нем было очень престижно, поэтому текучести кадров не наблюдалось. Конечно, всеобщее пристальное внимание заставило меня немного смутиться, но я быстро взял себя в руки и стал благодарно улыбаться в ответ на приветственные возгласы и взгляды. Мне очень хотелось верить, что они не ошиблись, выбрав меня, и я надеялся в ближайшее время это доказать.

После окончания собрания многим, особенно молодым, не хотелось расходиться. Надо было как-то отметить начало сезона и встречу, да и перед буфетчицей было неудобно, ведь не зря же она вышла на работу. Стали образовываться группки и компании. Ко мне подошли бывшие тогда одними из самых молодых Саша Мороз, он сейчас работает режиссером на киностудии, и Юрий Лесной, ныне директор нашего «Христофора», пожали руку, похлопали по плечу и сказали, что с меня причитается. Я с готовностью выполнил свой долг, к чему был давно готов, так как уже кое-что повидал к тому времени на этом свете и не в первый раз устраивался на работу.

Потом, когда все артисты разошлись, я сидел на лавочке перед театром и ждал, когда выйдет Валерий Николаевич Раевский. Я считал, что должен с ним поговорить, так как это очень важный вопрос для нас обоих. Монолог мой был заготовлен заранее, я его репетировал мысленно несколько дней до этого и, особенно, в последнюю бессонную ночь. Я хотел сказать главному режиссеру, что раз он меня взял, то, видимо, доверяет и на что-то надеется, поэтому должен дать мне возможность раскрыться, побыстрее себя проявить, а для этого не надо занимать меня в плохих спектаклях и неинтересных ролях, потому что это меня может просто испортить и даже загубить на корню, как артиста.

Ждал я довольно долго. Вдруг смотрю — выходит Геннадий Гарбук, народный артист, тогда еще, правда, только заслуженный, но зато в самом расцвете сил и таланта, уже снискавший в ту пору огромную популярность и славу, подходит ко мне, улыбается и говорит:

— Ну что, пойдем, отметим твой приход в труппу?

Для меня это было так неожиданно, я считал, что между нами была почти бесконечная дистанция, поэтому растерялся, не знал, что ответить, и робко пробормотал:

— Спасибо, но я не употребляю.

Он еще раз улыбнулся и взял меня под руку:

— Ничего, я тебя научу.

И повел в буфет. Хотя мне было очень лестно сидеть за столиком с самим Гарбуком, я боялся, что из-за этого прозеваю Раевского. Но мне в тот день везло: я столкнулся с Валерием Николаевичем, когда мы уходили из буфета. Он предложил мне зайти в его кабинет. Пока я поднимался за ним на третий этаж в кабинет главного режиссера, успел еще раз повторить свой монолог. Но Раевский сел за свой стол и, не дав мне раскрыть рта, сказал резко и с легкой, под Высоцкого, хрипотцой в голосе:

— Значит, так. Если вы будете у меня в театре плохо работать, я вас выгоню, к чертовой матери. Немедленно. Все, идите.

Подписал какую-то бумагу, с которой я пошел в бухгалтерию, и на этом наша встреча закончилась.

Через два дня у меня начались репетиции…

Жизнь в студенческом общежитии, помимо своих приятных сторон, связанных с весельем, отсутствием дефицита общения и квартплаты, имеет и много неприятных, прежде всего — бытовых. Если девушки научились расправляться с такого рода проблемами сравнительно легко и без надрыва, то для мужиков они часто вырастали в просто непреодолимые преграды. Одна стирка чего стоила, особенно если оттягиваешь ее до тех пор, пока грязного белья не накопится гора устрашающих размеров.

Мы с моим другом (и по несчастью тоже) Николаем Леончиком путем длительных размышлений и проб придумали к четвертому курсу гениальный по своей простоте способ превращения грязных вещей в чистые. Делали мы это так: надевали на себя нуждающиеся в стирке трусы, носки, брюки, рубашки, а если требовалось, то пиджаки и плащи, и спускались вниз, в душевую комнату, Там, став под душ в таком виде, мы намыливали себя спереди, а потом терли друг другу спинки. Ополоснувшись, мы снимали плащи, смывали с них остатки мыльной пены и принимались в том же порядке за пиджаки, брюки и рубашки. Нечто подобное показал потом, только в ослабленном варианте и в несколько иной ситуации Эльдар Рязанов в своем фильме «Ирония судьбы, или С легким паром!»

Нижнее белье стирается таким способом еще легче. Кстати, параллельно смывается значительная часть грязи с тела, поэтому, когда доходит, наконец, очередь до него, то делать уже практически нечего.

Свой способ стирки мы не держали в глубокой тайне — как

древние умельцы, передававшие свои секреты по наследству или уносившие их в могилы, — но не очень и афишировали. Так что, до поры до времени о нем почти никто не знал. Но вот однажды зашли мы так с Николаем в душевую (а он еще собрался постирать в тот раз и свою шляпу), открыли краны и начали намыливаться. А в это время группа только недавно поступивших первокурсников тоже решила попользоваться душем. Раздевшись, они голышом, вооруженные только мочалками и мылом, шумной толпой ввалились в душевую. Так как в раздевалке они никакой одежды не видели, то не надеялись кого-то встретить и в душевой. Можете представить себе их изумление, когда они увидели стоящих под струями воды двух солидных и уважаемых четверокурсников (а для них мы были даже больше, чем в армии «деды», трущих усердно друг другу спины и забывших перед этим раздеться…

Разумеется, нам пришлось все объяснить и продемонстрировать свое «ноу-хау» в действии, после чего молодежь нас еще больше зауважала. Правда, некоторые признались нам потом, что их в первый момент раздирали сомнения: бежать звонить в психбольницу или смеяться?

Идея наша, говорят, до сих пор жива и периодически применяется наиболее отчаянными и смышленьми студентами театрального института (теперь уже академии).

Театр им. Я. Купалы

В академическом театре имени Янки Купалы я проработал ни много, ни мало, а целых 12 лет. Это огромный этап в моей жизни, и я благодарен судьбе за эти годы. Все театралы знают, что Таганка, «Современник», Вахтанговский театр и многих другие по большому счету вышли из МХАТа, а что корни «Христофора» находятся в Купаловском театре, об этом не знает никто. Но это именно так.

Первая роль, которую я получил в театре им. Я. Купалы, — финн-коммунист Вайнонен в «Оптимистической трагедии». Почему финн с моим носом, моими карими глазами и черными волосами? Да и по возрасту я не очень подходил, ведь мне было всего около 22 лет тогда. Но так решил Раевский, а ему было виднее. И хотя сегодня я понимаю, что это была не самая выигрышная для меня роль, считаю, что мне повезло с дебютом. Для артиста очень важно начать с большой роли, а не с эпизодика или массовки, и сразу заявить о себе. Правда, это очень рискованно и ответственно: после первого же провала почти мгновенно ставится крест на будущей карьере артиста. Известны лишь редкие случаи, когда неудачнику давали возможность попробовать еще раз, в основном же молодые артисты, как саперы, ошибаются только единожды. Но, кто не рискует…

Я с головой ушел в репетиции, не зная выходных и праздников, сделав лишь перерыв на три дня для участия в своей свадьбе. Сыграли мы ее хорошо, присутствовали А. Л. Милованов с супругой (как, кстати, и на следующих моих свадьбах), друзья по театру и по институту. А потом опять пришлось ежедневно из молодого супруга перевоплощаться в финна-коммуниста.

В ту пору театр им. Я. Купалы был гордостью республики, считался «придворным» театром, поэтому его артисты находились в привилегированном положении, по сравнению с артистами других театров. Когда я пришел в театр, мне сразу положили оклад в 120 рублей, что считалось по тем временам очень приличным, я чувствовал себя вполне обеспеченным и материально независимым человеком. Кроме того, мне выделили комнату в коммунальной квартире на ул. Интернациональной, почти в центре города, рядом с кинотеатром «Победа», о чем многие артисты других театров тогда (не говоря уже о сегодняшнем дне) даже мечтать не могли. В этой комнате я прожил целых восемь лет и вспоминал бы о ней с теплотой, ведь в ней создавались многие мои роли, если бы не общая беда всех коммунальных квартир — соседи, точнее соседка. Мне с ней

жутко не повезло. Она работала в овощном магазине неподалеку, любила выпить, поэтому в ее комнате почти ежедневно собиралась компания собутыльников, которые, выпив, начинали искать приключения, провоцировать скандалы. Кончилось все тем, что я сам получил два месяца исправительных работ благодаря моей соседке, вызвавшей во время одного скандала милицию. Через некоторое время я постарался «отблагодарить» ее такими же двумя месяцами. Так мы и обменивались «сроками», время от времени объявляя перемирия…

Но вернемся к моей первой роли. Не скажу, что она, как и сам спектакль, была новаторской и необыкновенной. Все было в духе и по канонам социалистического реализма. Но работа над большой ролью, общение с партнерами — выдающимися актерами театра — послужили для меня хорошей школой. Как говорил в одном из своих монологов А. Райкин: «Все, чему вас учили в институте, — забудьте!» Нечто подобное пришлось сделать и мне. В театре все было далеко не так, как это представлялось в институте. Многому пришлось учиться заново. Помог мне и мой напарник по роли, замечательный артист Анатолий Мазловский, который потом, к сожалению, в самом зените славы ушел из театра и стал художником. А тогда он очень здорово меня поддерживал и советом, и личным примером, и достаточно частыми просьбами подменить его, когда подходила его очередь играть нашего общего с ним Вайнонена. В итоге роль у меня получилась ничего, не скажу, что что-то выдающееся, но на добротном среднем уровне, и, что самое главное, режиссер мной остался доволен. А это ведь было залогом того, что я мог надеяться на получение ролей и в дальнейшем.

Хотя роль у меня была сур-р — рово р-революционная, случались на сцене и веселые моменты. Помню, однажды Геннадий Гарбук, игравший предателя Сиплого, «вонзил» мне нож в спину, я вскрикнул, с обидой вскинул глаза (я ведь «не ожидал» от него такой подлости), сделал шаг назад и начал падать. Но при этом я наступил нечаянно Гарбуку на ногу, он попытался, было освободить ее, но грохнулся вместе со мной. Это было явным отступлением от режиссерского замысла, что за кулисами вызвало взрыв смеха. Не мог удержаться от смеха и я, но, чтобы его скрыть, начал дергаться, лежа на полу, чем вызвал аплодисменты, так как зрители решили, что это я так здорово изображаю предсмертные конвульсии.

«Оптимистической трагедии» и лично Вайнонену я благодарен за то, что они вселили в меня уверенность и дали возможность почувствовать свои силы.

После были другие спектакли и другие роли, причем

совершенно разные. За 12 лет сыграл я множество больших и маленьких ролей, в том числе и пана Быковского в «Павлинке», и Микиту в идущем по сей день водевиле «Микитов лапоть», но самой любимой для меня была роль Хлестакова в «Ревизоре», который поставил Раевский. Постановка была очень необычной, так Гоголя еще никто не трактовал, отличалась от традиционной и роль Хлестакова. К сожалению, спектакль не имел успеха, хотя его даже пытались показывать в Польше, но это уже было без меня. Играя рядом с такими выдающимися артистами, как Станюта, Макарова, Дубашинский, Милованов, Кормунин, Белохвостик, Еременко, Овсянников и многие другие, я набирался опыта, пытался перенять у них все лучшее и при этом полнее выразить себя, утвердиться на сцене.

Параллельно с основными плановыми спектаклями у нас в театре традиционно ставились капустники. Они вызывали всегда большой интерес у публики, на них приходило очень много народа. Все надеялись увидеть и услышать нечто такое, чего не было в официальных советских спектаклях. И их надежды почти всегда оправдывались. С первых лет работы в театре я активно участвовал в капустниках сначала в роли актера, а потом и в качестве одного из организаторов. Моя тяга к созданию юмористических острохарактерных образов в капустниках была замечена и оценена, в результате чего в последние годы работы в театре им. Я. Купалы я стал получать роли в основном именно такого плана и с удовольствием их играл. Таким образом, любившие меня режиссеры усиливали во мне веру в то, что мое призвание — юмор, и, сами того не ведая, подготавливали почву для моего ухода из драматического театра.

Период начала увлечения юмором совпал с довольно тяжелой полосой в моей личной жизни: распалась первая семья, затем — вторая. Зато третья моя женитьба была ознаменована радостным и долгожданным событием: мы получили, наконец, отдельную квартиру и переехали из опостылевшей нам коммуналки. Укрепив тылы, я перешел к более решительным действиям на других направлениях, развернув, прежде всего наступление на юмористическом фронте.

В театре им. Я. Купалы есть специальный ящик с ячейками, соответствующими всем буквам алфавита, которые могут стоять в начале фамилий. В эти ячейки складывается корреспонденция, поступающая в театр и адресованная его работникам. Письма приходят не только от поклонников, присылают их иногда и официальные организации, случались даже денежные переводы, поэтому все сотрудники, войдя в театр, подходят первым делом к ящику с почтой, чтобы посмотреть, нет ли там чего-нибудь

новенького.

Однажды, придя на работу, я заметил необычное скопление народа у этого ящика. Все что-то оживленно обсуждали, но, заметив меня, почему-то притихли. Я, слегка настороженный всеобщим вниманием, направился как обычно к ящику и увидел на столике рядом с ним письмо на мое имя. Кто-то, видимо, просматривал содержимое ячейки на букву «К» и, обнаружив это письмо, выложил его для всеобщего обозрения. А письмо и в самом деле было необычным, точнее его обратный адрес: г. Минск, Комитет государственной безопасности БССР, приемная. Я взял конверт в руки. Он был запечатан, но открывать его я не стал. Сразу сообразив, что это может быть розыгрышем, я решил для собственной страховки подыграть тем, кто его устроил. Сделав перепуганное лицо и большие глаза, сунул письмо за пазуху, поднял воротник плаща и, непрерывно оглядываясь, как шпион из мультфильма, побежал по лестнице вверх под смех, улюлюканье и свист собравшихся.

Найдя укромный уголок, я вскрыл конверт и ознакомился с его содержимым. Там находилась отпечатанная типографским способом учетная карточка с грифом «Секретно» на доверенное лицо. В ней были следующие пункты: фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, образование, место работы, место жительства, номер служебного телефона, порядок осуществления экстренных встреч. На обратной стороне: меры поощрения (там должны были, видимо, фиксироваться 30 сребреников или иная выплаченная сумма), кем и за что поощрено лицо, дата поощрения и отметка о временном прекращении связи (нужно было указать дату и причину). Показательным в последнем пункте было слово «временном», означавшее, что тот, кто начал сотрудничать с этой организацией, не мог и помышлять о том, чтобы когда-нибудь навсегда разорвать с ней отношения. Карточка была заполнена на мое имя, в качестве меры поощрения мне якобы выплатили 250 рублей (прилично, при моей зарплате уже в 160 рублей) за доставленную информацию 15 марта 1986 года. Причиной временного прекращения связи указывался отъезд на гастроли. Можно было бы, конечно, посмеяться над чьей-то неумной шуткой, показать всем это письмо, а потом повесить его в туалете на гвоздик. Все ведь отлично понимали, что КГБ не могло поддерживать контакты со своими осведомителями при помощи почты. Но меня соблазнил бланк карточки, свидетельствующий о том, что это дело рук человека, имевшего доступ к подобным документам. Мы посоветовались с друзьями и решили нанести ответный удар, одновременно выяснив, кто же в нашем театре сотрудничает с органами, то есть,

по-народному, является «стукачом».

Как известно, одним из чувств, присущих всем без исключения советским людям, был и остается страх. Кому-то он перешел с генами, кто-то приобрел его на основе собственного жизненного опыта, но результат одинаков — все боялись. А овеществленной причиной страха был в то время КГБ. Считалось, что он видит и знает все о каждом, что его люди есть везде, поэтому очень многие боялись высказывать самые робкие критические замечания в адрес власти даже при хорошо знакомых людях, опасаясь, что они могут оказаться осведомителями. А осведомители, или «стукачи», были раньше практически в каждом учреждении, становились ими кто за деньги, кто по убеждению, кто после совершения преступления, чтобы избежать наказания. Каждый «стукач», чтобы его не обвинили в бездеятельности или того хуже — в саботаже, должен был время от времени давать информацию. Но где ее набрать на всех? У нас ведь не работают в каждом детском садике или фельдшерско-акушерском пункте шпионы или диверсанты, поэтому содержание отчетов высасывалось из пальца или было откровенным доносом, если кто-нибудь имел неосторожность стать на пути агента «компетентных» органов. А так как любой из нас осознавал свою полную беззащитность перед мощью государства, то все предпочитали лучше с ним не связываться и не становиться «героями» сочинений доносчиков. Но для этого было бы неплохо их знать. У каждого на этот счет имелось свое мнение, которое ни проверить, ни опровергнуть практически было невозможно. КГБ свято хранит свои тайны, даже сегодня мы не знаем имен тех, кто с ним сотрудничал, и, думаю, не узнаем никогда. Были «стукачи» и в нашем театре, двоих, во всяком случае, мы знали точно, документально это подтвердить, конечно, не могли, но косвенных улик против них накопилось столько, что мы практически не сомневались в своих выводах. Кстати, эти люди до сих пор работают на ниве культуры, получают звания и, если и мучаются угрызениями совести, то, наверно, так, чтобы никто этого не заметил.

Для того чтобы лишний раз убедиться в своей правоте, мы с друзьями и начали «операцию» с полученной мной карточкой. План действий мы выработали следующий: я буду подходить с карточкой к группам наших артистов и с возмущением говорить: «Что это такое?! Завтра же пойду в КГБ и потребую, чтобы они разобрались. Как они хранят свою документацию, если для дурацких розыгрышей любой может украсть у них секретный бланк? Пусть найдут, чьих это рук дело, и накажут виновного». Мы рассчитывали, что «стукач», даже если он к этому делу

отношения не имел, все равно испугается, потому что поймет, что подозрение органов обязательно падет на него, и его будут, как минимум, проверять, что уже само по себе не очень приятно. Скрыть своих чувств он, наверняка, не сможет, они отразятся на его изменившемся лице, и вот это-то и должны будут заметить мои друзья, которые за всем внимательно будут наблюдать, выбрав удобную позицию. Так, переходя от гримерки к гримерке, от курилки к буфету, мы проверили на своем «детекторе лжи» всех наших актеров и даже нескольких пенсионеров. Нам повезло: в тот день ставили «Людзі на балоце», а для этого спектакля всей труппы было мало, и приходилось «призывать» пенсионеров. Можете представить наше изумление, когда выяснилось, что менялись в лице, бледнели и тряслись после общения со мной не только те двое, в которых мы не сомневались, но еще человека три-четыре, то есть оказалось, что у нас в театре могло быть еще несколько артистов, завербованных КГБ. Разумеется, мы понимали, что наш метод проверки далеко не идеален, погрешность при определении результата могла быть очень велика, но все равно какой-то неприятный осадок в душе остался. И когда через несколько лет «Христофор» арендовал зал в клубе им. Дзержинского, я показал как-то свою карточку одному из офицеров КГБ и рассказал о нашем эксперименте. Он долго смеялся сначала, а потом сказал, что «несколько» — не такое уж немыслимое число, ему был известен случай, когда в организации из 25 человек завербованными были 13.

В театре им. Я. Купали много лет подряд Павлинку играла Алла Долгая. В одной из последних сцен спектакля, если помните, Павлинка собирает свои вещи и убегает из опостылевшего ей родительского дома к своему любимому. Однажды, чтобы разыграть Аллу, меня уговорили во время антракта лечь в огромный сундук, из которого она должна была брать вещи. Минут сорок пришлось мне пролежать там в скрюченном состоянии, пока, наконец, наступил момент, которого мы все с таким нетерпением ждали. Подбежав к сундуку, Павлинка открыла крышку, заглянула внутрь и… завизжала. Мало того, что она не ожидала там кого-нибудь увидеть, так я еще скорчил такую страшную рожу, оскалив зубы и вытаращив глаза, что меня можно было испугаться и в более спокойной обстановке.

Не успели мы отсмеяться, смакуя удовольствие от удачного розыгрыша, как Алла взяла себя в руки и закричала:

— Ой, якая страшэнная, насатая крыса!

Тут уж мои сообщники вместо смеха тихонько зааплодировали коллеге, выражая свое одобрение и восхищение ее

находчивостью и самообладанием. Зрители-то не видели, что в сундуке, и подумали, что так и должно быть по замыслу режиссера. Мы все были удовлетворены развязкой инцидента и думали, что дальше спектакль пойдет как обычно, тем более что «жених» Аллы поторапливал ее, нетерпеливо протягивая к ней руки. Но Алла, видимо, не ощущая себя достаточно отмщенной, поэтому, попросив «жениха» еще немного подождать, взяла стоявшее на сцене ведро с водой и со словами «зараз я яе, паганую, утаплю» медленно вылила на меня всю воду. Только потом она с чувством исполненного долга закрыла крышку, улыбнулась и радостно выпорхнула из окна прямо на руки своему милому. Правильно говорят — женщины шуток не понимают.

Дело было летом на гастролях в Киеве. Мы жили тогда в гостинице «Украина», которая представляет собой огромный комплекс зданий с бесчисленным количеством коридоров, переходов, ответвлений и тупиков. Зачем я об этом пишу, вы скоро поймете…

В тот год стояла невыносимая жара, поэтому, придя в номер в свободное от выступлений время, артисты сбрасывали с себя почти всю одежду и ходили полуобнаженными. Однажды, когда наши маститые Гарбук, Овсянников, Дубашинский и Белохвостик сидели в своем номере в описанном только что виде и пытались спастись от духоты при помощи… горячительных напитков, зазвонил телефон. Девушка с того конца провода попросила передать трубку Валентину Белохвостику. А это, кто не знает, был один из самых импозантных мужчин у нас в театре: высокий, представительный, с сильным голосом, ему всегда доверяли играть больших начальников, партийных секретарей и героев-партизан. Когда он подошел к телефону, собеседница представилась его страстной поклонницей, влюбившейся в него с первого спектакля, и начала расхваливать Валентина Сергеевича на все лады: что она таких мужчин никогда не видела, что у них в Киеве вообще настоящих мужиков не осталось, даже глаз не на кого положить, он — ее идеал, поэтому она специально пришла в гостиницу, чтобы быть к нему ближе и, что является пределом ее мечтаний, с тайной надеждой, что удастся с ним встретиться. Если он не возражает, то она будет ждать его у телефона-автомата на шестом этаже, и объяснила, как туда пройти. Разгоряченный жарой, выпивкой и продолжающимися уже месяц гастролями Белохвостик сразу клюнул на лесть и согласился. Друзья пытались его отговорить, но он быстро привел себя в порядок, натянул выходной костюм и ушел.

Вернулся Валентин Сергеевич в номер где-то через полчаса,

злой и раздраженный. Оказывается, он все это время простоял у телефона-автомата, но никто к нему не подошел. Только он разделся и присел за стол, как снова раздался телефонный звонок. Уже знакомый девичий голос с обидой начал выговаривать Валентину Сергеевичу за то, что он заставил ее столько ждать, а сам не пришел. В процессе разговора выяснилось, что они ждали друг друга на одном этаже, но у разных телефонов. Белохвостик, чувствуя свою вину перед девушкой и считая, что он из-за жары чего-то напутал, извинился, попросил подождать его еще чуть-чуть и пообещал, что сейчас придет. У Валентина Сергеевича опять загорелись глаза, он наспех надел рубашку, костюм, друзья снова завязали ему галстук, потому что сам он не умеет этого делать, принял для храбрости стаканчик вина и ушел, теперь уже на другую сторону гостиницы.

Прошло еще полчаса, дверь номера распахнулась и появился Белохвостик, заметно более злой, чем после первого похода. Он начал яростно срывать с себя одежду, крича при этом, что больше он на такую провокацию не поддастся и что никакая земная сила не заставит его сдвинуться с места.

Как только Валентин Сергеевич снова принял вид такой же, как у друзей, ожил телефонный аппарат. Белохвостик со злостью сорвал трубку, приложил ее к уху, но ничего не стал почему-то говорить, зато было видно, как выражение его лица начало меняться от раздраженного к озабоченному. Дело в том, что девушка, чуть не плача, обвиняла его в издевательстве над ней. Она до сих пор ждет его у телефона и, если он не хочет приходить, то мог бы сразу сказать, а не заставлять ее столько ждать. Валентин Сергеевич начал оправдываться и оказалось, что девушка пошла к тому телефону, где он ее ждал в первый раз, а он — наоборот — к тому, где раньше была она. Умоляя девушку подождать еще пару минут, Белохвостик свободной рукой начал натягивать на себя брюки. Затем, положив трубку, он быстро, по-солдатски, оделся, друзья опять завязали ему галстук, налили «на посошок» и, похлопав по спине, проводили в путь. Проклиная на ходу гостиницу, которая больше похожа на лабиринт, Валентин Сергеевич помчался на свидание.

Вернулся он уже минут через пятнадцать. Ворвавшись в комнату, Валентин Сергеевич стал срывать с себя рубашку и брюки, не расстегивая пуговиц, бросал одежду на пол и топтал ее ногами. При этом он что-то нечленораздельное рычал, слов разобрать было нельзя. Раздевшись, Белохвостик налил себе полный стакан вина, и в этот момент, как вы уже, наверное, догадались, зазвонил телефон. Валентин Сергеевич схватил трубку и нечеловеческим голосом заорал:

— Что?!

— Валентин, — услышал он нежный женский голос, — вижу, ты никак не можешь найти телефон, у которого я тебя жду, поэтому решила тебе помочь. Выгляни, пожалуйста, в окно.

Держа в одной руке трубку, а в другой стакан, он подошел к окну. Гостиница имела П-образную форму, напротив нашего корпуса, по другую сторону внутреннего дворика, был еще один корпус; так вот, возле открытого настежь окна там — прямо на уровне номера Белохвостика — стояла группа актрис нашего театра и приветливо махала Валентину Сергеевичу руками. Им, наверняка, хорошо было видно все, что творилось в номере мужчин, поэтому они так точно выбирали время для звонков. Поняв, что его разыграли, Белохвостик, вне себя от обиды, запустил в обидчиц почти полным стаканом, но, разумеется, не добросил и только еще раз наказал себя.

Мой режиссер

Моим первым главным режиссером, сыгравшим в превращении меня в артиста важнейшую роль (если не считать, конечно, институтских лет, когда со мной возились, не жалея времени, сил и душевного тепла, Вера Павловна Редлих и Август Лазаревич Милованов), был Валерий Николаевич Раевский.

В те времена в минских театральных кругах Раевский считался вольнодумцем и чуть ли не диссидентом. Человек он прямой, достаточно жесткий, характер у него не сахар и даже не подарок, но профессию свою любит безгранично. Раевский окончил специальные режиссерские курсы у Юрия Любимова на Таганке, очень много у него почерпнул и часто использовал любимовские приемы в своей работе.

С подачи Милованова у меня с Раевским сразу сложились хорошие отношения, потом мне уже самому пришлось «бороться» за то, чтобы они не только не ухудшались, а даже наоборот.

С первых же репетиций он повел себя так, что между нами не установилась та огромная дистанция, которая бывает обычно между главным режиссером и начинающим артистом. Более того, мы работали почти как равные партнеры, а не как начальник и подчиненный. А я, когда чувствую, что на меня ничто не давит, легко раскрепощаюсь и начинаю вносить в свои действия изрядную порцию импровизации и юмора. Думаю, мало кто из режиссеров позволил бы артисту вытворять то, что позволял Раевский мне. Маска шута, которую я часто на себя напяливал, мне порой здорово помогала. Мне, например, никогда не предлагали вступить в партию, это даже в голову никому не приходило, хотя почти всем артистам нашего театра такие предложения делались. Не скажу, что все с готовностью откликались на эти предложения, — большинству они были ни к чему; хотя находились и такие, кто сам рвался в партию, причем, в основном из карьерных или корыстных соображений. В 70–е годы в идеалы коммунистической партии уже мало кто верил, и вряд ли могло быть много желающих вступить, руководствуясь идейными мотивами, в эту организацию. Кстати, отказываться от вступления в партию было очень нелегко, нужно было придумать объективную причину, по которой ты сегодня еще не достоин быть в первых рядах строителей коммунизма. Парторг на время отставал, а потом опять начинал давить, ведь у него тоже был план по приему новых членов. Многие не выдерживали этого жесткого прессинга, сдавались и писали заявления, но были и такие (и даже из старшего поколения), кто не поддался,

например, Геннадий Овсянников, Август Милованов, Виктор Тарасов, Галина Макарова, Стефания Станюта и другие.

А Валерий Раевский, вообще, был, по-моему, единственным беспартийным главным режиссером театра в республике. Сколько у него было неприятностей из-за этого, его даже в ЦК вызывали и грозились снять, но он не поддавался. Приходилось идти на всевозможные ухищрения, и когда его совсем уже загоняли в угол, он начинал говорить, что пока не готов, что еще не поставил того спектакля, за который его можно было бы принять, но что скоро у него такой спектакль будет, и вот тогда…

В 70–х годах при Раевском театр им. Я. Купалы достиг пика своей популярности и славы. Это было время самого махрового застоя, а застой, как сейчас все убедились, наиблагодатнейшая почва для театра, лучшего ему, пожалуй, и не надо. Чего в это время не хватало народу? Свободы, правдивого и честного слова, образно говоря, — «свежего воздуха». А где все это можно получить, как не в театре?

По большому счету Раевский — фигура трагическая. Если бы он жил в Москве, возможно, ему было бы легче, но в Минске он фактически всегда был одинок. Занимая высокий пост, руководя «придворным» театром, он был как бы номенклатурным работником, но общаться с партийными бонзами, разумеется, не мог, слишком уж далеки по духу были они от него, он всегда с очень большим трудом переносил необходимые по службе контакты с ними. Наверно, они это тоже понимали и чувствовали, потому что Раевский никогда не страдал от избытка внимания и любви вышестоящего начальства.

Достаточно сложно складывались у него отношения и с актерами в театре. Дружескими они были разве что с Милованoвым. Был даже момент, когда его чуть не «съели», «благо» в ту пору проходила кампания гонений на Василия Аксенова, известного московского писателя, диссидента и правозащитника, на сестре которого Раевский в то время был женат. Не следует думать, что были некие злодеи, которые боролись с хорошим Раевским. Театр — средоточие личностей, и взаимоотношения между ними складываются очень часто противоречиво, порой мотивы конфликтов бывают запрятаны так глубоко, что до них не могут докопаться сами участники, хотя в большинстве случаев причины сложившейся напряженной ситуации лежат на самой поверхности и видны всем. Это прежде всего несоответствие между числом талантливых артистов — а их у нас в театре им. Я. Купалы было около полусотни — и количеством главных ролей, которые мог им предложить главный режиссер. За год мы ставили четыре спектакля, в каждом из них

не более пяти выигрышных ролей, поэтому неудивительно, что обиженных в театре было очень много, и, если такое их состояние затягивалось, они постепенно становились врагами режиссера. Никто не хотел признавать, что он менее талантлив, чем счастливчики, получившие главные роли, все во всем винили режиссера и считали, что если бы на его месте был другой человек, то все было бы иначе. Иначе, в самом деле, было бы, но вот лучше ли — это вопрос.

Такого рода проблемы будоражили не только наш театр, они стояли (и стоят) перед всеми театральными коллективами. Там, где положение режиссера было недостаточно прочным, его очень быстро меняли на другого, а потом с тем же рвением брались за новичка. Ситуации часто складывались комические, точнее трагикомические (например, в ТЮЗе за 10 лет сменилось 12 режиссеров, то есть в год «съедали» в среднем более одного режиссера). Раевский же, придя в театр в начале 70–х годов, работает до сих пор и марку театра держит достаточно высоко. Безгранично преданный своему делу, он, конечно, в силу указанных выше и прочих причин, живет в постоянном напряжении — несогласных с ним много, но все они признают, что разногласия у них чисто творческие, в других грехах обвинить Валерия Николаевича они не могут. Бывали неоднократные попытки съездить с Раевским на рыбалку и «выудить» для себя там роль, но, к чести режиссера, он, хотя на рыбалку и ездил, ролей за это никому и никогда не давал. Что касается противостояния с Н. Н. Еременко, то тут, скорее всего, дело было в жене Николая Николаевича, замечательной актрисе Галине Александровне Орловой. Николай Николаевич очень хотел, чтобы его жена играла, а Раевский почему-то не замечал ее таланта и почти не давал ей ролей, отдавая предпочтение другим актрисам. Были во взаимоотношениях Раевского и Еременко периоды потепления — они даже, бывало, вместе ездили на рыбалку, — но в дружбу это все так и не переросло, и, в конце концов, Раевский отправил Николая Николаевича и Галину Александровну на пенсию. Мне трудно судить, кто из них более неправ в этой ситуации: все трое — очень талантливые в своем деле люди, скорее всего, они жертвы сложившихся обстоятельств.

У меня тоже в свое время произошла неприятная история с Валерием Николаевичем. Произошло это в пору, когда я верил ему безмерно, можно сказать, боготворил. Возможно, по этой причине и потрясение было для меня столь сильным (хотя сам Раевский, по-моему, даже не придал ему большого значения).

Случилось все во время подготовки нашего театра к поездке в США на фестиваль в Бостон со спектаклем по пьесе Дударева

«Рядовые». Можете себе представить, какую бурю в театре вызвала предстоящая поездка — ведь происходило это в самый разгар застоя, когда даже гастроли в Польшу считались грандиозным событием, а тут — за океан. Я играл в спектакле эпизодическую роль немецкого мальчика-фольксштурмовца, из-за которого один советский солдат убивал другого. Роль была небольшой, но очень важной, потому что главный герой, пытаясь защитить невинного мальчишку, то есть меня, погибал сам. В этом эпизоде автор хотел показать величие советского гуманизма, он (эпизод) являлся одним из наиболее ярких в спектакле, поэтому выбросить его было никак нельзя. А если учесть, что мой напарник по роли Александр Владомирский в это время болел и я работал один, то станет понятно, почему я радовался больше всех, когда пришло сообщение о предстоящей поездке. Другие-то актеры все имели напарников, и каждой паре было неясно, кто из них поедет, что явилось поводом к огромному количеству интриг в театре. Все волновались, пытались искать связи, а я в это время был совершенно спокоен. А чего волноваться, если я остался на роли один? Равноценной замены, даже по фактуре, мне в театре не было, потому что в ту пору я был еще худеньким, в очках и с длинным носиком, — короче, самый настоящий фашистский мальчуган.

Шло время, я, как и все, понемногу готовился к поездке, и вдруг ко мне однажды подошел в коридоре Раевский и сказал:

— Ты знаешь, Женя, так получается, что в Америку ты не поедешь.

Это было неожиданнее грома среди зимнего неба. Несколько секунд я стоял, хлопая глазами и не зная, что сказать и как на это сообщение отреагировать, а потом, наконец, выдавил из себя:

— А почему?

— Дело в том, — объяснил мне Раевский, — что состав делегации ограничен, а двум работникам министерства нет места. Даже директор театра и автор Дударев едут рабочими сцены.

Как позднее выяснилось, сопровождать артистов собралось столько народа (из администрации театра, министерства, КГБ и прочих), что Раевскому приходилось каждый день кого-то из наших вычеркивать, в том числе эта участь постигла и меня. Играть мою роль поручили артисту, выходившему в начале спектакля в роли телефониста. Так как зрители могли запомнить его лицо по первым сценам, предполагалось, что в них он сильно загримируется и для перестраховки будет все время стоять к залу спиной или боком…

Эта информация повергла меня в шоковое состояние.

Получалось, что мой любимый режиссер, человек, которого я просто обожал и считал своим лучшим другом, меня элементарно «сдал». Рухнула в одночасье созданная мной система ценностей, оказалось, что-то, во что я так верил, ничего не стоит. Долго еще не мог я прийти в себя, прокручивая в памяти происшедшее и пытаясь дать ему логическое объяснение.

Сегодня, с высоты прожитых лет и накопленного житейского опыта, я говорю себе: «Ну, а что было делать ему? Защищать меня? Вычеркнули бы кого-то другого, ведь чиновники все равно поехали бы. Выбора-то у Раевского не было и он, наверно, жертвовал теми, чьи роли были наименее важны». И потом, это я считал его богом, единственным в моей жизни, для него же я был просто хорошим веселым артистом Женей Крыжановским и не более того. А хороших артистов вокруг было много, и я, скорее всего, принимал желаемое за действительное, считая, что режиссер относится ко мне так же влюбленно, как я к нему.

Правда, потом, когда я собрался уходить из театра и пришел к Раевскому с заявлением, я увидел, что моя судьба ему все-таки не безразлична. Валерий Николаевич даже предложил мне взять творческий отпуск, чтобы поработать там, где я хочу и сколько хочу, но не порывать с родным театром и приходить только для участия в спектаклях, где у меня нет замены. Я согласился, и так оно вначале и было, но потом мне все равно пришлось расстаться с купаловским театром окончательно. Когда я уходил, Раевский не скрывал своего недоумения. Как можно уходить из крепкого, престижного, «сытого» театра в никуда? И зачем?

Чтобы расставить все точки над «i», я через некоторое время напросился к Раевскому в гости. Захватив бутылку коньяка, я пришел к нему домой. Просидели мы в тот вечер очень долго. Для него многое из того, что я рассказал, было откровением. Не знал он, судя по реакции, и о моем отношении к нему. Потом он подробно расспрашивал меня о «Христофоре», ему очень хотелось понять, ради чего я ушел из купаловского театра. Я, как мог, объяснял, но, по-моему, так и не смог убедить его, что поступаю правильно. Когда я собрался идти домой, Раевский вызвался меня проводить, и мы еще о многом говорили по дороге. Так мы дошли чуть ли не до моего дома, потом я проводил Валерия Николаевича до остановки автобуса. Мы на прощание обнялись, как два родных человека, и Раевский сказал мне, что если я когда-нибудь захочу вернуться, он с радостью меня примет. Я поблагодарил его, но надеюсь, что мне никогда не придется воспользоваться этим предложением. Ведь у меня есть «Христофор».

Когда эта глава уже была написана, произошло событие,

благодаря которому я вновь получил возможность пообщаться с Валерием Николаевичем. Это произошло в дни празднования 75–летия театра им. Я. Купалы. Событие это в культурной жизни республики очень важное и заметное, поэтому проходило оно, как говорится, «на президентском уровне». На юбилейные торжества съехались гости как из ближнего, так и из дальнего зарубежья. Были приглашены представители московских Малого театра и театра им. Вахтангова, естественно, приглашения получили все минские театры: Русский, ТЮЗ, Кукольный и другие, и, что нам было особенно приятно, не забыли «Христофор». Более того, нам сообщили, что Раевский хочет, чтобы перед выступлением нашего театра мы с Лесным сказали несколько слов своим бывшим коллегам. Готовились к выступлению мы все старательно и вдохновенно — праздник международного уровня должны были транслировать по телевидению, и это очень благоприятно повлияло бы на престиж «Христофора». Мы предполагали показать выступление нашего «няўмяручага» казацкого хора, в тексты песен которого внесли многочисленные коррективы, чтобы ярче и полнее выразить свое отношение к юбилею и к юбилярам. Разумеется, наше с Лесным выступление тоже было тщательнейшим образом отрепетировано. Дня за три до юбилея нам позвонили из театра и поинтересовались, сколько времени нам нужно выделить. Не подозревая ни о чем плохом, мы попросили на все 10 минут. Через день уже сам Раевский связался со мной по телефону и сказал:

— Знаешь, дорогой, вы должны сократить свое выступление до 5 минут. Очень много выступающих, мероприятие растягивается почти на 3 часа, а это долго…

Потом, как бы невзначай, он поинтересовался, что мы собираемся показывать. И хотя о поздравительных «сюрпризах» рассказывать не принято, чтобы потом было смешнее и неожиданнее, я, понимая положение Раевского, ответственного за праздничное «действо», на котором будет присутствовать сам Президент, рассказал обо всех «приколах» нашего выступления, в котором не было даже намека на политику, а была лишь пародия на псевдофольклор. Выслушав меня, Раевский опять стал жаловаться на огромное количество выступающих, на затянутость, казенность и однообразие предстоящих поздравлений.

— Мы постараемся развеселить и оживить публику, — обнадежил его я.

— Возможно, — как-то кисло произнес Раевский. — Ну, до завтра.»

Наутро мы решили, как сократить наше выступление,

отрепетировали его в новом виде и стали с нетерпением ждать вечера. Все были в приподнятом настроении, особенно мы с Лесным, так как должны были выйти на сцену, с которой так много было связано в нашей жизни и на которой уже почти 9 лет не стояли. Роковой звонок раздался в полдень. Безразличным тоном Раевский сообщил мне, что программа оказалась настолько перегруженной, что пришлось вычеркнуть из нее очень много выступлений, в том числе, к его великому сожалению, и наше. Но в этом ничего страшного нет, успокоил он меня, потому что на банкет с Президентом мы все равно приглашены, и все нас по-прежнему любят и ценят, а пригласительные билеты ждут нас в кассе театра. Я не подал вида, что расстроился, хотя был уверен, что наше участие в программе только украсило бы ее. С таким же показным, как у Раевского, безразличием я согласился, что ничего страшного не произошло, добавив, что мы все понимаем и на банкет придем обязательно, чтобы встретиться и пообщаться с друзьями, с которыми из-за вечной занятости встречаемся до обидного редко.

Каковы были истинные причины отказа нам в выступлении я, наверно, не узнаю никогда, но думаю, что Валерий Николаевич просто решил перестраховаться, так как мы всегда слыли вольнодумцами, и мало ли что могло подумать начальство. Юра Лесной был в тот вечер в зале купаловского театра и видел, что выступали все, кому не лень: и артисты, и чиновники, и рабочие, и колхозники, и дети, и т. д. и т. п. Короче, там были все, кроме «Христофора». Как и предвидел Раевский, в большинстве своем выступления были скучными и чрезмерно официальными.

Каково наше мнение о праздничном банкете? А никакое — мы там просто не были, потому что, как, наверно, уже давно догадались наиболее умудренные жизнью читатели, билеты в кассе для нас оставлены не были. Кстати, как нам потом рассказывали, на банкете, проходившем в здании бывшей ВПШ, было столько людей, не имевших никакого отношения к театру, зато жаждавших побыть рядом с Президентом, что многим артистам, в том числе заслуженным и народным, попросту не хватило места за столом, и они ушли обиженные, несолоно похлебавши. Уверен, что в их число попали бы в первую очередь и мы с Лесным, поэтому даже рад, что судьба уберегла меня от очередного унижения.

С тех пор с Валерием Николаевичем Раевским мы больше не встречались. Но все равно, я благодарен ему за свои роли в Академическом театре, за ту актерскую свободу и раскрепощенность, благодаря которой я много шутил и баловался и на репетициях, и на сцене, что и стало началом моей эстрадной

жизни.

Когда в театре им. Янки Купалы ставили классическую белорусскую драму самого Янки Купалы «Раскіданае гняздо», режиссер придумал интересную новинку: на сцене соорудили гигантскую стену, в верхней части которой были прорезаны небольшие окошки со ставенками. Эти ставенки в нужные моменты раскрывались, из них высовывались, как кукушки в часах, артисты, изображавшие вещунов или кого-то в этом роде, и произносили разные умные пророческие тексты в стихах. Сначала роли этих вещунов играли другие артисты, но потом, не помню уже почему, их поручили нам с Юрием Лесным. Я начал активно зубрить текст, а Лесной только поглядывал на меня да посмеивался, но сам ничего не делал.

В конце концов, я не выдержал и перед спектаклем спросил у него, почему он не учит роль.

— А зачем? — удивился Юрий. — Пойдём, покажу, что я придумал.

Мы залезли по лестницам к своим окошкам и улеглись там на досках. Лесной достал из кармана исписанный листок и прикрепил его к внутренней стороне ставенки.

— Читать умеешь — и достаточно, — назидательно сказал он мне и хитро подмигнул. Я пристыжено промолчал, еще раз убедившись, что все гениальное — просто, и жалея потраченное на заучивание роли время.

Начался спектакль. Пришла пора — открылись и наши ставенки, причем открылись они полностью, прижавшись к стене так, что листок Лесного стал виден не ему, а зрителям. Я сказал свои слова по роли, а Юрий должен был продолжить, сохраняя ритм стихотворения, написанного чуть ли не греческим гекзаметром. Его часть начиналась, по моему, словами: «І ты, і мы будзем ісці і прыдзем…»

Пауза затягивалась, Лесной, видимо, лихорадочно искал выход из создавшегося положения. И вдруг он бод рым голосом произнес:

— І мне, і табе — груддзю праложым сабе! — и захлопнул ставни…

Сползали мы с Юрием вниз с большим трудом, потому что декорации очень сильно тряслись от моего хохота. К Лесному потом еще долго подходили коллеги и предлагали заняться переводом «Интернационала» на белорусский язык.

В каком-то другом спектакле Лесной в паре с Виктором Павловичем Тарасовым играли то ли графов, то ли князей, я уже сейчас точно не помню. В одном из эпизодов они должны были сидеть на лавочке перед закрытым занавесом на авансцене и

беседовать. Однажды Тарасов пришел на выступление, «забыв», о чем ему предстояло беседовать, хотя на ногах держался вполне прилично. Появившись перед зрителями, он грузно сел на лавочку и глубоко задумался. А разговор-то нужно было поддерживать. Лесной ждал — ждал ответа на свой вопрос, а потом, прикрыв рот рукой и делая вид, что почесывает нос, стал шепотом подсказывать Тарасову его реплику. На что Виктор Павлович, возмущенно подняв брови и указав рукой на публику, вдруг громко сказал:

— Что ты мне-то шепчешь, ты всем расскажи!

День рождения «Христофора»

В Беларуси с сатирой и юмором всегда было трудно. Петербург может похвастаться Райкиным, «Городком», Гальцевым, Ветровым, Леной Воробей, Киев — Тарапунькой и Штепселем, «Кроликами», Кларой Новиковой, Москва — Хазановым, Петросяном, Шифриным, Винокуром и т. д. Об Одессе вообще помолчу… А Минск?.. Ну, разве только кто-то из старожилов вспомнит Виктора Синайского (кстати, очень профессионального эстрадного артиста), да и то он выступал в годы самого кондового застоя, когда ни юмор, ни (Боже упаси!) сатира не приветствовались, и все выступления Виктора Григорьевича в основном проходили на гастролях и выездах.

И вот в 1986 году в Минске появляется автор-сатирик Владимир Васильевич Перцов. Сам он киевлянин, но женат был на минчанке, поэтому, когда в столице Украины у него, как у сатирика, начались проблемы, он решил переехать в Беларусь. Но без дела Володя сидеть не может и сразу же начинает искать собутыльников, в смысле — сообщников. Естественно — творческих. И они, конечно же, находятся.

Дело в том, что с конца 70–х годов в театре им. Я. Купалы, как я уже писал, возродилась прекрасная традиция театральных капустников. Собственно, она существовала и раньше, но все это было похоже на веселые междусобойчики и художественную самодеятельность. Когда же за дело взялись молодые тогда актеры-купаловцы Ю. Лесной, Г. Давыдько, Е. Крыжановский и другие, капустники поднялись на достаточно высокий профессиональный уровень (пока в театральном, а не в эстрадном смысле). Дошло до того, что один из капустников хотели даже включить в репертуар театра как спектакль. Нас начали приглашать на всевозможные юморины, КВНы и тому подобные веселые мероприятия. На одном из них и произошла наша встреча с Владимиром Перцовым. После краткой беседы было решено продолжить ее в более «интимной» обстановке…

Через несколько дней у меня на квартире и состоялась эта историческая встреча. С одной стороны стола сидел никому из нас неизвестный В. Перцов, с другой — корифеи юмора и титаны сатиры Юрий Лесной, Евгений Крыжановский и Геннадий Давыдько. Разговор не клеился, так как обе стороны ожидали друг от друга положенной в такой ситуации бутылки и обе были по своему правы. Мы понимали, что этот мужчина чего-то от нас хочет, а раз хочет, то, естественно, должен угостить… Перцов же, напротив, думал, что делает нам огромный подарок своим

присутствием, и с нетерпением ожидал нашей проставки…

Ожидание затянулось, обе стороны нервно постукивали по столу пальцами, раздавались вздохи, хмыканье, и, наконец, Перцов полез в сумку и достал оттуда… тоненькую папочку… Примерно через час чтение закончилось, и гениальные юмористы-купаловцы закрыли, наконец, открывшиеся от удивления и восторга рты. Перед нами сидел АВТОР. А впереди у нас разворачивалась великолепная перспектива — Успех, Слава, Деньги. Перцов со свойственной ему щедростью пообещал нам по 50 р. за концерт, что по тем временам было немыслимо много, максимальная разовая концертная ставка не превышала 12 р. 50 коп.

— А водку вам будут давать без очереди! — закончил свою речь Володя.

Последняя фраза сразила нас наповал, ведь это было время горбачевской борьбы с пьянством. Короче, договор о сотрудничестве мгновенно был заключен …

Вот тут-то и наступила самая длинная пауза… Ни у кого не осталось и тени сомнения, кто теперь должен проставлять… Но не было, не было у нас с собой заветной бутылочки! Коммерческих структур тогда не существовало, а в винно-водочных отделах государственных магазинов, благодаря заботе партии о здоровье народа, стояли многокилометровые очереди… Эх-ма! Прости нас, если сможешь, дорогой друг и товарищ Перцов за тот вечер. Видит Бог, не виноваты… Кто ж знал, что ты сам ВЛАДИМИР ПЕРЦОВ!

Но юмористы всегда юмористы. Уже в коридоре, провожая Перцова к лифту, Гена Давыдько почесал затылок и, задумчиво глядя на Владимира Васильевича, сказал:

— А может ему в морду дать?..

Такого неожиданного поворота не ожидал никто. Через секунду все грохнули хохотом.

Так в безалкогольных муках был зачат «Христофор». Хотя официально день рождения «Христофора» — 31 декабря 1987 года. В тот день «Христофор» впервые вышел на сцену Дворца профсоюзов с программой «Кто кого?» Концерт был назначен на 16 часов. Публики пришло чуть больше одной трети зала (а какой дурак, кроме пришедших, перед самым Новым годом попрётся в театр?). Паникеры во главе со мной кричали, что надо отменять представление, что мы опозоримся, что честь дороже денег (а билеты тогда стоили где-то около двух рублей, что было довольно дорого). Но большинство, (а нас тогда было человек семь) ведомое Перцовым, резонно возражало, что публика не виновата и раз уж пришла, должна получить удовольствие, и при

чем тут честь, когда ТАКИЕ деньги. Против последнего аргумента крыть было нечем, и премьера состоялась…

Но истинный день рождения «Христофора» — 2 сентября 1987 года, когда Ю. Лесной и Е. Крыжановский впервые, в Доме литераторов, вышли на сцену с номером «Спокойной ночи, малыши» («Хрюша»). Еще один день рождения был где-то в ноябре, когда в Доме Искусств собрался весь театральный бомонд Минска и с недоумением взирал на Нечто с гордым названием «Минский театр Сатиры» (тогда названия «Христофор» еще не было). И когда в конце, после трех-четырех вежливых хлопков, публика молча удалилась, мы поздравили себя с рождением Театра. Поэтому, чтобы никому не было обидно, мы решили праздновать день рождения «Христофора» 25 декабря. Так что милости просим (со своей бутылкой).

Вопрос о названии возник буквально сразу же после первых удачных выступлений, когда стало ясно, что театр вроде бы состоялся, и мы должны иметь свое имя, как Таганка, «Современник», Ленком и т. д. Группа серьезных артистов, в том числе и я, настаивала на солидном названии, вроде Минского театра Сатиры, тем более что оно уже прозвучало на упомянутом выше позорном выступлении в Доме Искусств. Группа несерьезных артистов в составе А. Никитченко (теперь живет в Киеве) предлагала оригинальнейшее название — театр «Улыбка». Встречались наглые предложения типа «Умрете со смеху!» или «Ха-Ха». Творческий спор плавно переходил в драку, когда Перцов, поставив рюмку, сказал:

— Друзья мои, наш театр с сегодняшнего дня будет называться «Христофор»!

— Почему «Христофор», в честь кого это?! — закричали все.

— Наш театр будет назван «Христофором» в честь известного мореплавателя и путешественника Миклухи Маклая!

Потом он добавил несколько крепких морских выражений (а Владимир служил на флоте), после чего спор был закончен, и все выпили за рождение театра сатиры и юмора «Христофор».

Итак, в 1987 году «Христофор» начал свой многострадальный и победный путь по трудным эстрадным дорогам. Как писали раньше: «за всеми их успехами и признанием стояла тяжелая, кропотливая работа»… И это было действительно так. А труднее всех приходилось, конечно же, Перцову. И не только в бытовом и материальном смысле (а он с семьей мыкался тогда по частным квартирам и был единственным ее кормильцем), самая главная его проблема состояла в том, чтобы сплотить театр и повести его за собой. В «Христофоре» на тот период собрались «асы»

белорусских КВНов, юморин, капустников… Нас было 7 человек, и каждый имел свой вкус, свое мнение, свое представление о смешном. Практически все репетиции проходили в жутких спорах и скандалах: смешно — не смешно, пОшло — не пОшло, вкусно — безвкусно… Мы, артисты, были в эстраде новичками, не профессионалами, Перцов же, наоборот, был мастером эстрады, познавшим законы этого жанра. Однако как режиссер и художественный руководитель он тоже не имел опыта и поэтому совершал массу ошибок. Ответственность на нем лежала колоссальная: он пытался создать новый театр, фактически — новое направление в белорусской эстраде. Но, в конце концов, путем проб и ошибок, жестоких провалов и поражений мы пришли к общему мнению: в доме должен быть один хозяин. Мы убедились на практике в правоте многих принципов Перцова, поверили в него, стали внимательнее прислушиваться к его рекомендациям — и вскоре это начало давать результаты. У «Христофора» появился свой, ни на кого не похожий, стиль, свой творческий почерк и, самое главное — свой зритель. Конечно, не обошлось без потерь (помните — искусство требует жертв). По творческим, моральным, а то и по материальным причинам из «Христофора» в разное время ушли очень талантливые актеры, музыканты, режиссеры… Всего около тридцати человек. Одни потом вернулись обратно, другие при встречах только вспоминают свои, как они говорят, лучшие годы в «Христофоре», но, несмотря ни на что, произошло самое главное — из нескольких несгибаемых энтузиастов во главе с Владимиром Перцовым сложился надежный костяк «Христофора».

Театр, как однажды, видимо по пьянке, сказал великий Станиславский, начинается с вешалки. То есть: пришел в театр, посмотрел спектакль, вышел — и повесился… Но вешалка должна ведь где-то стоять. Сотни талантливых коллективов развалились из-за того, что у них не было своего помещения. Отсутствие элементарных бытовых удобств, гримерок, подсобных помещений и кабинетов, постоянная дележка сцены и репетиционного времени с другими — все это вносит в работу дополнительную напряженность и дезорганизацию. Плюс к тому начальство какого-нибудь Дворца культуры, отжалевшее театру «угол», считает себя полновластным хозяином и при всяком удобном случае это подчеркивает. А постоянное ощущение, что тебя в любой момент могут вытурить, способно довести до того, что опускаются руки и пропадает всякое желание работать. Да еще учтите, что театр обязательно должен находиться в центре города, чтобы всем зрителям было удобно добираться, потому что только завзятые театралы и фанаты могут ехать «за искусством»

на край города. Представьте, что было бы, если бы «Христофор» базировался, например, в Шабанах (хотя для кого-то, прошу их меня простить, это малая Родина): театру — конец, и вы эту книжку не держали бы в руках, потому что попросту не о чем было бы писать. Но с другой стороны, Аркадий Райкин, после переезда своего театра из Ленинграда в Москву, почти до конца своей жизни не смог выбить для него собственного помещения — и ничего. Думаю, что во всех Дворцах культуры, где базировался его Театр, почиталось за честь работать рядом с Мастером. Наверняка, многие директора и администраторы с гордостью говорили: «Я, видите ли, с Райкиным работаю… Так что, насчет контрамарочки, пожалста…».

В этом отношении у «Христофора» была судьба как у военного. Помотало нас по Минску… Но первое свое здание мы вспоминаем с теплотой. Рядом с Комаровкой, напротив Дома быта, есть такое кубическое стеклянное здание (клуб завода, носившего ранее имя Ленина), где мы успешно проработали несколько лет. В результате, после пародийного номера о тогдашнем Президенте СССР Горбачеве, ярый коммунист (впоследствии ярый капиталист-бизнесмен), директор завода, гражданин Мумай выгнал нас в 24 часа, правда, без конфискации имущества.

Потом мы выступали на многих достаточно крупных площадках Минска: в Доме офицеров, во Дворцах железнодорожников и тракторостроителей, пока следующим постоянным пристанищем для нас не стал клуб им. Дзержинского. Нас иногда в шутку так и называли — театр сатиры и юмора при Комитете государственной безопасности… Шутки шутками, но отношения у нас с комитетом всегда были самые дружеские, не считая конфликта из-за хохмы о ГКЧП, когда мы сильно обиделись на «контору».

А в последние годы поистине родным домом для «Христофора» стал Дворец профсоюзов.

Если вам какой-нибудь слишком самоуверенный театральный критик начнет доказывать, что слово «спектакль» имеет отношение только к драматическому театру, а к эстраде применительно лишь «концерт» или, в лучшем случае, «программа», плюньте этому зануде на его потную лысину, сорвите с него очки и дайте ему в морду… Потому что «Христофор» ставит только спектакли, хотя они имеют форму и концерта, и программы, и обозрения. Но по сути, «Христофор» является Театром со всеми вытекающими последствиями — со спектаклями, репертуаром, труппой, гастролями, дирекцией и… буфетом.

Да, так вот о спектаклях. За эти годы в нашем репертуаре их было более двух десятков, и все они не похожи один на другой. Если «Кто кого» — «необыкновенный концерт» с самым разнообразным юмором (тут и пантомима, и пародии, и нормальные песни, и монологи, и синхробуффонада), то, например «М и Ж» — это уже программа, посвященная одной теме, теме Мужчины и Женщины, их отношений (и не только в «интересном» смысле, хотя ЭТО присутствует и тут, в спектакле была даже группа дрессированных эротиков). Кстати, о женщинах. Для тех, кто не попадет на спектакль. Если у женщины красивый голос, и она поет — это певица. Если у женщины — красивые ноги, и она танцует — это балерина. А если у женщины хриплый голос, некрасивые ноги, плохая фигура и лысина… — это мужчина.

«Кавалеры приглашают дамов» — это был сольный спектакль нашего самого «главного» мужчины Анатолия Длусского, где звучат его песни и стихи его дружка Сашки Пушкина, а остальной «Христофор» изо всех сил старается изгадить зрителю впечатление и не дать подумать, что Длусский умный и серьезный артист…

«От Чижовки до Комаровки», «Все на уколы!», «Третьим будешь?», «Хорошо сидим!», «Избранное», «Женефис», «От роддома до заката», «Вчера, сегодня, завтра», «День танкиста», «Постой паровоз», «Хоть стой, хоть падай»… Это далеко не полный список наших «детей».

Так в чем же отличие «Христофора» от других театрально-зрелищных учреждений Беларуси? Отличий от других театров у «Христофора» навалом и все они имеют принципиальное значение. Ну, во-первых, в нашей труппе всего-навсего десять человек, и это с обслуживающим персоналом, администрацией, рабочими сцены и продюссером Ю. Лесным. Для сравнения, в академическом театре им. Я. Купалы шестьдесят актеров и почти столько же человек обслуги. В Оперном и того больше. Естественно, у нас преимущество в мобильности, нам нужно меньше мест в гостинице, меньше билетов на самолет, поезд, автобус (чего не скажешь о расходах на банкеты)… Последнее, сами понимаете, шутка. Во-вторых, у нас в театре работают одни мужчины. Этакий сатирический театр Кабуки. И в этом тоже наше огромное преимущество. Мы и переодеться можем при случае в одной гримерке, и при расселении в гостинице никаких проблем. И отношения в коллективе чисто мужские, без выяснений, интриг и слез. А если что, то и матюгнуться могем в сердцах (иногда сильно помогает). В-третьих, «Христофор» — частный театр и вынужден крутиться изо всех сил, чтоб выжить, а гостеатры

находятся на иждивении у государства, то есть по-прежнему живут, как при социализме, а при нем было все равно — есть зритель или нет, выполнили план или завалили его к чертям собачьим, пользуется театр популярностью или не очень. И потом, как мы уже знаем, социализм развращает, при нем можно не работать, но есть (хоть и плохо). А это породило десятки и сотни артистов, ноющих, жалующихся на свою судьбу, и по большому счету действительно страдающих, но палец о палец не ударяющих для того, чтобы изменить свою жизнь, как это сделали артисты театра «Христофор». И, наконец, самое главное отличие — это отношение к зрителю! В «нормальном» государственном театре на зрителя почти не обращают внимания. Режиссеры в этих театрах выражают прежде всего свое собственное «Я», высказывают свои личные мысли о бытие, свои взгляды на жизнь, на классику и современность… А так как в Беларуси, к сожалению, среди режиссеров нет таких личностей, как Товстоногов, Любимов, Ефремов, Виктюк, Табаков, Житинкин и так далее, то все эти взгляды, как оказывается, на фиг никому не нужны, потому и зритель остается равнодушен. Хотя, конечно же, раз в несколько лет бывают отличные спектакли, но — все реже и реже. А «Христофор» зрители любят за то, что у нас всегда можно отдохнуть, посмеяться, и на наши программы можно приходить по несколько раз. Недавно в одной школе проводили опрос — в какой театр дети хотят сходить на каникулах? 90 % ответило — в «Христофор». А один мальчик на вопрос географички, кто такой Христофор Колумб, ответил: «Это такой прикольный театр»…

Как-то артист театра им. Я. Купалы Борис Владомирский был приглашен на телевидение для чтения какой-то поэмы. Выучил он ее наизусть и пришел на запись. Вот он читает, читает и вдруг — забыл текст. Признаться в этом ему было неудобно, все-таки известный актер, поэтому он мгновенно придумал такой выход из положения: стал открывать рот, не издавая звуков. Кто бывал на телевидении, тот видел, что режиссер и все технические службы отделены от артиста толстым стеклом и следят за выступающим по мониторам (таким специальным телевизорам). Увидев, что «пропал» звук, режиссер стал подавать Владомирскому сигналы, чтобы тот перестал «вхолостую» читать: все равно, дескать, запись не идет. Извинившись перед актером, все бросились искать неисправность, проверили еще раз работу микрофонов, убедились, что звук «появился», и предложили Владомирскому продолжить чтение. За это время он, воспользовавшись суматохой, успел достать текст и посмотреть все, что ему было нужно, поэтому как ни в чем не бывало стал читать дольше. Так

был спасен авторитет популярного артиста.

Однажды, по доброй традиции, мы всем театром Янки Купалы поехали за грибами. Несколько автобусов, заполненных артистами, с песнями и выпивкой, отправились в район Плещениц. По приезду все сели на поляне и, разбившись на компании, достали заветные собойки. Отдохнув от дороги и выпив за удачную «тихую охоту», мы разбрелись по лесу. Я, честно говоря, в грибах особо не разбираюсь, но бродить по лесу очень люблю. А так как я в тот период был в очередной раз холост, то одеть меня в грибы было некому. Да и не было у меня тогда ни кроссовок, ни ветровки, ни свитера. Перед грибами я зашел в нашу костюмерную, и сердобольные женщины, работающие там, дали мне из какого-то спектакля «напрокат» старую солдатскую форму времен начала войны (с петлицами) и кирзовые сапоги. И вот в такой одежке я, поплутав часа полтора, вышел к какой-то заброшенной лесной деревушке. Несколько покосившихся избушек, сломанный трактор у стога с сеном и сидящая на завалинке старушка… И вот сидит себе эта бабулька, вспоминает свою молодость, а тут из леса вываливает солдатик молоденький в форме с петличками и пилоточке со звездочкой. И солдатик этот, такой худенький, такой замученный, с березовой палкой в руке, пошатываясь, подходит к бабуське и спрашивает:

— Бабушка, немцы в деревне есть?

Несколько лет назад я на своей машине с семьей ездил в эти места за грибами. В финской ветровке, в канадских кроссовках и бейсболке, с сотовым телефоном и цифровым фотоаппаратом я вновь забрел в эту деревушку… бабка как сидела с раскрытым ртом, так и сидит до сих пор. Не верите? Давайте съездим, покажу.

Конкурсы

Буквально с первого года существования «Христофора» мы стали участвовать во всевозможных конкурсах и фестивалях. Конкурсы артистам эстрады необходимы не только для того, чтобы, как говорится, «себя показать и других посмотреть», они дают еще возможность набраться опыта и, как и у спортсменов на соревнованиях, «выложиться», то есть попытаться достичь пика своих возможностей. Разумеется, при условии, что эти конкурсы хорошо организованы и интересно подготовлены, чего нельзя сказать о первом из них, на который нас пригласили. Назывался он «Конкурс политической сатиры», что сразу напоминало о суровых традициях застойных времен, хотя перестройка была уже в самом разгаре и шел полный очередных надежд 1988 год. Все расходы по проведению конкурса взял на себя ЦК комсомола и, хотя мероприятие представлялось всем сверхскучным и архаичным, участников было достаточно много, видимо, они соблазнились, как и мы, возможностью съездить «на дармовщинку» в Москву и выступить на престижной сцене Театра эстрады. К такому конкурсу мы были абсолютно не готовы и взяли номера, явно не соответствовавшие ожиданиям организаторов. Позднее выяснилось, что мы были в этом не одиноки, и почти все, что показывали участники конкурса, с трудом и при очень богатом воображении можно было назвать политической сатирой. Я думаю, что по идее людей, придумавших этот конкурс, мы должны были «оживить» картинки с последних страниц обложек «Крокодила» 50–х — 60–х годов, где — возможно, читатели постарше еще помнят — изображались жуткие кровожадные империалисты и положительные во всех отношениях советские люди. Такого типа выступление было лишь одно, поэтому я расскажу о нем подробнее, уж больно всех удивило, что не везде еще выветрился дух «холодной» войны. Вначале на сцену вышел жонглер в костюме под «дядю Сэма»: в цилиндре, с сигарой в зубах, в обтягивающем трико из ткани, расцветкой повторявшей американский флаг, и с неумело наклеенной «козлиной» бородкой. Сделав жуткое выражение лица, он под какую-то визгливую музыку, видимо, чтобы вызвать еще большее отвращение к своему герою, жонглировал «земным шаром» и «атомными бомбами». Перекидывая их с руки на руку, жонглер изображал мир на грани катастрофы. Неожиданно земной шар у него полетел вниз, затем на него сверху устремились бомбы. В этот момент на сцену выбежала в красивом белом костюме девушка, изображавшая силы мира и добра, она

перехватила бомбы, отбросила их в сторону, потом поймала шар и стала сама выполнять упражнения с ним. Музыка сменилась на благозвучную, «дядя Сэм» поддался благотворному влиянию, сбросил свой гадкий костюм и, превратившись в благородного юношу тоже во всем белом, в финальной части выступления стал помогать девушке «бороться за мир». Такая вот фигня.

Бурную реакцию присутствовавшей в зале немногочисленной публики вызвал номер двух девушек из Узбекистана. Одна из них была в паранджe и пыталась сбросить ее с себя, вторая изо всех сил мешала подруге это сделать. При этом они обменивались эмоциональными репликами на узбекском языке, которого никто в зале не знал. Сначала девушки выступали при замершем от недоумения, вызванного непониманием, зале, но потом, когда кто-то из зрителей, видимо, от большого желания смеяться, хохотнул, все подхватили его почин и отвечали на каждую фразу девушек, даже не дослушав ее, громким смехом. Причем, смех этот от реплики к реплике все усиливался, зрители вошли во вкус, разогревая и себя, и соседей, и покидали сцену девушки под неистовую овацию, сами не понимая причины своего «успеха», но, судя по их виду, довольные и гордые собой и тем, что так угодили зрителям.

Мы выступали с номером «Хрюша», который к политике никакого отношения не имел, но тем не менее стали лауреатами конкурса, как, впрочем, и все без исключения остальные его участники. Но лауреатство оказалось не самой большой нашей удачей во время пребывания в Москве. Как выяснилось, мы еще понравились председателю жюри, знаменитому конферансье Борису Брунову. В результате он пригласил нас через год на Всесоюзный конкурс артистов эстрады разговорного жанра, который проходил в городе Кисловодске. Эти конкурсы организуются раз в четыре года, как олимпиады у спортсменов, и считаются очень престижными, поэтому участвовать в них стремятся все самые сильные артисты. Победа в таком состязании свидетельствует, почти объективно, об истинной силе артиста и во многом заменяет ему звание заслуженного или даже народного, которыми очень неохотно баловали всегда тех, кто выступал на эстраде. Вообще, артистов разговорного жанра очень немного, считается, где-то в среднем по одному человеку на миллион зрителей. Они все на виду, новичкам пробиться неимоверно трудно, и конкурс дает одну из немногих реальных возможностей сделать это.

Жюри состояло только из «звезд» первой величины. Назову лишь нескольких: Борис Брунов, Евгений Петросян, Александра Пахмутова и Евгений Добронравов, Махмуд Эсамбаев, Матвей

Грин, старейшина юмористики, работающий в этом жанре с тридцатых годов, писавший для многих знаменитых артистов, в том числе и для Аркадия Райкина, и другие популярнейшие в стране люди. Кисловодск был не случайно выбран в качестве места проведения конкурса. Во-первых, там можно было не только выступить, но и хорошо отдохнуть как членам жюри, так и артистам, поэтому некоторые приехали даже с семьями; во-вторых, публика сама настроена на отдых и развлечения, залы всегда переполнены зрителями, жаждущими веселья и привлеченными соцветием выдающихся имен на афишах.

Претендентов на победу приехало очень много со всего Союза, только из Москвы более 40 человек, из других городов поменьше, но это все были артисты, прошедшие сквозь сито предварительного отбора на местах. Конкурс проходил в три тура, между которыми давали по дню отдыха, поэтому длился почти неделю. Номинаций было девять, мы выступали почти во всех: и в одиночном жанре, и в парном, и в музыкальном, и в пародийном, и в авторском, и в других. Итоги конкурса превзошли все наши самые смелые ожидания: мы завоевали семь первых призов из девяти. Ваш покорный слуга, Евгений Крыжановский, был признан лучшим в самом престижном разговорном жанре (кстати, за все годы проведения конкурса подобной чести удостаивались лишь Аркадий Райкин, Геннадий Хазанов и Клара Новикова), мне вручили в качестве награды красивый кинжал и огромную (по тем временам) денежную премию — 350 рублей, тогда как зарплата у меня была 180 рублей в месяц. Лауреатами стали Юрий Лесной (парные выступления), Сергей Кравец (музыкальные пародии), сам театр «Христофор» и Владимир Перцов (как автор и как руководитель театра). Оставшиеся два приза достались киевской паре Данилец и Моисеенко («Кролики») и ленинградскому дуэту Бандурин и Вашуков, которые пели куплеты под гитару и маленькую гармошку-концертино. Сегодня и «Кролики», и Бандурин с Вашуковым уже настоящие звезды эстрады, играющие в Петросяновском «Кривом зеркале», а тогда они были такими же молодыми исполнителями, как и мы. Сенсацией стало то, что москвичи остались без единого призового места, хотя надеялись забрать их почти все, тем более что многие из московских конкурсантов работали вместе с членами жюри и были хорошо им знакомы. Наша победа привела всех в состояние шока, благодаря ей эстрадная Москва открыла для себя эстрадную Беларусь. Все хотели узнать о нас побольше. К нам постоянно подходили и спрашивали, где находится Минск, кто наши учителя, много ли в Минске еще таких коллективов. Мы прямо

купались в море всеобщей доброжелательности и поддержки. Все болели за нас, как, наверно, в спорте болеют за неизвестную команду, которая приезжает из глубинки и начинает побеждать признанных столичных фаворитов.

После окончания конкурса некоторые из нас получили довольно соблазнительные предложения. Мне Матвей Грин предложил посодействовать прослушаться в театр Геннадия Хазанова, который тогда планировали создать, Сергею Кравцу предложили выступать в театре песни Аллы Пугачевой, были и некоторые другие предложения. Но все мы отказались, так как считали себя патриотами «Христофора», перед которым открывались огромные перспективы, и не хотели находиться в тени московских суперзвезд, лишь подыгрывая им и исполняя второстепенные роли. Теперь я думаю, что просто надо было всем театром перебираться в Москву и начинать там работать, но тогда мы об этом не думали. А вот от предложенных нам гастролей по курортам Северного Кавказа мы решили не отказываться и через пару месяцев с большим успехом провели их.

Там же в Кисловодске у нас состоялась первая встреча с программой «Аншлаг! Аншлаг!». Эту встречу у нас в театре никто не может вспоминать без недоумения. Хотя вначале все было очень хорошо и мило: к нам подошла сама Регина Дубовицкая и стала расспрашивать, что-то записывать. Мы с готовностью отвечали на ее вопросы, по неопытности воспринимая все как должное и считая, что не меньше других заслужили право быть показанными по телевидению. Но оказалось, что все в этой жизни не так просто. В итоге репортаж с конкурса был показан в передаче «Аншлаг! Аншлаг!», но нам в нем почему-то места не нашлось, несмотря на Гран-при и семь лауреатских мест из девяти. Показали только Серегу Кравца и все. О самом «Христофоре» не было сказано ни слова… Через несколько месяцев Регина сама позвонила Перцову и попросила пару номеров для новогоднего «Аншлага». Это был еще один шанс. Но Володя, помня о нанесенной обиде, отказал ей. Более того, он сказал дословно: «Регина, мы в твоей передаче сниматься не будем’. Что и происходило долгих 15 лет. Из-за этой ссоры мы потеряли так нужную нам раскрутку на российских телеканалах, в отличие от тех же «Кроликов», и сегодня изо всех сил наверстываем упущенные годы.

Через год после Кисловодска в Ленинграде проходил очень интересный конкурс театральных капустников. Это было что-то наподобие КВНа, но выступали только театральные профессионалы. Участвовали команды шести театров из Москвы, Ленинграда, Одессы и Минска. Начали конкурс мы довольно

неудачно, заняв в первый день только четвертое место, во второй день мы тоже не смогли подняться выше третьего, но зато в третий, заключительный, день мы стали первыми, выйдя в итоге на общее второе место и уступив лишь великолепной команде Ленинградского театра музыкальной комедии. По положению, между командами, занявшими два первых места, должно было состояться финальное сражение, чтобы окончательно определить победителя конкурса. Сражение это проходило на «нашем поле», в Минске, и завершилось убедительной победой «Христофора». За время выступлений мы сдружились с ленинградцами и очень жалеем сейчас, что их группа распалась и талантливейшие артисты вынуждены были разойтись по разным театрам. Недавно, снимаясь в «Смехопанораме», мы выяснили, что Юра Гальцев и Михаил Смирнов (ведущий артист «Кривого зеркала», он обычно делает номера со скрипкой), были на этом конкурсе в качестве зрителей. Они тогда учились на втором курсе театрального института.

Здорово потрепал нам нервы и доставил массу неприятных впечатлений фестиваль юмора «Море смеха–92» в Риге. Там мы вплотную столкнулись с откровенно пристрастным жюри, проталкивавшим своих кандидатов. За «Христофором» никто не стоял, мы, как всегда, рассчитывали только на свои силы, поэтому Перцова, как автора, срезали уже в первом туре, Серега Кравец дошел до третьего, я тоже дошел до третьего и явно претендовал на призовое место, но после окончания тура узнал, что не стал даже дипломантом. Увидев мое огорченное и недоуменное лицо, ко мне подошел один из членов жюри и, дружески похлопав по плечу, сказал:

— Что делать, молодой человек, вам надо еще работать и работать.

Фраза, правильная по форме, совсем не отражала истинного положения вещей. По реакции публики, других участников конкурса, даже по неофициальным высказываниям некоторых членов жюри я чувствовал, что я выступил лучше тех, кому в итоге отдали призовые места. Но слишком высока была ставка в этом конкурсе, слишком многое зависело от его результатов, поэтому такой жесткой была борьба, и в ход без разбора шли все средства, обеспечивавшие успех. Ведь, кроме призов, победители надеялись на показ по Центральному телевидению, что, сами понимаете, для эстрадного артиста самое важное. Возможно, судьба Перцова и Крыжановского постигла бы и сам театр «Христофор», но здесь нам помог Ян Арлазоров, не давший восторжествовать несправедливости. На заключительном заседании жюри он взял слово и сказал, что праздник удался

только благодаря «Христофору», многие зрители, особенно в последние дни, приходили специально, чтобы посмотреть «Христофор», он обеспечил стойкий интерес к конкурсу и заслуживает первого места. И покрыл всех членов жюри матом. Крыть в ответ им было нечем — и, в итоге, нас признали лучшими, наградив комплектом аудиоаппаратуры, но так и не показали по телевидению, хотя съемки велись. Уезжая из Риги, мы давали себе слово больше в таких авантюрах не участвовать, но когда в 1994 году мне опять прислали приглашение на рижский фестиваль, я не удержался и поехал. Если какие-нибудь изменения там и произошли, то только в худшую сторону. Отбросив практически все условности, жюри во главе с очень уважаемым мной Михаилом Жванецким, демонстрировало полное безразличие к ходу самого конкурса. Если первый тур члены жюри еще как-то посмотрели, то второй и третий явно оказались вне поля их зрения. Во время выступления конкурсантов они даже выходили покурить, стояли за кулисами (конкурс проводился в Рижском цирке), беседовали с журналистами. А чтобы никого не обидеть, просто объявили всех лауреатами, да и делу конец. Теперь этот конкурс уже не существует, но память о 3244566678972 растраченных нервных клетках останется у нас навсегда…

Много лет назад Евгений Ваганович Петросян пригласил нас на фестиваль «Брянские зори». Власти этого областного российского города решили поддержать идею создания ежегодной юмористической тусовки и тем самым прославить Брянск на все времена, как прославилась Юрмала своими музыкальными фестивалями и «Юрмалиной» Михаила Задорного. Забегая вперед, скажу, что ничего из этой идеи не вышло, она умерла еще в зародыше, но одноразовый праздник все же получился. Фестиваль состоял из двух частей. Первая — это конкурс молодых исполнителей, вторая — концерт членов жюри и приглашенных. Среди членов жюри и приглашенных были сам Петросян, Александр Филиппенко, Александр Демьяненко (заменитый Шурик из «Кавказской пленницы»), Елена Степаненко, Семен Фарада и др. Вот в эти «др» и попал наш «Христофор». Выступили мы замечательно, зал хохотал до слез, даже в кулисах артисты аплодировали нам. Вкусив сей сладкий плод, мы решили почтить своим вниманием конкурс молодежи, состоявшийся на следующий день. Как оказалось, молодых талантов было около двух десятков. Выступали они все в разных номинациях но, честно говоря, нам никто особенно и не понравился. Особенно удручил нас конкурс пародистов, которых было больше всех. Они как сговорились, и все

показывали одних и тех же персонажей. Ну, представьте себе, выходит молодой артист и делает пародию на Брежнева, Горбачева, Ельцина, Жириновского и других знаменитых политиков или артистов того времени. Зал принимает великолепно — овации, цветы и крики «браво». Выходит второй участник конкурса и… Брежнев, Горбачев, Ельцин, Жириновский… Вежливые хлопки, пару цветочков. Выходит третий… Брежнев, Горбачев, Ельцин, Жириновский… В зале мертвая тишина… Когда вышел 7–й или 8–й участник, раздался свист и крики «Хватит»… Честно говоря, бедных пародистов и обвинять нельзя — они пародируют только известных людей, а их не так уж и много. А вот устроители конкурса должны были такое предвидеть при предварительном просмотре и что-то придумать, чтоб не попасть в патовую ситуевину.

Короче, когда мы уже собирались уходить, на сцену вышел худощавый юноша и… Брежнев, Горбачев, Ельцин, Жириновский. Парень волновался, в голоса «попадал» не очень. Зал неистовствовал… Чтоб не видеть, как молодого человека убивают, мы чуть ли не бегом рванули со сцены, где стояли за кулисами, и последнее, что мы услышали, был голос Петросяна:

— Перед вами выступал Максим Галкин. А теперь я приглашаю на сцену…

На следующий день, на закрытии фестиваля, состоялся банкет, на котором я очутился за столом рядом с этим самым парнишкой, ставшим, как ни странно, лауреатом. Все мы поднимали тосты, закусывали, шутили, слушали байки звезд. Парнишка скромно улыбался своим большим ртом и с уважением смотрел на сидящего рядом Крыжановского. Он даже попытался мне сказать, как ему понравилось наше выступление, и что он хотел бы быть таким же сильным артистом. Я снисходительно кивал, прекрасно понимая, что вряд ли ему удастся когда-нибудь добиться успеха, и что эта наша встреча последняя в его жизни, так как у него как у артиста нет никакого будущего… Я даже хотел сказать ему об этом, но напился и забыл.

Через много лет, на записи программы Лиона Измайлова «Смешные люди», мы встретились с Максимом Галкиным вновь. Я не знал, как подойти к мегазвезде, подъехавшей к концертному залу на шикарном «Бентли». Мы, провинциалы из Беларуси, делавшие первые шаги на московских подмостках и ОН… Каково же было мое удивление, когда я, все же подойдя к Максиму, попросил сфотографироваться с ним, он спросил:

— А помните Брянск?

— Максимушка, — заверещал я, — конечно, помню, я тогда так сразу и сказал всем, что ты, Максим, станешь великим

артистом и за тобой будет большое будущее…

Вот такая я скотина.

Кстати, на этих же «Брянских зорях» произошла смешная история, ставшая даже притчей в «Христофоре». После нашего выступления, за кулисами, ко мне подошла девушка-корреспондент местной газеты «Брянский рабочий». У нее было редакционное задание взять интервью у участников фестиваля. Девушка была симпатичная, и я распушил хвост как павлин. Я рассказывал ей о создании нашего театра, о гастролях, о репетициях и съемках, но тут ко мне подошел администратор Петросяна и сказал, что Евгений Ваганович хочет что-то уточнить. В это время мимо проходил наш Шура Вергунов. Я попросил его рассказать о «Христофоре» еще что-нибудь, пока я не вернусь. С Евгением Вагановичем мы пообщались буквально три-четыре минуты, но когда я вернулся, девушки уже не было.

— Поехала печатать интервью, — сказал Шура и как-то гадко улыбнулся. Я не обратил на эту улыбку внимания, хотя, зная повадки Шуры, мог бы предположить, что он опять что-то придумал, а может, рассказал про меня девушке какую-нибудь небылицу. Но я даже не догадывался, какую подлянку устроил мне этот негодяй.

Короче, утром следующего дня я просыпаюсь от того, что кто-то шурша просовывает мне под дверь газету и быстренько сматывается. Я неохотно встаю, подхожу к двери, поднимаю газету и… чуть не падаю в обморок. На первой странице «Брянского рабочего» я вижу свое интервью с огромным портретом Шуры и подписью — главный режиссер Минского театра сатиры и юмора «Христофор» Александр Вергунов…

Потом еще долго Шура доказывал мне, что теперь он главный режиссер театра, так как у него есть документальное доказательство этого — «Брянский рабочий», а у меня даже удостоверения нет, мол, как я докажу народу, что главный я? Он даже вырезал это интервью и заклеил его в целлофан, чтоб сохранить на века, а когда уже в Минске я приходил в театр, он, сидя на лавочке перед служебным входом, всегда читал этот номер «Брянского рабочего», тираж которого Шура не поленился почти весь скупить в славном городе Брянске.

История эта произошла с замечательным эстрадным артистом Ильей Олейниковым. У нас он многим известен по горячо любимой народом телевизионной передаче «Городок»

Однажды, много лет назад, у себя в Ленинграде Илья участвовал в концерте, посвященном Дню милиции. В этот день по

давней традиции устраиваются большие престижные концерты, на которые приглашают самых знаменитых артистов. И они охотно соглашаются. Мало ли что…

Жена Олейникова, Ольга, ждала его дома. Илья долго не возвращался, поэтому она начала даже немного волноваться, но успокаивала себя тем, что, видимо, после концерта устроили банкет, на котором муж и задержался. И вот, когда Ольга, устав от ожидания, едва не начала дремать в кресле, в квартиру позвонили. Не снимая цепочки, она приоткрыла дверь и увидела двух милицейских полковников.

— Вы жена Ильи Олейникова? — спросил один из них.

— Да.

— Разрешите войти?

Кто не разрешит войти милиции?! Впустила и она гостей. Показывают они ей «дипломат» и спрашивают:

— Это «дипломат» вашего мужа?

Ольга внимательно осмотрела его и утвердительно кивнула головой.

— Скажите, а ваш муж не был три месяца назад на гастролях в Новокузнецке?

— Был.

— Должны вам сообщить, что этот «дипломат» проходит сейчас как улика по делу об ограблении новокузнецкого банка.

От такого сообщения у Ольги потемнело в глазах, подкосились ноги, и она, чтобы не упасть, опустилась без сил в кресло.

А в это время широко распахнулась входная дверь и в квартиру гордо вошел сияющий Олейников с бутылками шампанского в руках. Не успел он вдоволь насладиться произведенным его розыгрышем эффектом, как пришедшая в себя жена вскочила и изо всех своих нежных сил (ее тоже можно понять) врезала ему по физиономии. При помощи шампанского и полковников, с которыми Илья сидел рядом на банкете, инцидент скоро удалось уладить, Ольга успокоилась и простила шутников, но…

Некоторое время спустя Илья со своим театром отправился на гастроли к нам в Минск. Поселились они в гостинице «Спутник». А через пару дней после этого Ольге на работе неожиданно предложили командировку тоже в Минск, и она решила не отказываться. Приехав в город, Ольга сняла номер в той же гостинице, что и муж. Илья об этом, разумеется, даже не подозревал. Дождавшись вечера, когда артисты уехали на очередное выступление, Ольга от имени давней, но не известной Олейникову поклонницы написала ему страстную любовную записку, приглашая на свидание в свой номер. Потом спрыснула послание духами, присыпала пудрой и просунула в щель под дверью

номера мужа.

Ждать ей пришлось долго. Далеко за полночь, когда движение в коридоре почти прекратилось, в дверь вкрадчиво постучали. Повернувшись спиной ко входу, Ольга, не вставая с постели, томно сказала:

— Входите, не заперто.

Дверь тихонько отворилась, и кто-то, войдя в комнату, бархатистым голосом произнес:

— Здравствуйте, я Илья Олейников.

Помещение наполнилось запахами хорошего мыла, дорогих дезодорантов и одеколонов, которыми незадолго до этого Илья облил себя с ног до головы. Ольга вскочила с постели и повернулась к мужу лицом. В столь поздний час мужчины в соседних номерах этой далеко не самой шикарной гостиницы города были в лучшем случае в пижамах, Олейников же был облачен в свой новенький с иголочки костюм, который они всего пару недель назад вместе выбирали. Немая сцена, во время которой у мужа, узнавшего в своей таинственной обожательнице жену, отвисла челюсть, продолжалась недолго. Прервавшая ее сильнейшая пощечина помогла водворить челюсть на место.

Так Илье во второй раз аукнулась та его давняя рискованная проделка. А вот в правовом государстве, говорят, два раза за одно и то же не наказывают.

Потом они долго вместе смеялись, и Илья объяснял жене, что он пришел только познакомиться и поблагодарить за внимание, потому и оделся так официально.

Откуда я все это знаю? От них самих. Мы познакомились с Ильей и Олей на одном из конкурсов. Они мне обо всем и рассказали, обильно сдабривая свой рассказ взаимным подтруниванием и самоиронией, и даже не возражали против его опубликования. Ольга часто сопровождает мужа на гастролях, но не потому, что не доверяет. Это очень дружная и счастливая семья. Просто сейчас талантливые артисты получили, наконец, возможность хорошо зарабатывать и могут себе позволить ездить вместе с супругами, как когда-то генсеки или члены Политбюро. А любовь к розыгрышам — это, как перец, только остроту чувствам придает.

Встречи

За годы выступлений на сцене нам посчастливилось встретиться и познакомиться со многими знаменитыми артистами Советского Союза и СНГ, а с работающими в жанре юмора и сатиры — так почти со всеми. Протекали эти встречи по-разному, но все они оставили в памяти какой-то след. Артистов эстрады разговорного жанра так мало, что мы все друг друга хорошо знаем и поэтому просто обречены на сотрудничество и взаимную поддержку. Многие контакты с корифеями были не только приятны, но и полезны для меня с точки зрения роста мастерства. Например, Юрий Никулин однажды своим добрым отношением вселил в меня уверенность перед очень ответственным выступлением, а Юрий Тимошенко (Тарапунька) даже помог профессиональным советом, позволившим усилить один наш номер. Немало полезного дало общение с Ольгой Аросевой («пани Моника»), Александром Кондратьевым (писатель, ведущий «Смехопанорамы»), Владимиром Ляховицким (бывший партнер А. Райкина) и многими, многими другими. Рассказать обо всех встречах невозможно, да вряд ли и читатель выдержит такой марафон, но о некоторых, наиболее мне запомнившихся, я все-таки попробую.

На фестивале «Море смеха–94» в Риге М. М. Жванецкий возглавлял жюри, а я был одним из участников конкурса и хотел воспользоваться случаем и снять Михал Михалыча на видеопленку. Это мне нужно было не только для себя лично, но и для передачи Белорусского телевидения «Семь минут с «Христофором». На одном из ежедневных, вернее, ежевечерних, банкетов мы случайно оказались рядом, и я спросил Жванецкого, не согласится ли он сняться со мной. Он не возражал, поэтому на следующий день я подкараулил его в фойе и предложил прямо сейчас провести съемку. Жванецкий, увидев в моих руках видеокамеру, замахал руками и сказал:

— Нет, нет, нет! Сниматься я не буду.

— Но вы мне вчера обещали.

— Я думал, что вы говорили о фотосъемках, — ответил Жванецкий, развернулся и ушел. Я догнал его и попытался объяснить, что снимать хочу для телепередачи, что все его у нас очень любят и будут счастливы увидеть на экранах. Но как я ни старался, Жванецкий был неумолим и сниматься наотрез отказался. На следующий день я повторил попытку, но Жванецкий, как мне показалось, был в плохом настроении, поэтому даже не захотел меня слушать. И вот вечером, на

очередном банкете, я увидел, что настроение его резко улучшилось, он смеялся, шутил, произносил великолепные тосты. Решив, что у меня появился шанс, я быстренько сбегал в номер за камерой и с улыбкой во все лицо подошел к Жванецкому:

— Михал Михалыч, так может…

И тут он не выдержал. Встал и, попросив минуточку внимания, сказал:

— Друзья, обратите внимание на этого молодого артиста. Я — мягкий человек, я никогда никого в жизни не посылал на …

И он громко произнес слово из трех букв, которое можно прочесть на всех заборах.

— Но вот Евгения… Как вас по батюшке?

— Анатольевич.

Он взял меня за руку, поднял ее, как поднимает рефери на ринге руку победителя, и продолжил:

— Так вот, Евгения Анатольевича, потому что он меня уже просто достал, я сейчас с удовольствием посылаю. Пошел ты, Евгений Анатольевич на …

Адрес был указан четко и недвусмысленно, что вызвало бурную реакцию присутствующих, раздались аплодисменты. Не знаю, снял ли кто-либо эту сцену видеокамерой или хотя бы записал на магнитофон, но фотографировали нас в этот момент многие. Польщенный всеобщим вниманием, я налил в бокал шампанского и предложил выпить за человека, вошедшего в историю как Человек, Которого Жванецкий Первым Публично Послал На … Возражений ни от кого, даже от тех, кто мне тогда сильно завидовал и мечтал оказаться на моем месте, не последовало.

Самые теплые и дружеские отношения сложились у «Христофора» с Семеном Альтовым. Он иногда помогал нам с репертуаром, поддерживал на конкурсах, никогда не отказывался участвовать в минских юморинах, даже если гонорар оказывался чисто символическим. Согласился он, не в пример другим, принять участие в одной нашей телепередаче. В 1994 году, после первоапрельского Минского фестиваля «Камаедзіца», мы придумали и решили показать по телевидению сюжет о том, как Семен Альтов не смог достать билет и вернуться в Санкт-Петербург. Он якобы застрял в Минске, живет в гримерке, бытовые условия, естественно, отвратительные, деньги на питание кончаются. Мы одели его в драную телогрейку, нанесли ему трехдневную небритость, усадили на миленький стульчик и стали брать интервью. Я задавал вопросы, а Семен с несчастным видом отвечал. Из его ответов следовало, что он уже смирился со своей участью и почти не надеется увидеть лица родных. Не все

зрители поняли нашу шутку, на телевидение потом звонили и присылали гневные письма с требованием привлечь виновных к ответственности и помочь любимому писателю вернуться домой. А работники Дома офицеров мне рассказывали, что приходил человек с термосом и просил провести его к Семену Теодоровичу, чтобы дать ему поесть горяченького.

Кстати, за год до этого мне самому пришлось даже стать Семеном Альтовым, точнее раздавать за него автографы. Он был тогда председателем жюри одной юморины, а я — ведущим. После ее окончания мы сидели в гримерке, Семен давал интервью обступившим его журналистам, а на столе лежала огромная куча его книг и прочей печатной продукции, которую стоявшая за дверью толпа благодарных зрителей жаждала получить с автографами. Альтов куда-то торопился и поэтому нервничал из-за того, что не успеет все подписать. И тут мне пришла в голову мысль, за которую я сейчас хочу покаяться. Я сказал тогда:

— Семен Теодорович, давайте я за вас подпишу книги, все равно никто вашей росписи не знает.

Выбора у него не было, поэтому пришлось согласиться. И я принялся за дело. Слова я писал самые теплые, старался даже больше, чем когда давал автографы от своего имени, поэтому никто в тот вечер, надеюсь, обиженным не ушел.

Через много лет, на своё 50 летие, я не раздумывая пригласил Семёна Теодоровича, а он не раздумывая согласился и с блеском выступил в моей юбилейной программе «50 — это смешно» во Дворце республики.

С Ефимом Шифриным мы познакомились в Риге на уже упомянутом мной «Море смеха–94», и у меня сразу создалось впечатление, что мы с ним давно знакомы и дружны. Общение с Ефимом — сплошное удовольствие, настолько это обаятельный, отзывчивый и скромный человек, достойно несущий бремя славы. Когда я обратился к нему со своей традиционной просьбой сняться для нашей телепередачи, он не только не отказался (в отличие от жестокосердного Жванецкого), но даже помог мне в придумывании сюжета сценки. В результате получился очень смешной этюд о том, как мы с ним обедали в общепитовской столовой. Я был страшно доволен съемками, но когда решил посмотреть, как все получилось на пленке, то, к своему ужасу, обнаружил, что на ней ничего нет, потому что я неправильно установил диафрагму. Знаете, что сделал Ефим, когда узнал о моей оплошности? Он невозмутимо произнес: «Ничего страшного. Давай снимем еще раз». И мы сняли все сначала, придумав дополнительно несколько смешных элементов, поэтому получилось даже лучше, чем в первый раз. А ведь Ефима тогда, я

это точно знаю, ждали срочные дела, со мной же он мог после этого никогда больше не увидеться и ничем мне обязан не был.

Приятно удивил меня Евгений Петросян. На сцене мы видим маску артиста, а каков он на самом деле — это известно очень немногим. После нашей победы в Кисловодске, где он был председателем жюри, Евгений Ваганович пригласил меня к себе в гости. Я захватил бутылку коньяка и в назначенный час пришел к нему в номер. Бытует мнение, что любой эстрадный артист — не дурак выпить. Я, кстати, тоже всегда так думал, поэтому старался не быть «белой вороной». Увидев у меня в руках бутылку, Евгений Ваганович сказал:

— Ну что ж, выпьем?

Он достал рюмки, я откупорил бутылку и приготовился наливать, но Петросян прикрыл свою рюмку рукой:

— Нет, нет, я пью свое.

Открыл холодильник, вынул оттуда бутылку пива, налил его в свою рюмку и убрал бутылочку обратно. Потом мы с ним долго сидели за столом и беседовали: я — периодически наливая себе из своей бутылки, он — потягивая из своей единожды наполненной пивом рюмочки…

А еще один смешной случай произошел со мной и Евгением Вагановичем в городке Лазоревское, что на Черном море, недалеко от Сочи. Я, отдыхая там с семьей, увидел расклеенные по всему городу афиши о приезде Евгения Петросяна и Елены Степаненко. Билеты были довольно дорогими, да и расхватывали их мгновенно, поэтому я решил воспользоваться нашим знакомством и попасть на концерт «на халяву». В день выступления, где-то после обеда, я пришел во Дворец культуры. Зрителей еще не было, но в фойе возле журнального столика раскладывал для продажи книги Евгения Петросяна его директор, пожилой седовласый мужчина, Юрий Яковлевич. Я представился и спросил у него, где Евгений Ваганович. Он показал на дверь директора дворца. Я пошел к двери, а Юрий Яковлевич что-то крикнул мне в след, но я расслышал только «Пусть Петросян подпишет». Я подумал, что он имеет в виду, чтобы Евгений Ваганович написал мне записку о том, что мне разрешается посмотреть программу. Как потом установило «следствие», бедный Юрий Яковлевич сказал мне, чтобы я взял у него, Юрия Яковлевича, бесплатно книгу Евгения Вагановича, и чтобы тот мне ее подписал. Зайдя в кабинет, я увидел и самого Евгения Вагановича и Елену Григорьевну Степаненко. Мы тепло поздоровались и немного пообщались, но, видя, что им надо переодеваться и готовиться к программе, я попрощался и, вспомнив Юрия Яковлевича, попросил, чтобы Петросян написал

ему разрешительную записку.

— Какую записку? — искренне удивился Евгений Ваганович.

— Ну, что б меня пропустили.

— Ты разве не сказал, что ты артист и что мы хорошо знакомы?

— Сказал, но он требует вашу подпись.

Петросян обернулся к Елене Степаненко:

— Вот паразит! Ну, сейчас я ему напишу!!!

Он взял листочек бумаги и написал: «Пошел ты на …» — И подписался.

— Отдай этому бюрократу записку и скажи, что я ПРИКАЗАЛ посадить тебя на самое лучшее место!!!

Я вышел в фойе, где уже появились первые зрители, подошел к Юрию Яковлевичу и молча протянул ему записку… Надо было видеть лицо Юрия Яковлевича, когда он ее прочел. Он произнес только одну фразу: «За что?»… Когда потом все разъяснилось, мы все долго хохотали и теперь, когда на съемках встречаемся с Евгением Вагановичем, всегда вспоминаем эту историю.

Таким образом, благодаря мне, две звезды российской эстрады — Жванецкий и Петросян, культурные, интеллигентнейшие люди, от всей души выразились по «матушке»… На ком бы мне еще проверить мои уникальные способности?..

Кстати, записочку Петросяна я храню в своих архивах наряду с самыми редкими документами. Вот только жаль, что по этическим соображениям, я не могу опубликовать ее в этой книге.

Под старость лет МХАТовские корифеи при старательном участии власть предержащих превратились практически в «небожителей». Но артист всегда остаётся ребёнком (недаром ещё Горький сказал: — Артисты это те же дети… А Раневская добавила: — Только у них письки больше…). Так вот, несмотря на звания и награды, старики МХАТа вытворяли, что хотели. Была у них очень популярна такая игра: если кто-то из участвующих тихонько говорит другому слово «Гопкинс!», тот должен непременно подпрыгнуть, независимо от того, где он находится. Не выполнившие подвергались огромному денежному штрафу. Нечего и говорить, что чаще всего «Гопкинсом» пользовались на спектаклях, в самых драматических местах… Кончилось это тем, что министр культуры СССР Фурцева вызвала к себе великих «стариков». Потрясая пачкой писем от возмущённых зрителей, она произнесла целую речь о заветах Станиславского и Немировича — Данченко, об этике советского артиста, о роли МХАТа в советском искусстве. Обвешанные всеми мыслимыми званиями,

премиями и орденами, слушали ее стоя Грибов, Массальский, Яншин, Белокуров, … А потом Ливанов негромко сказал: «Гопкинс!» — и все подпрыгнули…

Во время одного из наших приездов в Москву я был приглашен в гости к Борису Брунову. Сегодняшний зритель не знает этого уникального артиста, но все профессионалы «снимают перед ним шляпы». Это была живая история советской эстрады. Принимал он меня в своем роскошном рабочем кабинете, который находится в знаменитом Доме на набережной. В этом же доме, кстати, располагается и руководимый тогда Бруновым Театр эстрады, которым теперь руководит Геннадий Хазанов. Встретил меня Брунов очень радушно, держался естественно, даже без намека на разницу наших положений в мире эстрады. Поразила его манера курить сигары (а другого он ничего, как выяснилось, не курит с молодых лет), в ней совсем не было присущего нынешним «новым русским», еще вчера дымившим «Примой» или «Астрой», позерства. Говорили мы о разном, но больше всего мне запомнилось, как Брунов ответил на мой вопрос о том, каким должен быть настоящий конферансье. Мне очень важно было знать мнение признанного мэтра конферанса, так как самому очень часто по долгу службы приходится выступать в роли ведущего.

— О, мой друг, — сказал Брунов. — Я тебе отвечу так: конферансье прежде всего должен быть широко и глубоко эрудированным. Он обязан хорошо знать историю, литературу и, как ни удивительно, географию и даже философию.

Здесь Брунов сделал паузу, потом задумчиво продолжил.

— Впрочем, если он все это знает, на кой ляд ему быть конферансье? Ну, да ладно. Конферансье непременно должен быть очень обаятельным человеком. Он может быть некрасивым, как я, и даже еще хуже, как ты — он показал на меня пальцем, — но обязательно обаятельным. Сочетание эрудиции и обаяния позволит ему успешно выступать и перед колхозниками, и перед академиками, он будет своим и для одних, и для других.

Эти слова я запомнил навсегда. Они помогли мне понять, почему у нас в Минске я не слышал ни об одном профессиональном конферансье. Людей, занимающихся этим делом, достаточно, многие ведут сейчас дискотеки и разнообразные шоу, юбилеи и свадьбы, но делают это на таком уровне, что даже не поворачивается язык назвать их «конферансье», уж больно далеки они от критериев, о которых говорил Борис Брунов.

Известный белорусский артист Борис Галкин не обошел своим вниманием ни один из минских театров: в каждом из них он проработал хоть по нескольку лет, оставив о себе память в виде легенд и баек.

Вот что рассказывают о нем, например, в Русском драматическом театре им. М. Горького. В одном из спектаклей изображалось заседание партийного комитета. За длинным столом с важным видом сидели люди и обсуждали какие-то проблемы завода. Галкин же, демонстративно развернув газету «Правда», делал вид, что его это не касается и что он очень увлечен какой-то статьей. Никто из участников заседания не обратил на него внимания, ну, мол, импровизирует актер, ну и ладно. Но когда Галкин во время выступления одного из очередных ораторов неожиданно резко встал, все настороженно замерли. Осекся и выступавший. Ведь пьесой такое поведение Галкина предусмотрено не было. Прищурившись по-ленински, он окинул всех заседавших пристальным взглядом, сложил газету, сунул ее в карман, выдержал паузу и быстрыми уверенными шагами пошел за кулисы. Недоуменно переглянувшись, «комитетчики» продолжили заседание…

Галкин появился только к самому его концу. Спокойной, умиротворенной походкой он подошел к своему месту, не спеша сел, достал из кармана газету и вновь ее развернул, чем, естественно, опять привлек к себе внимание, как зала, так и артистов на сцене. Среди зрителей, после мгновенного замешательства, стали раздаваться выкрики и смешки, а затем вал аплодисментов накрыл их: в газете недоставало большого с неровными краями куска…

В том же театре в «Энергичных людях» по Шукшину в одной из сцен артист Кашкер обращался к друзьям с просьбой: «Налейте мне стакан коньяка». Ему из бутылки наливали полный стакан чая, он, крякнув, выпивал и делал вид, что оставался доволен.

Однажды, чтобы позабавиться, ему налили вместо чая «Зубровку». Кашкер взял стакан и по запаху понял (все-таки опыт кое-какой был), что там было налито. Не подав вида, он, как обычно, залпом опорожнил 250–граммовый стакан, занюхал его взятым со стола кусочком настоящего хлеба (здесь мы работали без муляжей), а потом недовольно пробурчал: «Какой же это коньяк? Чистая «Зубровка»

В спектакле опять же Русского театра «И один в поле воин» наш подпольщик во время беседы с провокатором раскрывал его, затем доставал пистолет и прямо на месте вершил правый суд в присутствии своего друга. Но однажды пистолет не выстрелил.

Такое в театре случается часто, техника у нас, как известно, пока только на грани фантастики, поэтому подпольщик не растерялся и нажал на спусковой крючок еще раз, потом еще. Но каждый раз была осечка, и в зале звука выстрела так и не услышали. Провокатор, не будь дурак, «сбежал» за кулисы, чем немного разрядил обстановку. Но враг ведь не должен уйти безнаказанным, и подпольщик бросился за ним в погоню. Сначала зрители услышали доносившиеся из-за кулис шум борьбы и крики, а потом появился и сам слегка потрепанный, но довольный подпольщик.

— Ну что? — спросил его друг, импровизируя на ходу.

— Догнал и удавил гада, — ответил подпольщик. — А потом еще, для надежности, добил из своего бесшумного пистолета…

Однажды знаменитый артист московского Малого театра Степан Кузнецов ехал на извозчике в театр. Времени до начала спектакля оставалось очень мало, поэтому Кузнецов ежеминутно поглядывал на часы и все просил извозчика:

— Быстрее! Быстрее!

Извозчик на просьбы артиста флегматично отвечал:

— Да не волнуйся, барин, доедем аккурат вовремя.

Но Кузнецов не успокаивался и снова повторял свою просьбу, получая каждый раз один и тот же обнадеживающий ответ. Наконец добрались они до Малого, как и предполагал Кузнецов, здорово опоздав. Расстроенный, он достал деньги и, вручая их извозчику, в сердцах воскликнул:

— Тебе не артистов возить, а дерьмо!

Извозчик взял деньги, а потом, внимательно посмотрев на Кузнецова, сказал:

— Так вот и возим.

Гастроли

Как говорил знаменитый первооткрыватель лошади Пржевальского: «Жизнь прекрасна тем, что можно путешествовать». Позволю себе добавить, что жизнь театра — тоже. Театральные путешествия по-другому называются «гастроли». Чтобы лучше понять роль гастролей для театра, попробуйте посидеть несколько дней дома, не выходя на улицу, устройте себе эдакий домашний арест. Сначала, возможно, вам покажется, что это даже неплохо: не нужно никуда спешить, нет необходимости переодеваться, думать о погоде и о транспорте, но потом вы начнете потихоньку тяготиться своим положением и тосковать, вам захочется «на волю, в пампасы» и, если не вырветесь на эту самую волю, то, в конце концов, взвоете. Вот так и театр. Если он долго не выезжает на гастроли, то начинает застаиваться. Даже когда у него постоянные аншлаги и успех, как это было раньше у нас в Купаловском театре, а сейчас в «Христофоре», и критические статьи напоминают тосты и кажется: зачем куда-то уезжать? Но театру обязательно нужно время от времени менять обстановку. Движение — это жизнь театра, с него он начинается. Ведь раньше вообще стационарных театров практически не было, вспомните скоморохов, бардов и менестрелей, батлейки или крытые повозки странствующих театральных трупп. В этом наши корни, полностью оторвавшись от них, мы увянем и даже засохнем. Смена зрителя, смена жизненного уклада и окружающей обстановки, новые впечатления — все это стимулирует здоровое функционирование театрального организма. Да и возможность для артистов повидать мир, расширить свой кругозор, лучше узнать друг друга тоже немало значит.

Обычно выделяют три основных вида театральных перемещений: большие гастроли, малые гастроли и выездные концерты. При выездных концертах чаще всего уезжает не вся труппа, и расставание с родным домом длится один или два дня, а то и несколько часов; малые гастроли — это поездки почти всего коллектива театра в другие города сроком приблизительно на неделю, большие гастроли могут длиться и месяц, и два, и требуют мобилизации практически всех людских и материальных ресурсов театра.

Вспоминаю, как это происходило в доперестроечные времена, когда наш театр им. Я. Купалы был обласкан властями и не знал финансовых проблем. Длительные гастроли в каком-нибудь большом городе Советского Союза по уровню подготовки и

обеспечения походили на снятие с места армии или другого крупного военного соединения. Уже за полгода до начала гастролей в намеченный город посылались гонцы, которые заранее бронировали места в гостиницах, договаривались с местными телевидением и радио, везли афиши, налаживали контакты с критиками. Среди наших посланцев обязательно был и машинист сцены, знакомившийся с техническими возможностями оборудования принимающего театра. В гастрольную поездку отправлялись все, за исключением, может быть, работников столярного, сапожного и пошивочного цехов, да еще охраны и буфетчиц. Все остальные — гримеры, костюмеры, реквизиторы, рабочие сцены — ехали вместе с нами. Всего набиралось около двухсот человек. Чтобы всех расселить, требовалась чуть ли не целая гостиница, места в ней распределялись в соответствии с заслугами жильцов: народные артисты занимали номера-люкс, заслуженные — полулюксы или одиночные номера, артисты, не обремененные званиями, — двухместные номера, рабочие сцены — четырехместные. Все питались в ресторанах или столовых за свои суточные. Организовывались экскурсии по городу и встречи с трудовыми коллективами, обязательным было посещение обкома партии. Туда брали, правда, не всех, а только членов партии, которые тоже проходили еще предварительный отбор. Так как вывозился почти весь репертуар — а это не менее десяти спектаклей, — декораций набиралось столько, что для их перевозки требовалось несколько огромных фур. Весь этот обоз отправлялся заранее, чтобы успеть приехать хотя бы за несколько дней до официального открытия гастролей. Средств требовалось уйма, но никто об этом тогда в театре не думал, потому что все делалось за счет государства или, как сейчас говорят, за счет налогоплательщиков. Не очень волновали артистов и неполные залы. Конечно, приятнее играть при полных, но по карману это никого не било, разве что — по самолюбию. К чести Купаловского театра надо отметить, что все гастроли, о которых я знаю, проходили неизменно с огромным успехом благодаря великолепной труппе, имевшей в своем составе целую плеяду популярнейших «звезд» первой величины.

Я пишу о гастролях только нашего Академического театра, но по аналогичной схеме они организовывались и в других театрах, рангом пониже, только помпезности при этом было поменьше. Сейчас порядки существенно изменились, и в результате — театры на гастроли ездить практически перестали, разве что если найдется какой-нибудь спонсор, но это — мечта, редко воплощающаяся в реальность. Правда, организуются у нас иногда

небольшие театральные фестивали, но от бедности места для их проведения выбираются в основном чуть ли не в зоне досягаемости электрички, чтобы не накладно было ездить. Таковым, например, был фестиваль в Молодечно. Сегодня смело можно сказать, что гастрольная жизнь в республике почти замерла, а вместе с ней, по большому счету, замерла и сама жизнь театров. Когда я встречаю сейчас своих недовольных жизнью коллег из других театров и начинаю их расспрашивать, то среди основных причин своей неудовлетворенности они всегда называют отсутствие полноценных гастролей. Кто-то, возможно, заметит, что теперь не до жиру, быть бы живу. Это верно, но не для театров. Театры не могут тлеть, они должны или ярко гореть, или сгорать.

В отличие от остальных театров «Христофор» еще держится. На это есть несколько причин: во-первых, наш театр маленький, всех можно разместить в нескольких номерах гостиницы, что по силам даже не очень богатой принимающей стороне; во-вторых (и это, наверно, самое главное), мы привозим спектакли, дающие возможность зрителям отдохнуть и отвлечься от проблем жизни, поэтому нас так охотно приглашают в курортные города Крыма и, когда туда можно было ездить, Кавказа; в-третьих, мы часто гастролируем за свой счет, не рассчитывая привезти большую прибыль (достаточно не прогореть), а просто потому, что нам это интересно. Иногда, если попутно можно будет отдохнуть и покупаться в море, в такие поездки мы берем даже семьи. Ездили мы не только в дальние или «теплые» (то есть за границу, в дальнее зарубежье) края, но и по городам Нечерноземья, Урала и Сибири, не говоря уже о Беларуси, которую исколесили практически всю. Ни одна из поездок не обходилась без веселых и забавных приключений, но чтобы рассказать о них всех, нужна еще одна книга, потолще этой. Пока я познакомлю вас лишь с несколькими случаями (кое-что по этому поводу есть и в других главах), первыми всплывшими в памяти.

Приезжая в далекие от дома места, мы не только посещали музеи, выставки, любовались архитектурными памятниками, но и с интересом заходили в магазины и на базары (что естественно для нашего человека). Особую, исключительную активность проявлял всегда при этом наш бывший артист Анатолий Кляшторный. Он жил с мамой, которая взяла на себя все его хозяйственные заботы, поэтому Анатолию очень хотелось доказать, что он тоже чего-то стоил в таких делах. Но его желания настолько были не подкреплены опытом, что это, видимо, издалека чувствовали все продавцы, к которым он подходил. Думаю, если бы они не боялись его спугнуть, то встречали бы

Кляшторного на базаре аплодисментами.

В Екатеринбурге, например, его внимание привлек мужчина, продававший лисьи хвосты. Цена их была подозрительно низка, но Анатолий, быстро прикинув, что это в несколько раз дешевле, чем в Минске, скупил, не торгуясь и ни в чем не сомневаясь, все хвосты разом. В мечтах он уже представлял себя в роскошной, на зависть всем нам, лисьей шапке, идущим под руку с очередной любимой женщиной, которая тоже будет привлекать всеобщее внимание подаренными им мехами.

Можете вообразить его реакцию, когда, приехав в Минск, Анатолий достал хвосты из мешка и увидел, что все они осыпались, как засохшие еловые лапки.

Еще более грандиозную торговую операцию провернул он в Феодосии. Анатолий слышал от мамы, что у нас подсолнечное масло — страшный дефицит, поэтому решил накупить его побольше (не забывайте, что это было в 90–х годах). Раздобыл где-то огромную канистру на несколько десятков литров и хотел уже наполнять ее маслом, но в последнюю минуту передумал. Побоялся, что будет неудобно тащить, поэтому, купив масло, разлил его по трехлитровым банкам. Но не пропадать же такой роскошной емкости! И у Анатолия в голове созрел еще более хитрый план: он наполнит канистру грецкими орехами. Сказано — сделано. В гостиничный номер, где Кляшторный жил вместе с Сергеем Александровым, было доставлено несколько сумок орехов…

Наутро, встретив в коридоре Александрова с опухшим лицом, я удивленно спросил:

— Ты что, втихаря от нас гулял всю ночь?

— Тебе бы так гулять, — раздраженно ответил Сергей, — это Кляшторный мне всю ночь спать не давал — орехи свои на полу плоскогубцами колол.

Оказалось, что Анатолий решил усовершенствовать свою и без того гениальную идею и наполнить канистру очищенными орехами — так больше влезет. Поэтому, подстелив для аккуратности газетку и выпросив у кого-то плоскогубцы (молотка он найти не смог), Кляшторный стал колотить ими по орехам. Выпитая перед этим изрядная порция ароматного крымского вина помогла ему забыть о том, что было уже далеко заполночь и что грохот был хорошо слышен даже в соседних гостиницах. До утра он методично лупил по своим орехам плоскогубцами, как будто заколачивал сваи, и забрасывал в узкое горлышко канистры добытые ядрышки. Так продолжалось несколько ночей подряд, пока разъяренная делегация жильцов не потребовала у администрации гостиницы выселения ночного «молотобойца».

Когда через две недели мы уезжали из Симферополя в Минск и вместе с толпой штурмовавших поезд пассажиров садились в вагон, почти все банки с постным маслом в невообразимой давке были разбиты. Часть его разлилась по нашему плацкартному вагону, немало попало и на самого Анатолия, поэтому всю дорогу вместо запаха из туалета мы вдыхали ядреный подсолнечный аромат. Но беда не приходит одна! Дома Кляшторный открыл свою последнюю надежду — канистру — и увидел, что ядрышки орехов скукожились, частично подгнили, и в них завелись какие-то черви, из-за чего практически все содержимое канистры пришлось выбросить…

В один из своих приездов в Крым мы как-то выступали перед работниками винсовхоза. Концерт прошел с большим успехом, нас долго не отпускали со сцены, благодарили, а расплатиться решили молодым крымским вином. Оно было расфасовано, как сок, в трехлитровые банки, коих оказалось так много, что даже наш спаянный коллектив не справился бы с ними за неделю. Было предложено переправить этот багаж в Минск, но так как в самолет нас с таким количеством вина в нестандартной упаковке не пустили бы, решено было везти его в нашем автобусе. Сопровождать ценный груз должны были холостяки, а все, кто были с семьями, полетели домой самолетом. Прибыв в Минск, мы не стали устраивать по этому поводу традиционного банкета, а терпеливо ждали наших товарищей, едущих в перегруженном банками автобусе. Обычно поездка от Симферополя до Минска на автобусе длится около двух суток, поэтому, когда наши «экспедиторы» не появились на четвертые сутки, предвкушение удовольствия стало у нас понемногу заглушаться тревогой.

Прибыл автобус лишь через пять суток. Весь салон его был завален пустыми банками, полных мы нашли только несколько штук. Подробностей путешествия нам узнать не удалось, потому что все сопровождающие, включая водителя, были почти в бессознательном состоянии. Выяснили лишь, что неожиданно кончился бензин, а купить его было негде (тогда, в самом деле, в СССР был самый пик безбензинья), поэтому якобы пришлось выменивать его на вино, что и явилось причиной столь длительной задержки. Ввиду отсутствия других версий, ничего не оставалось, как согласиться с этой…

Когда мы выступали в Тюмени, перед самым началом спектакля к нам за кулисы пришел человек, предъявил удостоверение сотрудника уголовного розыска и попросил задержать выступление минут на десять. Мы, разумеется, удивились, но просьбу выполнили. Оказалось, у них там такая

традиция: перед каждым концертом милиция ходит по залу и ищет своих «клиентов». В этом есть тонкий психологический расчет: на зрелища в основном тянет того, кто решил уже проблему «хлеба», в том числе и нечестным путем.

Когда мы прилетели для выступления в Объединенные Арабские Эмираты, то, как и все, должны были пройти в аэропорту таможенный контроль. Процедура эта проводится местными служащими очень корректно и с большим уважением к прибывшим, но к тем, кто пытается нарушить правила и провезти в страну оружие, наркотики или порнографическую продукцию, относятся очень строго — смертная казнь, да и все дела. Все-таки надо учитывать, что это одна из ортодоксальных мусульманских стран и законы шариата соблюдаются в ней неукоснительно. В самолете попутчики нам рассказывали, что за неделю до нас одного туриста, кажется из Омска, уличили в воровстве и сразу же на месте приговорили к смертной казни. Только вмешательство российского посла спасло его, он был прощен и выдворен из страны домой, правда, без правой руки. Мы, не чуя за собой никаких грехов, держались уверенно, хотя несколько опасались за лежавшие в наших чемоданах бутылки с водкой, захваченные нами по случаю приближавшегося (дело было в двадцатых числах декабря) Нового года. Сухой закон в ОАЭ пока не был отменен, но, как мы потом узнали, ввозить спиртное не запрещалось, главное — не пить. Правда, неясно, зачем тогда везти?

И вот подошла наша очередь. Первым на проверку пошел Юрий Лесной. Он открыл свой чемодан, таможенник засунул в него руку и достал оттуда видеокассету. Мы знали, что Лесной везет с собой видеокамеру и кассеты, он собирался снимать наши выступления, чтобы потом использовать их в передаче «Семь минут с «Христофором». Чиновник покрутил в руке кассету и задал Юрию по-арабски (!) традиционный вопрос: «Что здесь записано?» Мы все, наблюдавшие за сценой досмотра, не сочли вопрос каверзным или провокационным, но Лесной неожиданно прореагировал на него очень странно: побледнел и покрылся испариной. Жена Лесного, а летели мы (как я уже писал ранее) вместе с женами, схватила его за руку, чем предотвратила падение. Юрий только покачнулся. Я сразу понял, да и все остальные, думаю, тоже, что на кассете «порнуха». Но зачем она Юрию? Обычно приличные люди, да еще в таком возрасте, везут с собой одно из двух: или жену, или «порнуху», а тут и то, и то… Все терялись в догадках, так как считали Лесного не только приличным, но еще и практичным и умным человеком. Между тем

араб, не дождавшись ответа, повторил свой вопрос. Лесной не нашел, что ответить, и лишь вы давил из себя на смеси английского и арабского: «Дер кассета, а что записано нихт феритейн, не знаю». Но по лицу-то было хорошо видно, что не только знает, но и сам снимал эту мерзость, а возможно, сам и снимался, и привлекал для участия в съемках жену.

Все оцепенели от ужаса. Я уже представлял себе, что за такие «штучки» мы улетим домой не только без правых рук, но и еще без кое-чего, представляющего для нас пока еще большую ценность.

Таможенник сделал вид, что поверил Лесному, поэтому вставил кассету в оказавшийся рядом видеомагнитофон, чтобы Юрий, наконец, смог «узнать», что же у него записано. Когда на экране монитора появились первые кадры, мы поняли, что дело даже хуже, чем мы сначала предположили. Сошел мгновенно знаменитый белорусский загар с лица Длусского и упала на пол гитара, у меня потемнело в глазах и стало жалко даже не наших почти молодых тогда жизней (их уже ничто не могло спасти), а жен, которых после жестокой расправы с нами наверняка сдадут в гарем.

Что же мы увидели на экране? Не что, а кого. Владимира Винокура, исполнявшего роль араба. С дикими ужимками, с идиотским выражением лица и гадкими звуковыми интонациями он изображал даже не настоящего араба, а нашего соотечественника, уехавшего в одну из арабских стран, сделавшего обрезание и пытавшегося стать своим для местных жителей. Вся сцена была построена на решении половых проблем героя. Ничего против Объединенных Арабских Эмиратов и их эмира в ней не было, но как это можно было доказать в тот момент, тем более что одет Винокур был точно так же, как проверявший нас чиновник: в белую простыню с черным ободком на голове. Что должен был подумать ревностный защитник достоинства исламского государства, если любое слово Винокура сопровождалось еще диким хохотом зала (запись была сделана прямо на концерте)?

Чиновник еще раз внимательно посмотрел на нас, но, видимо, решил не торопиться, считая, что никуда мы от него не убежим. Оставив кассету у себя, он отпустил нас, предупредив Лесного, что завтра тот должен явиться в их Министерство безопасности и забрать кассету. Наверно, таможенник хотел, чтобы спецслужбы при участии переводчика подробнее ознакомились с содержанием подозрительной кассеты и вынесли свое окончательное решение.

Лесной, разумеется, ни завтра, ни в остальные дни пребывания в ОАЭ за кассетой не пошел. Он решил не искушать судьбу, так как не был уверен, что арабские «чекисты» оценят талант Винокура

так же, как наши.

Мы прекрасно провели время в Эмиратах, хорошо отдохнули, много повидали и поездили по стране. Проезжали несколько раз и мимо симпатичного здания Министерства безопасности, поглядывая на него с опаской, но все обошлось. Никто никуда больше никого из нас не приглашал. То ли их текучка заела, то ли они, надеясь на нашу порядочность, ждали, когда мы придем сами, но, к нашей огромной радости, встреча с местными спецслужбами у нас сорвалась, и мы благополучно убыли домой.

Прошел год. Острота впечатлений уже стала стираться, как однажды к нам после концерта пришел зритель и рассказал, что он летает «челноком» в ОАЭ и видел как-то там, на стенде «Их разыскивает полиция», портреты Владимира Винокура и еще одного человека, очень похожего на нашего Юрия Лесного.

Тогда мы не стали ничего объяснять зрителю, но поняли, что больше в этой сказочной и благословенной стране Лесному не бывать.

Как известно, одной из двух основных наших бед являются дороги, точнее — бездорожье. Не миновала эта беда и «Христофор». Под Белой Церковью (Украина) нас повезли в один отдаленный совхоз, где мы должны были выступить в сельском клубе и уложиться до 11 часов вечера, потому что после этого у них отключают свет. Как ни старался водитель, мы приехали только к 10 часам. В переполненном зале зрители терпеливо ждали артистов. Выступление мы начали почти «с колес», так как переодеться успели по дороге. Принимали нас замечательно, чувствовалось, что народ истосковался по веселью. И вдруг в самый неудачный (как это обычно бывает) момент погас свет. Что делать? Я вышел на край сцены и, извиняясь, стал объяснять, что выступление придется прекратить. В ответ раздались свист, топот и крики:

— Ничего! Мы вас столько ждали! Продолжайте!

Ситуация сложилась патовая: не играть мы не можем, раз зрители требуют, они же купили билеты, заплатив за них деньги: копеек по 70 или по 80, но и играть бессмысленно — ведь из зала никто ничего не увидит на сцене. И тут все разрешилось самым неожиданным образом: десятки лучей света из зала осветили нас. Оказалось, народ в деревне предусмотрительный, они все носят при себе фонарики. Так мы и доиграли в тот вечер свой спектакль при столь необычном освещении.

В другой раз, это было уже в Беларуси, мы направились в город Зельва. Артисты ехали в автобусе, а декорации и костюмы

везли на грузовике. До начала выступления времени оставалось очень мало, поэтому, выбирая самый короткий путь, мы мчались по проселочным дорогам. Грузовик немного поотстал от автобуса, но мы на это не обратили внимания, потому что водитель был местный, и мы были уверены, что дорогу он найдет. У входа в клуб нас уже поджидал встревоженный директор, который сразу провел всех на сцену. Мы опоздали на полчаса, народ в зале ждал, и директор стал поторапливать нас с началом выступления. Но как? Ведь не было ни декораций, ни костюмов. Посовещавшись, мы решили выступать в том, что на нас было: в кедах, кроссовках, спортивных штанах и майках. Да у кого-то нашелся один помятый пиджак.

По сценарию, в первой сцене мы должны были изображать собрание чиновников, которые по очереди выступают с трибуны, а все свободные от выступления при этом периодически аплодируют. Когда «чиновники» появились перед зрителями в виде «банды» оборванцев, мы очень боялись, что зал будет плохо нас принимать. Но, к нашему удивлению, публика восприняла все как должное. Грузовик появился почти перед самой заключительной сценой. Быстренько переодевшись, мы вышли на финал спектакля в своих роскошных черных смокингах при «бабочках» и белоснежных рубашках. Зрители устроили нам овацию. Если бы в этот момент в зале сидел театральный критик, то, думаю, он в своей рецензии отметил бы оригинальную находку режиссера, когда по ходу спектакля неуклюжие вахлаки под воздействием обстоятельств и зрителей превращаются в красавцев-джентльменов, то есть сразу становится понятным, кто кого победил. А спектакль так и назывался «Кто кого?» В общем, получилась история типа превращения гадких утят в лебедей.

Вас, наверно, интересует, где был грузовик? Не поверите, но у водителя, не к столу будь сказано, случился понос… И пока он искал в лесу речушку, чтоб постирать штаны, мы уже начали выступать и чуть сами из-за стресса не составили ему компанию…

Наши первые гастроли в Гродно запомнились нам навсегда. Это было еще при Советской власти. Везли мы на гастроли в этот красивейший белорусский город, единственную тогда нашу программу «Кто кого?». Вся программа состояла из номеров Владимира Перцова, и лишь один номер был Михаила Жванецкого. Смысл названия заключался в том, что мы как бы спорили со скукой и плохим настроением, мол, кто кого победит — мы скуку или она нас. Конечно же, наш юмор всегда выходил победителем в зрительном зале.

И вот приезжаем мы в Гродно и уже с вокзала чувствуем, что

что-то не так. Весь город — как встревоженный муравейник. Нас встречают на высшем уровне, чуть ли не каждого везут в отдельной машине к Дому офицеров, где нам предстояло выступать. У самого Дома офицеров стояла огромная толпа с цветами. Нас чуть не на руках внесли в зал. Мы ошалели от такого приема, но понять ничего не могли. И тут кто-то из наших увидел огромную афишу, висевшую на Доме офицеров… Мы поняли — это конец!!! На афише крупными яркими буквами было написано — Театр «Христофор». Юмористическое соревнование «Кто кого?». И ниже самое страшное… «В программе принимают участие Владимир Перцов и Михаил Жванецкий». Какой дурак так истолковал наше название, мы так и не узнали. Руководство Дома офицеров уверяло нас, что сначала текст афиши был напечатан в городской газете, а уж потом они у себя такое же написали. Нужно ли говорить, что билеты распространялись через обком партии по страшному блату. Ажиотаж был такой, что в очереди за билетами у Дома офицеров чуть не произошла массовая драка между местными интеллигентами и работниками торговли… Как мы отыграли программу в переполненном зале, как объяснили публике, что Жванецкого не будет, какая звенящая и зловещая тишина стояла в зале во время смешнейшего концерта, я описывать не буду. Скажу только, что в конце программы все цветы, предназначенные для Михал Михалыча, все же достались нам, зал все же рыдал от смеха, мы все же выиграли этот бой. Но решением властей города все заработанные тогда деньги (а это была по тем временам очень приличная сумма) были конфискованы, а нам было запрещено выступать в Гродно в течение нескольких лет…

А вот еще один случай из практики Ильи Олейникова. Как-то они гастролировали с концертной бригадой по Заполярью. Объехали много городов, а последнее выступление перед возвращением в Ленинград у них было в Воркуте. Северяне принимали артистов с поистине безграничным радушием, всегда кормили и пошли до отвала, как до концерта, так и после него. Не ударили лицом в грязь и воркутинцы. Особенно, как мне рассказывал Олейников, активно «откликался» на их предложения конферансье, видимо чувствовал, что гастроли завершаются, впереди родной дом, а там ему так настойчиво подносить не будут. К моменту выхода на сцену у него путались уже не только ноги, но и мысли. Никто не знает, что там у конферансье заклинило в голове, может быть, он решил, что банкет был прощальным, а теперь они выступают в Ленинграде, но он обратился к зрителям:

— Дорогие мои питерцы!!! Какое счастье, что мы, наконец, вернулись домой. Вы даже не представляете, что нам пришлось испытать. Одна Воркута чего стоит: это просто ужас, грязный маленький городишко, люди какие то забитые…

Ему из-за кулис кричат:

— Мы в Воркуте! Мы в Воркуте!

А он ничего не слышит и продолжает «поливать» воркутинцев. Реакция зала на этот поток оскорблений стала проявляться все заметнее, и «оратор» ее, наконец, почувствовал. Крики коллег из-за кулис помогли ему быстро понять в чем дело и «сориентироваться в пространстве». Сообразив, что «географическая ошибка» может ему дорого обойтись, он сделал небольшую паузу, изобразил на лице улыбку и игривым голосом произнес:

— Ну что, дорогие воркутинцы! Как я вас разыграл? Это была проверка вашего чувства юмора. Маловато, маловато. Ну, а теперь его будет много — выступает известный юморист Илья Олейников!!!

Когда мы ехали на гастроли в Голландию, кто-то сказал нашему артисту Анатолию Кляшторному, что там бешеным спросом пользуются наши гармошки и что, продав даже одну, можно купить автомобиль. Не знаю, откуда он получил такую информацию, ведь известно давно, что все, имеющее хоть какую-то ценность за границей, у нас давно уже вывезено, и там больше наших «дефицитов», чем здесь.

Как мы ни отговаривали Анатолия, он нас не послушал и приехал на вокзал с гармошкой. Где раздобыл это «чудо», Кляшторный не признался, но считаю своим долгом отметить, что внешне гармошка выглядела очень броско: расписанная под «хохлому», вся в бубенчиках, стеклянных и металлических накладках — она привлекала внимание и была типичнейшим образцом советского «кича». Папуасы Новой Гвинеи во времена Миклухо-Маклая отвалили бы за нее, наверняка, целую пирогу золота.

Анатолий не знал, что все музыкальные инструменты, вывозимые за рубеж, должны иметь разрешение на то Министерства культуры, поэтому, пересекая границу, вынужден был долго доказывать, что его инструмент не представляет культурной ценности и не сделан Страдивари или Гварнери, показывал чек из магазина и даже применял «последнее средство»: выставлял бутылки водки. В конце концов, понеся серьезные материальные потери (о моральных не говорю), он довез свою «любимицу» до Голландии.

В первый же день по прибытии Анатолий попытался продать

гармошку нашему хозяину, но тот оказался человеком немузыкальным и от покупки отказался. Назавтра Кляшторный решил начать поиски меломана, мечтающего купить его товар. Но так как из языков он владел только русским, да со словарем еще и белорусским, ему пришлось носить гармошку с собой, чтобы непосредственно демонстрировать ее потенциальным покупателям. Делом это было непростым, ведь нужно было зайти в какой-нибудь магазинчик, объяснить сначала его владельцу, что ты ничего покупать не собираешься, потом достать из сумки коробку, распаковать ее и, вынув из футляра гармошку, рекламировать инструмент на пальцах. Иногда Анатолий пытался играть, но тогда его принимали за бродячего музыканта, просящего подаяние, и начинали бросать в коробку монетки. Правда, чаще вежливо, но настойчиво выпроваживали, давая понять, что не подают милостыни.

Помыкавшись, Кляшторный понял, что надо учить язык. Выучив первое слово «kaufen» — покупать, он начал новый этап наступления на голландских покупателей. Выбрав очередную «жертву», Анатолий подходил к ней, показывал на гармошку и говорил: «Kaufen!» Но делал он это в своей привычной манере, то есть приказным тоном, как с «зеками», не прося, а настаивая «Kaufen! Kaufen!» Нужно было видеть бедных голландцев, которые шарахались в страхе от иностранца, повторяющего только одно слово так, как наши партизаны кричали когда-то фашистам: «Хенде хох!»

В общем, до последнего дня он так и не смог отделаться от своей гармошки, но надежду не потерял, жертвуя ради достижения цели даже самым дорогим. Чтобы вы поняли, до чего он себя довел, приведу лишь один, наиболее яркий пример самопожертвования. Когда мы перед отъездом не выдержали и решили все-таки сходить на упоминавшуюся уже мной улицу «красных фонарей», Анатолий (постоянный подписчик и читатель «Speed-инфо») с нами не пошел, а предпочел предпринять еще одну попытку всучить кому-нибудь свою гармошку. Мы, честно говоря, начали после этого даже опасаться за его здоровье, боясь, как бы торговля гармошками не стала его навязчивой идеей.

И вот, когда мы готовились уже уезжать из Голландии и с тревогой ожидали Анатолия из его последнего «рейда», отгоняя от себя страшные мысли о том, как бы он не попросил политического убежища на время продажи гармошки, кто-то вдруг радостно закричал: «Идет!» Да, это был он, с улыбкой вышагивающий по улице и легко помахивающий своей огромной, с какими обычно ездят у нас по всему миру челноки, и теперь уже пустой сумкой.

Как мы потом ни пытались выяснить у Анатолия, кому и за сколько он продал гармошку, добиться ничего не смогли. Некоторые даже, обидевшись, стали поговаривать, что он ее вообще не продавал, а утопил в одном из бесчисленных голландских каналов, чтобы избежать насмешек…

Во время гастролей в Голландии нам посчастливилось побывать на свадьбе. Я хочу рассказать о ней не только потому, что событие это само по себе интересное и во многом для нас необычное, но и еще, чтобы внести ясность в сообщения, промелькнувшие сразу после окончания наших гастролей в нескольких белорусских газетах. Там писали (не знаю, кто явился источником информации), что Анатолий Длусский якобы чуть было не увел из-под венца голландскую невесту. Считаю своим долгом дать здесь правдивую версию этой местами романтической истории.

Как-то после одного из наших выступлений к нам подошла группа зрителей и пригласила на свадьбу. Долго уговаривать нас не пришлось, поучаствовать в голландской свадьбе даже не в роли женихов мы — всегда пожалуйста, поэтому, быстренько переодевшись в свои парадные костюмы и усевшись в любезно подогнанные к месту сбора машины, отправились в путь. Свадьба должна была состояться не в самом Эйндховене, где мы жили, а в одном из близлежащих городков.

Добрались до нужного ресторана мы довольно быстро. Когда машины остановились, мы вышли из них, построились в «боевую колонну» с нашим гармонистом впереди и двинулись внутрь здания, желая с первых мгновений показать всем присутствующим, что такое настоящие белорусы вообще и «Христофор» в частности. Предварительный план действий мы обсудили заранее, решив начать со свадебных народных песен и плясок, хотя в последних были не очень сильны, но рассчитывали нехватку мастерства компенсировать удалью и задором. Петь мы стали, едва вошли в вестибюль ресторана. Как солдаты на марше, мы орали: «Ажаніўся стары дзед, узяў кабету 30 лет…» Песня веселая, местами даже хулиганская, но мы надеялись, что ее содержание все равно никто не поймет, поэтому уверенно шагали вперед. Нас завели в какой-то длинный зал, типа коридора, в котором стояли столы, но никого не было, потом в еще одно тоже безлюдное помещение. Получалось, что наслаждались своим пением только мы сами. Это нас немного озадачило, но петь мы не бросили, чтобы не потерять куража. И вот, наконец, мы попали в зал, в котором было много народа, сидевшего за столами. Несмотря на обилие людей, стояла почти полная тишина. Мы, предвкушая фурор, который

произведем, с удвоенной энергией грохнули очередной куплет своей песни.

Все с нескрываемым удивлением и даже опаской посмотрели на нас. Думаю, такое же впечатление на белорусской свадьбе произвели бы неожиданно появившиеся в своих традиционных нарядах папуасы, ставшие петь и танцевать что-то свое родное.

Сопровождавший нас переводчик громко объявил, что это гости из Беларуси, которые приехали специально, чтобы поздравить жениха и невесту. Сообщение сразу же разрядило обстановку. Все присутствующие стали улыбаться, шуметь, что-то, видимо приятное, выкрикивать в наш адрес и оказались вполне приличными и нормальными людьми. Мы продолжили пение, гости поддерживали его аплодисментами, и между нами начало устанавливаться взаимопонимание. Прокручивая дома потом видеозапись, мы со стыдом отметили, что безбожно фальшивили, но голландцы нам все простили и делали вид, что они в восторге и от слов, и от пения.

Несмотря на такую бурную поддержку, к концу песни наши голоса начали неестественно быстро слабеть и даже подрагивать. Видеозапись показала, что в это время и камера стала дрожать и дергаться. Снимал, кстати, нас Александров, который вообще не поет и утверждает, что обладает полным отсутствием музыкального слуха. Чтобы он не болтался без дела, Сергею всегда в таких ситуациях и вручают видеокамеру. Так вот, когда мы немного освоились и стали озираться по сторонам, нам бросилась в глаза одна очень неприятная вещь: на столах совсем не было бутылок. То же самое свободным от камеры глазом заметил и Александров, чем и объясняется отмеченная выше наша общая дрожь. «Выпили уже все, — с обидой и гневом подумали мы. — Зачем тогда приглашали?» Но через некоторое время, пожимая руки многочисленным, гостям, отвечая на их приветствия и похлопывания по плечу, я отметил вдруг отсутствие не только спиртного, но даже его запаха. В зале не было привычного на свадьбах тяжелого духа алкоголя: перегара, смешанного с табачным, дымом. Вился мягкий сигаретный дымок, но вентилятор сразу же уносил его, а вот «настоящего» запаха свадьбы не было. Я поделился своими наблюдениями с товарищами, и мы пришли к выводу, что положение еще хуже, чем мы подумали сначала. Спиртного на свадьбе не было вообще! С закуской, кстати, было ненамного лучше: среди бутылок минеральной воды и «кока-колы» кое-где виднелись тарелочки с бутербродами. И все! Это повергло нас в шок.

В это время гости стали петь ответную песню, танцевать, мы, криво улыбаясь, пытались аплодировать, делая вид, что они

нравятся нам не меньше, чем мы им, но на душе у каждого из нас становилось все тоскливее.

А голландцы «разгулялись» не на шутку. Песни у них чередовались с танцами, потом пошли хороводы, временами, напоминавшие игру в «ручеек», потом другие игры, за ними — фанты, лотерея и многое другое, что нашему нормальному человеку на свадьбе даже и в голову не придет. И, как вы уже поняли, гости ничего горячительного не пили, да и едой не злоупотребляли. Здесь мы воочию увидели то, что когда-то пытались ввести у нас и что не прижилось (потому что не может прижиться никогда!), а у них процветает — безалкогольную свадьбу.

Потихоньку выскользнув незамеченными в соседнее помещение, мы стали держать совет — что делать? Ведь мы же, когда ехали на свадьбу, мечтали хорошо «погулять» в привычном смысле этого слова, вплоть до того, чтобы даже на столах потанцевать. Но не на трезвую же голову этим заниматься! Мы жили в семьях голландцев, общались со своими хозяевами и знали, что они практически не выпивают. Например, наш с Длусским хозяин Франк не мог за вечер осилить больше одной рюмочки, из-за чего и мы с Анатолием делали вид, что это тоже наша предельная норма. Но все это было в быту, в будни, а уж на гуляньях, надеялись мы, голландцы «оттягиваются» на всю катушку, как финны когда-то в Ленинграде. И вот теперь происходило окончательное крушение наших надежд.

Вдруг дверь в комнату приоткрылась, и в нее заглянул наш с Толей Франк. Его тоже пригласили на свадьбу, он узнал, что мы здесь и попытался нас разыскать. Мы бросились к Франку, почему-то почувствовав, что в нем последняя наша надежда. Франк немного понимал по-немецки, поэтому, использовав весь коллективный запас немецких слов, мы попытались изложить суть нашей проблемы:

— Франк, на унзере свадьба тринкен вельми грос водка одер шнапс, битте.

Франк на некоторое время задумался, видимо переваривал информацию, потом радостно заулыбался и воскликнул:

— А! Гут, гут!

Сделав обнадеживающий жест, он вышел и через несколько минут вернулся с литровой бутылкой «Смирновской». Где он ее взял, не знаю, скорее всего, купил в баре. Купить выпивку в Голландии можно где угодно. Они не пьют, потому что не хотят, а не потому, что нечего или не за что.

Вернувшись в банкетный зал, мы обнаружили там «шведский» стол, половину закусок перенесли с него на наш «русский» и стали

от всей души «желать» здоровья и счастья новобрачным. Через десять минут от нашего уныния не осталось и следа, а через пятнадцать — веселье забурлило в нас вулканом. Смех, шутки, анекдоты полились из нас неудержимо, как лава.

Франк, вежливо оставивший нас, чтобы не мешать, привлеченный шумом, подошел к нам опять. Мы пригласили его к столу, были очень рады, что он, наконец, вернулся, но намекнули, что с него за то, что отсутствовал, — «штрафная». Франк все быстро и правильно понял и через пару минут принес еще бутылку «Смирновской».

Если бы кто-нибудь посторонний подошел к нашему столу через час, он вряд ли догадался бы, что не все мы земляки. Франк за это время успешно усвоил русскую лексику, особенно ту ее часть, которую называют ненормативной, и активно подкреплял свою жестикуляцию свежевыученными крепкими словами. Он стал в доску своим для нас, мы, по-моему, вообще забыли, что находимся не дома. Нам уже все нравилось, даже свадьба. Мы наперебой ее хвалили, говорили, как приятно видеть цивилизованных, культурных людей, умеющих с достоинством, веселиться и отдыхать. Не то, что у нас, когда напьются, набьют друг другу морды и забывают, зачем собирались. Хорошо бы и нам научиться так себя вести, мы ведь тоже европейцы, наши культуры во многом схожи, да и внешне мы, когда трезвые, почти не отличаемся.

И тут кому-то из нас, не помню уже кому первому, пришла мысль, всегда посещающая гостей на свадьбе после того, как они пресытятся всем находящимся на столах. «А где, кстати, невеста и жених?» — спросил кто-то. Выяснилось, что никто их не видел, нам даже стало стыдно, что мы до сих пор не поздравили молодоженов лично. Оглянувшись по сторонам, мы нигде не увидели белой фаты, поэтому я обратился за помощью к Франку:

— Франк, во ист дер невеста?

Франк с улыбкой посмотрел на меня, думая, видимо, что я шучу. Но я повторил свой вопрос во второй раз, и Франк понял, что я спрашиваю на полном серьезе. Он недоуменно пожал плечами и показал на стоявшую недалеко от нас старушку. Франк никогда не шутил, поэтому мы сразу ему поверили и, разинув рты, все дружно уставились на «невесту». Смутившись от столь явно и неожиданно выраженного к ней внимания, старушка заулыбалась нам в ответ и приветливо закивала головой. Надо отметить, что голландские пожилые женщины, а так про них говорить будет правильнее, нежели «старушки», ведут совсем не такой образ жизни, как их сверстницы в нашей стране. Не знаю, уходят ли они, как говорил Жванецкий, из «большого секса», но их активность,

любознательность, жажда жизни и страсть к развлечениям и путешествиям с годами только возрастают. Не была исключением и наша «невеста». Мы усиленно делали вид, что ничего необычного ни в чем не видим, но, как только виновница торжества отошла от нас, набросились на Франка с вопросами. Выяснилось, что мы попали не на свадьбу, а на годовщину свадьбы, причем далеко не первую. Этим объяснялось и почти полное отсутствие молодежи. Что касается выпивки, то ее не бывает на всех свадьбах, независимо от возраста «брачующихся».

Когда невеста в очередной раз оказалась недалеко от нашего стола, мы теперь уже с полным пониманием ситуации бросились ее поздравлять, обнимать и целовать. Она была немного шокирована резким изменением нашего отношения к ней: то совсем не замечали столько времени, а тут вдруг такое бурное изъявление любви, как будто кто-то раньше не давал этого сделать. А Длусский так вообще преподнес ей в подарок самое дорогое, что у него есть — свою песню. После этого он решил выпить с невестой на брудершафт. Женщина поняла, что молодой человек ищет повода поцеловаться с ней и не стала отводить губ. Анатолий страстно впился в них своими, вложив в этот поцелуй все накопившиеся в нем за вынужденные десять дней без женщин чувства. Потом спел еще одну свою песню о любви. Слова слушательнице были непонятны, но под воздействием музыки, дьявольского космического обаяния голоса единственного в театре холостяка, против которого еще не устояла ни одна женщина, «невеста» влюбилась в Анатолия. Внешне влюбленность голландок ничем не отличается от аналогичного состояния их подруг «по несчастью» в других странах, во всяком случае, в европейских. Всю оставшуюся часть вечера «невеста», игнорируя своего 80–летнею «жениха», не отходила от Анатолия, дергала ею за рукав, пощипывала, пыталась что-то объяснять и делала другие милые глупости, простительные влюбленным. Ее муж, который был заметно старше жены, но достаточно крепок и бодр, стоял поодаль, с интересом наблюдал за нами и добродушно улыбался. Он еще, наверно, не понял, что полчаса назад произошла духовная измена. Мы все вошли в раж, начали подтрунивать над Анатолием, порой довольно жестоко, благо никто вокруг не понимал нашего языка. Длусскому ничего не оставалось, как поддерживать правила игры, он тоже хохотал, веселился, пел песни и дурачился. Мы предлагали ему не упускать счастливого случая, жениться на богатой невесте, ведь у нее были и дом, и машина, и, наверняка, сбережения в банке, а мы бы к нему приезжали в гости в Голландию. И таким образом от его брака выиграли бы все.

«Невеста» ничего не понимала, но видела, что все вокруг

смеются, и тоже веселилась вместе с нами. Не знаю, до чего бы мы дошли в своих «подколках» в адрес Длусского, потому что нас несло, как лошадь, которой попала под хвост вожжа, но неожиданно все гости стали собираться. Мы поняли, что гулянью конец, и походкой, менее уверенной, чем наши советы Анатолию, отправились к ожидавшим нас на улице машинам. Голландцы бережно развезли нас по домам и сдали на руки хозяевам. Это была наша последняя ночь в гостях. Утром мы должны были отправиться на родину.

В семь часов утра мы, непроспавшиеся, уже сидели в автобусе. Провожавших нас в такую рань было немного: только наши хозяева, организаторы поездки… да новая «подружка» Анатолия Длусского. Она пришла в последнюю минуту, автобус уже трогался, поэтому ей не удалось даже договориться с Анатолием о переписке и обменяться адресами. Расстроенная, бежала она за автобусом, махала рукой, но Длусский не только не помахал ей в ответ, а даже не повернулся в ту сторону, сделав вид, что ночью ничего не было и что он с ней незнаком. Короче, конец у этой истории оказался самым банальным. Каждое утро в разных странах тысячи мужиков поступают так же, стараясь побыстрее забыть о своих ночных приключениях, которые кажутся им теперь неинтересными, и мечтая о новых, более громких победах.

Как делаются смешные программы в «Христофоре»

В настоящее время «Христофор» — практически единственный на территории бывшего Союза юмористический театр. Сегодняшняя эстрада — это в основном артисты-одиночки. Есть пары (братья Пономаренко, «Кролики»), есть группы («Экс-ББ»), есть театры одного актера (театр пародий Винокура), но настоящего — в полном смысле этого слова — театра больше нет. Те, что возникали, очень быстро разваливались, не выдержав материальных или иных трудностей, поэтому, когда к нам в Минск приезжают друзья нашего театра Семен Альтов, Ефим Шифрин, Владимир Винокур, Евгений Петросян и другие, они первым делом спрашивают: «Ну, как вы — еще живы?» И очень удивляются, услышав положительный ответ, подтверждая тем самым, что даже простое существование в течение вот уже более двадцати лет подобного театра является в наших сумасшедших условиях феноменом. В чем же секрет нашей живучести и (не буду излишне скромничать) успеха?

Все начинается, разумеется, с репертуара. Когда с нами работал Владимир Перцов, мы, как говорится, горя не знали. Он писал не только для нас, но и «под нас», то есть, учитывая индивидуальные особенности артистов театра, подгоняя роли под возможности исполнителей, чем здорово облегчал нашу работу и способствовал ее успеху. Но потом, когда Перцов ушел из театра, перед нами встали довольно сложные проблемы, так как репертуар требует постоянного обновления, и нужно как-то об этом заботиться. Но как? Обратиться к российским знаменитостям типа Жванецкого, Альтова, Трушкина, Коклюшкина или Измайлова? Но нужно иметь в виду при этом, что один эстрадный номер стоит сегодня у хорошего автора где-то от 800 до 1000 «зеленых», а эстрадная программа состоит, как правило, из 10–12 номеров… Поэтому такое «обращение» нашему «Христофору» было просто не по карману. Что же мы делали? Пытались писать сами. Конечно, далеко не все идеи, сцены и репризы полностью были придуманы нами, кое-что мы заимствовали (тырили) у других авторов, но все это творчески перерабатывалось, бережно вставлялось в канву спектакля, и мы старались придать даже известной шутке новое, неожиданное звучание. Потом, сегодня очень популярен такой жанр устного народного творчества как анекдот. Многие авторы не гнушаются вставлять в свои произведения анекдоты, порой выдавая их за

свои придумки. Анекдотами заполнен Интернет и проблем с их поиском нет никаких. Мы даже играли программу-анекдот «От роддома до заката», в которой при помощи анекдотов прослеживали жизнь человека от самого рождения, до ухода в мир иной.

Но вернемся к теме создания юмористической программы. Итак, как сказано в одной великой книге, «Вначале было слово». То есть литературный материал. Так как сценок и монологов сразу на целую программу обычно не бывает, то репетировать начинаем с того, что есть. Каждая реприза многократно обсуждается и оценивается, при этом мы спорим до хрипоты и даже, порой, до взаимных обвинений в самом страшном — отсутствии чувства юмора и потенции… творческой, естественно, что приводит к обидам и бурным ссорам. Ведь вкусы у всех, а особенно в понимании смешного, разные, но мы, в конце концов (все-таки друзья и единомышленники) приходим к общему знаменателю и ценой мелких уступок и компромиссов доводим и себя, и сценарий номера до состояния, когда он в основном нравится всем.

После того, как материал берется в работу, нужно распределить, кто и что будет играть. У хорошего эстрадного драматурга на каждой странице текста должно быть где-то от пяти до восьми «смехов», то есть реприз, которые вызовут смех в зале. Задача эстрадного артиста, работающего с этим текстом, увеличить количество «смехов» как минимум раза в два. Добивается он этого по-разному: мимикой, жестами, интонацией, манерой поведения и многими другими традиционными или оригинальными приемами. Распределить роли в такой маленькой труппе, как у нас, очень просто. Каждый наш артист настолько индивидуален и ярок, что практически при первом чтении номера мы уже знаем, кто какую роль будет играть. Шура Вергунов, например, «специализируется» на милиционерах, военных или профессорах, а в свое время был даже замечен в образе Александра Григорьевича. Я великолепно вхожу в образ пьяниц, тупых и зануд, неплохо изображаю как внешностью, так и повадками Гитлера, хотя политические взгляды у нас с ним — хочу вас на всякий случай заверить — прямо противоположные. Толя Длусский может сыграть и нервного больного, и любящего мужа, а если ему увеличить брови и надеть «пинжак с орденами», бесподобно пародирует Брежнева, а если снять пиджак, а из бровей сделать бакенбарды, то получается великолепная копия Пушкина. Сергей Комиссаров — это молодой наглый бизнесмен или запуганный студент, кинорежиссер или пьяный ветеринар. Но больше всех ролей в своем репертуаре имеет Вовка Воронков

— ведь кроме всех вышеперечисленных образов он может сыграть еще и женские роли… Таких теток, которых он изображает, никакая Верка Сердючка не сделает.

Ошибки с распределением ролей могут привести к печальным последствиям, в этом мы не раз убеждались и на своем, и на чужом опыте. А первоочередная задача каждого артиста нашего театра — вызвать смех. Отсутствие смеха — это провал.

Итак, роли распределены и начинаются репетиции. В драматическом театре репетиции обычно проходят или в кабинете главного режиссера, или в специальной аудитории, которая так и называется «репетиционная», но у нас в «Христофоре» из-за отсутствия своего помещения репетировать приходится и дома, и в гримерке, в фойе или коридоре Дворца культуры и даже… в парке Горького. Сидим на лавочке и под недоуменными взглядами прохожих читаем тексты, ругаемся, спорим, решаем и ищем образы. Если бы это снять на скрытую камеру, то люди бы подумали, что в Новинках день открытых дверей. (Для читателей, живущих за пределами нашей «синявокай»: Новинки — это республиканский дурдом).

Когда текст выучен и расставлены все интонации, а в нашем жанре это просто необходимо, мы переходим к репетициям «на ногах». Так называются репетиции, когда артисты не только говорят текст, но и двигаются по сцене, встают, садятся, прыгают, ползают и т. д. А ведь нужно бывает найти для образа и походку и выражение лица… И если такая репетиция проходит в парке, или во дворе дома, тут уже собираются целые толпы зевак посмотреть на это дикое зрелище…

Обычно один номер репетируется ежедневно около недели. Но это только первые репетиции. Потом номер вставляется в какую-нибудь идущую программу, таким образом, чтобы перед ним и после него шли очень смешные номера. Это делается для того, чтобы при не очень удачном показе зритель не обратил внимания на «дырку’ в спектакле. Кроме этого, первый показ мы практически всегда снимаем на видеокамеру, чтобы потом проводить дотошный «разбор полетов». После разбора и «шлифовки» мы вновь вставляем новый номер в очередное выступление. Уже убраны несмешные места, добавлено что-то новое и снова после показа идут репетиции. Таким образом «доводка» номера проходит почти месяц (мы играем одну программу в неделю). А на создание всей новой программы уходит почти девять месяцев. То есть если бы перед началом первой репетиции какая-нибудь из наших зрительниц забеременела, то в день премьеры она бы вполне могла родить и с

гордостью назвать ребенка Христофором. Главное, чтоб муж ничего не подумал…

Помаленьку из новых номеров начинают вырисовываться контуры новой программы. Уже можно подумать и о ее названии. Броское, многообещающее название сразу привлекает внимание потенциального зрителя. Он останавливается у афиши и начинает ее подробно изучать. А уж тут недалеко и до покупки билета… Если вы вспомните названия наших спектаклей, то увидите, что нам удавалось найти довольно интересные и к тому же отражающие суть каждой программы: «Кто кого?», «Третьим будешь?», «МЖ», «От Чижовки до Комаровки», «Говорит и показывает», «Хорошо сидим», «Хоть стой, хоть падай», «Постой паровоз», «От роддома до заката», «Женефис», «Кавалеры приглашают дамов», «Богодуев, вперед. Или назад, к победе коммунизма», «День танкиста»… Не скажу, что все эти названия приходили легко и сразу. Порой нам даже приходилось объявлять конкурсы и обещать солидные призы (до двух бутылок коньяка), прежде чем из огромного количества предложенных названий удавалось выбрать единственно подходящее. Когда название утверждено, можно начинать печатать афиши и продавать билеты. Но до этого еще далеко, а теперь наша задача «обкатать» программу на зрителе. «Обкатка» обычно проводится на гастролях. И нередко минчане становятся первыми зрителями новых программ российских звезд, которые привозят их к нам на проверку. Конечно, зрители об этом даже не догадываются, тем более что так не всегда делается, но, тем не менее, такая практика существует.

Отыграв новую программу в провинции (а зритель там иногда воспринимает юмор даже лучше, чем в столице), мы опять убираем все погрешности, чего-то добавляем, чего-то убираем и готовимся к премьере в Минске. В газетах появляются интервью о новой работе «Христофора», на телеэкране появляются рекламные ролики. На других наших программах мы рассказываем зрителям о новой премьере и показываем самые «ударные» номера из нее. Можно еще бесконечно долго рассказывать о том, как готовятся фонограммы и шьются костюмы, как подгоняются парики и ищется реквизит, но это уже совсем другая тема. Моя задача — показать вам примерную схему выпуска эстрадной программы.

После премьеры, как правило, делается еще одна видеозапись для архива. Самые удачные номера мы, конечно же, высылаем на кассетах в «Аншлаг» и «Смехопанораму». А теперь, благодаря новым технологиям, мы еще и записываем наши программы на диски, чтобы зрители могли приобрести понравившийся спектакль на память.

Отдельный разговор о банкетах после премьеры… Там порою бывает еще интереснее и смешнее, чем на самой премьере, но не обо всем можно написать, ведь эту книгу могут прочитать и дети… Кому очень интересно, я потом расскажу при личной встрече.

Главный режиссер одного из ленинградских театров, мэтр, народный-пренародный, лауреат и профессор, в окружении стажеров и учеников ведет репетицию. Он настолько увлекся глядящей в рот аудиторией, что начал читать ей лекцию о Системе Станиславского, напрочь забыв о скучающем на сцене актере. Дойдя до темы «Пауза и внутренний монолог», вдруг вспомнил о нем: «Пожалуйста, Виктор, вашу сцену — сначала. Но попрошу подробно по Системе: прежде — пауза, точный внутренний монолог, а уж когда подведете себя к тексту, только тогда — первая фраза…» В зале — гробовая тишина. Артист сидит, как сидел, за столом, опустив голову на руки. Долгая пауза… Мэтр вполголоса: «Молодец, Витюша… Вижу процесс… Блестяще! Посмотрите, друзья, вот настоящий внутренний монолог, вот она — Система! Великолепно, Витенька… Вот сейчас… Все!!! Теперь — можно! Давай текст, умница моя!» Стажеры затаили дыхание. Артист сидит, как сидел. Длиннющая пауза. Все ждут. Вдруг крик мэтра: «Витька-а — а!!» В ответ раздается мощный храп.

Кстати, зрительская аудитория всегда бывает разной и задача юмориста найти ключик к любой из них. Самая благодарная это — студенческая, здесь зал отзывается на все шутки, даже не дослушав их до конца, так быстро он на все реагирует, затем идет солдатская аудитория, где истосковавшиеся по вольготной гражданской жизни ребята рады любой отдушине, любой возможности отвлечься от однообразия службы. Очень легко работать в женской аудитории, но подбор реприз должен быть в этом случае произведен с учетом интересов зрительниц, входить в круг волнующих их проблем. Самые мрачные воспоминания остались у меня от выступлений перед партийными работниками (сейчас это, слава Богу, уже позади), врагу не пожелаешь такого. Даже те из зрителей, кому было смешно, кусали губы и прикрывали рот рукой, стараясь не подать вида и подавить смех, поглядывая при этом на руководство и пытаясь угадать его высочайшую реакцию. Можете себе представить, какая при этом была атмосфера в зале, и каково было играть артистам. Ко всему прочему, иногда такие выступления были просто опасными для нас. Однажды, после участия «Христофора» в концерте, посвященном 8 Марта, бывший тогда первым секретарем ЦК КПБ

Соколов приказал разогнать «Христофор». Хорошо, что нам повезло, и коммунистов разогнали раньше. Есть своя специфика и у сельской, и у рабочей аудитории. Из этого не следует, разумеется, что мы пытаемся угодить всем. Да это и невозможно: тот, кто хочет понравиться всем, как известно, не понравится никому. Попытки улучшить спектакль не прекращаются до тех пор, пока он живет. Причем участвуют в этом все, а не только режиссер, как это бывает обычно в других театрах. У нас с благодарностью принимаются и выслушиваются советы всех, начиная от артистов и заканчивая рабочими сцены и зрителями. Сколько раз бывало такое, когда кто-нибудь из нас, кому в голову приходила «гениальная», как ему казалось, идея, звонил коллеге среди ночи и пытался поделиться с ним своей радостью. Получив в ответ отборный «букет» бранных слов неожиданно разбуженного и обиженного товарища, «осененный» не очень огорчался и с нетерпением ждал утра, чтобы прийти на репетицию и поделиться своей находкой со всеми. И даже если в результате, к великому разочарованию автора идеи, она отвергалась, он, хотя и огорчался, поиски новых идей не прекращал. Ведь все мы понимали и понимаем, что работаем ради общей цели, и удачи каждого из нас являются удачами всех. Дух товарищества, который мы постоянно поддерживаем в «Христофоре» — тот стержень, на котором мы все собственно и держимся. Если он исчезнет — все сразу развалится.

Хочу рассказать об одном неблаговидном поступке, который я совершил однажды по отношению к моему другу Николаю Леончику. Сделал я это не столько по злому умыслу, сколько по недомыслию, но Николаю от этого было не легче, поэтому я и решил здесь покаяться, чтобы хоть частично снять грех с души за устроенную ему, как у нас говорят, «подлянку»,

Среди огромного количества ролей, которые приходилось играть Николаю в ТЮЗе, была и роль доктора Пилюлькина из сказки «Приключения Незнайки». Кроме Леончика, эту роль исполнял прекрасный артист Анатолий Жук, они с Николаем подменяли друг друга через спектакль. У Жука было много достоинств, в том числе и мужских, а одно из них — его роскошные усы, которые он стал носить, казалось, с трехлетнего возраста. Анатолий их холил, лелеял и очень ими гордился. И вот против них-то я и направил острие своего коварного замысла.

А дело было так. Как-то, вспомнив, что давно я никого не разыгрывал, я сел и написал письмо в дирекцию ТЮЗа от имени бригадира сборщиков моторного завода. Для пущего правдоподобия я сделал в письме несколько грамматических ошибок, которые здесь

не привожу, но любой, кто писал когда-нибудь диктанты, легко догадается, в каких местах они были. Вот полный текст письма: «Уважаемая дирекция театра имени ТЮЗа! Недавно мы всей бригадой побывали у вас в театре на спектакле про Незнайку. Нам очень понравилась эта пьеса, которая учит добру и справедливости. Веселые приключения Незнайки и его друзей так воодушевили наших детей, что они пообещали стать тоже добрыми и послушными. Но единственное, уважаемое начальство театра имени ТЮЗа, что нам не понравилось и страшно возмутило, так это то, что ваш артист, исполнявший роль Пилюлькина, ходит с усами. Где это вы видели коротышек с усами? Мы специально взяли у детей книжку и посмотрели картинки — там нигде коротышек с усами нет. Коротышки — это те же дети, только очень маленькие, меньше даже лилипутов и карликов. Зачем вы обманываете наших детей? Или пусть этот артист сбреет усы, или гоните его с роли к чертовой матери. Если вы не примете меры, мы будем обращаться в Министерство культуры или в ЦК. Бригадир сборщиков Жуков А. А.»

Обратный адрес я указал свой собственный, надеясь, что проверять никто не будет. Получив мое письмо, в дирекции ТЮЗа заволновались. Там сидели чиновники, очень далекие от искусства, попавшие на свои посты после того, как погорели на предыдущих. Я знавал среди них и бывшего пожарника, и бывшего завмага. Для этих людей самым главным было угодить начальству и не создавать себе лишних хлопот, поэтому они сразу стали «реагировать». Был собран худсовет, на который вызвали обоих исполнителей роли Пилюлькина. После их внешнего осмотра было решено, что в письме шла речь о Жуке, так как Леончик в то время усы еще не одевал. Анатолию объяснили суть дела и предложили сбрить усы, но он, ветеран театра, наотрез отказался. Тогда ему зачитали то место из письма, где шла речь о снятии его с роли, и пригрозили, что сделают это. Снятие с роли артиста, у которого она — единственная, для любого артиста почти катастрофа, но для Жука и Леончика, игравших бывало в день по три роли и стонавших от перегрузки, такое решение было бы равносильно подарку, тем более, что на их зарплате это никак не отражалось, они получали заранее установленный оклад, не зависевший от количества сыгранных ролей. Поэтому угроза начальства Толю Жука очень обрадовала, но, чтобы не сорвалось, он, как хороший артист начал возмущаться и убеждать всех, что усы ему бесконечно дороги, тем более что в других спектаклях они даже помогают ему входить в образ. «Их можно при необходимости приклеивать», — посоветовали Анатолию, но он решительно отверг такое издевательское предложение, и в итоге с роли

Пилюлькина был снят.

Опустив голову и шаркая ногами, вышел Жук из кабинета, но едва за ним закрылась дверь, дальше по коридору двинулся уже пританцовывая. Такого подарка судьбы он и не предполагал…

Через некоторое время я получил письмо из ТЮЗа, в котором сообщалось, что меры приняты и больше усатых Пилюлькиных на сцене я не увижу. Но удовольствия от благополучного завершения своего розыгрыша я не получил, потому что перед этим у меня был неприятный телефонный разговор с Леончиком. Не буду по понятным причинам приводить его дословно, намекну лишь, что во время разговора Николай сказал все, что думал о моем подлом поступке, а заодно — и обо мне. У него и так работы было выше головы, а теперь еще пришлось вместо Жука играть чертового Пилюлькина. К счастью, спектакль по неизвестным мне причинам скоро сняли, поэтому долго мучиться из-за меня Леончику не пришлось, и это позволило со временем нам вновь наладить так нелепо расстроившиеся отношения.

Мы и зрители

В юморе, как в футболе, разбираются все. И, что не менее важно, не стесняются при любом удобном случае высказывать о нем свое мнение. Далеко не ко всем видам искусства встречается подобное отношение, более того, по-моему, только один юмор и удостоился такой «чести». Например, помню, как я сидел в кинозале на фильмах Тарковского или Феллини, многого не понимал, но стеснялся в этом признаться, делал умное лицо и, когда знакомые пытались узнать мое отношение к этим общепризнанным шедеврам, только многозначительно улыбался и мычал нечто нечленораздельное. Сами знакомые в подобной ситуации поступали, кстати, почти так же. Аналогичную реакцию видел я и на выставках художников-абстракционистов, и на спектаклях в авангардных театрах. Зато сказать «Ерунда!» про выступление самого знаменитого юмориста или про популярную комедийную киноленту не считается зазорным — наоборот, это может даже расцениваться как признак высокой требовательности или утонченности вкуса. Только в юморе зритель, если он чего-то не понял, поставит это в вину автору или исполнителю, а не себе. Никакое, самое громкое имя не гарантирует защиты от провала. Но если Жванецкий, Хазанов и Шифрин после неудачного выступления могут рассчитывать на то, что в следующий раз они учтут свои ошибки и добьются успеха, то мы, не достигшие пока столь высокого уровня популярности, просто не имеем права на провал. Ведь весть о нем достаточно быстро может по «беспроволочному телеграфу» распространиться от свидетелей нашей неудачи к их друзьям и знакомым, от тех — к их знакомым, и мы рискуем в следующем спектакле выступать перед пустым залом. При малом количестве зрителей можно играть, например, «Гамлета», но юмористический спектакль — бессмысленно, так как зал в такой ситуации никогда не взорвется смехом, для этого нужна, как для взрыва атомной бомбы, определенная критическая масса, точнее тот минимум зрителей, ниже которого нельзя опускаться.

Всего этого мы просто не можем не учитывать, готовя свои выступления и налаживая взаимоотношения со зрителями. Но как бы мы тщательно ни готовились, моделируя всевозможные мыслимые и немыслимые ситуации и стараясь предугадать реакцию зрителей на наши действия, жизнь все равно оказывается богаче любой фантазии и преподносит почти каждый раз нам какие-нибудь сюрпризы. О некоторых из них я и расскажу в этой главе.

Однажды на гастролях в Омске мы выступали в местной филармонии с невероятным успехом, собирали каждый вечер переполненные залы, каких, по словам администратора, здесь не видели никогда. И вот, во время одного из наших выступлений, когда зал буквально грохотал от аплодисментов и хохота, на сцену поднялась женщина и подошла к микрофону. Мы, не выходя из образов, замерли, приготовившись слушать восторженный отзыв и благодарности. Но женщина неожиданно сказала:

— Халтура! Верните мне деньги за билет!

Зрители, как и мы, ожидавшие, что она будет говорить нам комплименты, от неожиданности притихли. Билет на наше выступление стоил тогда прилично, кажется, 3.60 или 3.80, по тем временам сумма нешуточная. От нахлынувшей обиды я сначала хотел ответить женщине, что, так как спектакль она посмотрела, то возвращать ей, собственно, нечего, надо было обращаться на пару часов раньше, но потом вовремя опомнился и сдержался, тем более что Ю. Лесной уже достал из кармана и подал мне «пятерку», заготовленную им, разумеется, совсем для иных целей. Я подчеркнуто торжественно вручил ее женщине, потом подошел к микрофону и, понимая, что рискую, так как не придумал ничего путного, чтобы выкрутиться в случае неудачи, обратился к залу:

— Может, еще кто-нибудь так считает, так мы могем.

Но благодарные зрители меня поняли правильно и ответили просто шквалом аплодисментов. Довольная собой женщина в это время уже спускалась со сцены, так, по-моему, и не поняв, кому эти аплодисменты предназначались.

Да, «пятерку» ту я Лесному недавно вернул, но он все равно недоволен и требует еще какую-то «индексацию».

А вот что произошло во время нашего выступления в Феодосии. В самый кульминационный момент, когда пел наш «казацкий» хор, на сцену вдруг выбежала с горящими счастливыми глазами женщина и стала быстро и громко говорить в микрофон:

— Братья белорусы! Вы даже не представляете, какое огромное удовольствие доставили всем нам! Большое вам спасибо!

Мы, разумеется, прекратили пение и держали паузу, надеясь, что она будет не очень длинной. Но женщина, повернувшись к нам спиной, обратилась к залу:

— Мы должны молиться за этот «Христофор», они такую радость несут людям, и вообще нам всем нужно молиться, чтобы наша жизнь стала лучше. Я приглашаю всех к нам, в общину

евангельских христиан-баптистов. Приходите завтра…

И дальше пошла страстная проповедь, призывавшая присутствующих стать членами баптистской общины. Мы в это время молили, как могли, Бога о том, чтобы он надоумил женщину побыстрее уйти со сцены. И наша молитва была услышана. Женщина, отвесив нам прощальный поклон, под аплодисменты гордо спустилась в зал, а мы, наконец, продолжили пение, хотя накал был сбит, и впечатление было уже далеко не то. Видимо, состязаться с Богом нам было тогда еще не по силам.

К сожалению, наши контакты со зрителями во время выступлений не всегда заканчивались так благополучно. Как-то при проведении одной из первоапрельских юморин, в тот момент, когда на сцене был «Христофор», подвыпивший зритель стал громко выкрикивать всякие гадости в адрес артистов. Мужчины, кстати, в отличие от женщин, редко поднимаются на сцену, предпочитая «высказываться» прямо из зала, чем серьезно отравляют радостную атмосферу, ради создания которой мы всегда тратим так много сил. Находившийся на сцене Сергей Александров, огорченный неприятным инцидентом, резко бросил в адрес зарвавшегося нахала: «У, паскуда!» А в это время я читал как раз то место своего монолога, где говорилось о тогдашнем мэре Минска Герасименко А. В., присутствовавшим вместе с супругой на этой юморине. Никто из зрителей никак не связал реплику Александрова с моим монологом, но сопровождавшие мэра бдительные чиновники решили, что была брошена тень на его репутацию, в антракте они подняли шум и заставили нас принести публичные извинения, чем еще больше привлекли всеобщее внимание к этому досадному недоразумению. Мы потом долго не могли прийти в себя после разыгравшегося скандала, которого совсем не желали, так как относились к Александру Васильевичу всегда с большим уважением. Но недаром говорят, ни от чего наперед не зарекайся.

Справедливости ради надо отметить, что бывали, правда, редкие, у нас случаи, когда мужчины-зрители выступали не только из зала, а поднимались и на сцену. Помню, пародировали мы как-то наш парламент и, выступая от имени депутатов, критиковали всех и вся. Один из зрителей, видимо, так был воодушевлен происходящим на сцене, что не удержался, выбежал к нам, подскочил без очереди к микрофону и стал на чем свет стоит крыть наше правительство.

Нечто подобное произошло и во время наших гастролей по Сибири. В одном из маленьких городков мы исполняли озорные частушки, которые так пришлись зрителям по душе, что многие

из них пытались даже нам подпевать. Чувствуя искреннюю поддержку зала, мы вошли во вкус и, увлекшись, даже не заметили, как среди нас оказалась очень энергичная симпатичная старушка. Она, оттеснив нас от микрофонов, в танце прошла по авансцене, а потом стала петь свои собственные частушки. Нам ничего не оставалось, как принять предложенные правила игры и подыгрывать ей, изображая кордебалет.

В одной из наших программ был номер, который мы называли «Тургенев». Смысл номера заключался в том, что на сцену мы выводили двух зрителей мужчин, которые должны были озвучивать животных из повести Ивана Сергеевича Тургенева «Бежин луг». То есть они должны были мычать, как быки, хрюкать, как кабаны, кукарекать, как петухи. Зритель принимал этот номер на «ура». Люди просто падали с кресел от хохота, потому что вид мычащих, кричащих, поющих, храпящих мужиков, к тому же перепуганных из-за того, что их вытащили на сцену, вызывал в зале просто истерику. Конечно, очень важно было выбрать этих «артистов». Робкий и тихий парень будет стесняться и все делать так же робко и тихо. Наглый и самоуверенный будет вести себя вызывающе, да еще и нахамит. Я всегда очень боялся» добровольцев», которые просто вылетали на сцену и, стараясь насмешить своих друзей в зале, делали все наоборот. Например, говоришь ему:

— А ну, как крякают утки? Покажи, — а он вдруг начинает лаять или свистеть… Естественно, становилось не смешно, и в зале устанавливалась тишина. Ты говоришь, — в избе заплакал ребенок, — протягиваешь такому «импровизатору» микрофон, а он в него — бе-бе-бе… То есть номер практически срывался. А о пьяных вообще, молчу… Я всегда очень переживал и не любил делать «Тургенева», но кроме меня, его сделать никто не мог, поэтому я покорно нес свою ношу. Но однажды, на протяжении трех выступлений подряд, этот номер был просто «убит» такими вот «помощниками». Вернее, не номер, а я. То есть, три раза я делал «Тургенева», и три раза на сцену поднимались или тихони, или наглецы, или пьяные, что хуже всего…

Я до того нервничал, что наотрез отказывался выступать с «Тургеневым» в этой программе. Наши ребята убеждали меня не делать этого, говорили, что это просто стечение обстоятельств, что, мол в следующий раз все будет нормально. Я не уступал. Тогда Толя Длусский предложил:

— Хочешь, я сам тебе выберу зрителя? Пока ты будешь объяснять публике условия игры, я лично спущусь в зал и выберу тебе веселого, интеллигентного мужчину, который не сорвет тебе

такой классный номер.

Все дружно поддержали инициативу Анатолия, и я сдался.

Всю неделю, до этой программы, я успокаивал себя, я говорил себе, что теперь-то все будет в порядке, Толя не подведет. Но все равно, я очень сильно нервничал. Наконец наступил день выступления. Первое отделение прошло нормально, зрители прекрасно реагировали, а Толя из-за кулис, в дырочку, наблюдал за публикой, выискивая наиболее подходящего из них. В антракте я еще раз попробовал отказаться от своей «Голгофы», но Длусский убедил меня, что он уже нашел» клиента». Закончился антракт, я вышел на сцену и стал рассказывать зрителям, что артистом быть не трудно, что надо просто выйти на сцену и громко и грамотно говорить текст. И предложил желающим выйти на сцену и попробовать себя в роли артистов, озвучивающих на радио повесть И.С.Тургенева «Бежин луг». Тут же из зала на сцену полез детина, под смешки и гиканье своих дружков. Был он нагл, развязен и от него пахло алкоголем. Я понял — этот будет веселить своих собутыльников. Номеру хана. Да и моим нервам тоже. Но оставалась надежда на Толю. И тут я увидел, что Толя сдержал слово. Его выведенный на сцену зритель был само воплощение «помощника». Он был прилично одет, очень добросердечно улыбался, всем видом показывая готовность помочь мне. Правда, я видел, что он чуть-чуть растерян, но это бывает с каждым, кто впервые вышел на сцену. Он посматривал в зал, ища глазами свою подругу, которая тоже мило улыбалась и кивала ему, мол, не бойся, покажи себя. Я воспрянул духом. Еще раз с шутками и прибаутками объяснил «артистам», что им надо делать. Детина, ухмыляясь, подмигивал в зал своим собутыльникам, но «мой» внимательно, как мне показалось, даже очень внимательно, меня слушал и по-прежнему мило улыбался. Я понял, что, несмотря на детину, номер будет спасен.

— Июльский день близился к концу. Наконец зной спал, и все живое запело, радостно встречая прохладу, — начал я. — Первыми на пруду громко заорали, — тут я сделал паузу, — лягушки! — И поднес микрофон к лицу «моего». «Мой», по сценарию номера, должен был громко заквакать, вызвав тем самым первый взрыв хохота в зале. Но «мой» стоит молча и так же доброжелательно смотрит на меня своими голубыми глазами. У меня сцена начинает уходить из-под ног.

— Первыми на пруду заорали ля-гуш-ки, — громко подсказываю я, и опять протягиваю микрофон к лицу «моего». «Мой» с обаятельнейшей улыбкой смотрит на меня, наклоняется к микрофону, открывает рот (спасен, думаю я!!!) и говорит:

— Мая не панимай…

Занавес.

Вообще, готовясь к выступлению, мы всегда стараемся заранее узнать, перед какой аудиторией нам придется выступать и, исходя из этого, корректируем дальнейшие свои действия. Дело в том, что реакция зала на наши шутки зависит от очень многих факторов: от места, где мы выступаем (я здесь имею в виду не только зал, но и город, село, республику, страну), от поры года, от цены билета и даже от способа его приобретения, то есть — сам зритель купил билет или это сделал профком сразу для всего коллектива. Все перечислить просто невозможно, но пренебрежение любым из факторов может привести к неудаче.

Приведу несколько примеров. Однажды мы выступали перед учителями одного из районов города Минска после их конференции и показывали один из лучших своих спектаклей «МЖ». Это была программа о мужчине и женщине, об их взаимоотношениях, о непростом поиске своей половинки. Конечно же, все это было достаточно смешно, но в «МЖ» были и лирически нотки. Полагая, что интеллектуальный уровень аудитории достаточно высок, мы рассчитывали на адекватную реакцию и понимание самых тонких наших реприз. Можете представить наш ужас, когда почти все выступление прошло практически при гробовой тишине, и мы ушли со сцены, как говорят артисты, «под стук собственных копыт». Оказывается, учителя, а их в зале было несколько сотен, так и не смогли расслабиться и выйти за рамки своей профессии. Глядя на сцену, они все происходящее сразу пытались оценить на предмет того, можно это показывать детям или нет. Разумеется, им всем было не до смеха.

Сейчас стало модным проводить презентации разных фирм, на которые часто приглашают и нас. Не всегда, но иногда мы принимаем такие приглашения. Выступать приходится и в ресторанах, когда публика сидит за столиками, обильно уставленными едой и питьем. Для наших артистов такое непривычно, а на Западе это почти норма. Как-то мы беседовали с Анатолием Ширвиндтом и Михаилом Державиным после их гастролей по Америке. Они рассказали, что выступали только в ресторанах с русскоязычными посетителями, и поделились с нами опытом: — Надо точно найти момент, когда люди уже наелись, но еще не напились. И только тогда выходить на сцену.

Забрасывала нас судьба и за «решетку», когда мы выступали перед обитателями колонии усиленного режима под Мозырем, в женской колонии в Гомеле или у нас в Минске на Опанского. Жизнь оттуда кажется совсем иной, проблемы тоже другие,

поэтому все тексты пришлось существенно переделывать, оставляя только то, что может быть интересным столь специфической аудитории.

Выступая за границей, как перед нашими бывшими соотечественниками, так и перед коренными жителями, мы часто обнаруживали, что, несмотря на многие принципиальные различия в образе жизни и участие переводчика, наши шутки часто казались смешными и им.

Любовь к нам зрители выражают не только аплодисментами и цветами. Почти после каждого спектакля (а бывает, что и во время него) мы получаем всевозможные подарки — начиная от бутылок водки или коньяка и кончая забавными мягкими игрушками. А однажды на сцену поднялась девушка и вручила мне клетку, в которой сидел живой попугай. Теперь его (вернее ее) попугайские внуки не дают мне жизни своими криками: «Слава «Христофору»!»

Конечно, мы не обольщаемся и отлично понимаем, что есть немало тех, кому мы не нравимся и никогда не понравимся. Но у нас есть свой зритель, и мы будем для него работать и за него бороться. Недавно мы подсчитали, что на каждого жителя Беларуси уже приходится в среднем по полтора посещения наших спектаклей, а наиболее преданные из зрителей побывали в театре раз по двадцать и больше. Они стали нашими друзьями, многим из них вручены бесплатные пожизненные абонементы для прохода на все выступления «Христофора».

И мы сделаем все возможное и даже невозможное, чтобы зрителей, добившихся права на получение таких абонементов, становилось все больше и больше.

Народный артист республики Михаил Петров много лет проработал в Минском ТЮЗе, в репертуаре которого были и пьесы о войне. В одной из таких пьес Петров играл роль подпольщика, пытавшегося вместе с другом проникнуть в фашистский бункер, чтобы его заминировать. Действие происходило ночью, Михаил под соответствующую музыку долго полз по сцене, прячась от немецких патрулей и замирая при приближении луча прожектора. Наконец он дополз до люка в сцене (а такие есть в каждом театре), являвшегося как бы входным люком в бункер, и начал его открывать. По ходу спектакля предполагалось, что Петров будет долго с люком мучиться, но открыть не сможет. Тогда он позовет товарища, и вместе они этот проклятый люк одолеют. И вот Михаил стал шепотом, чтобы не услышали немцы, звать друга:

— Помоги! Помоги!

А артист, игравший этого самого друга, с кем-то за кулисами

заболтался и никак на призыв о помощи не прореагировал. Зато на него откликнулся недавно принятый в театр рабочий сцены, здоровый такой дядька, который решил, что это входит в его функциональные обязанности. В этом спектакле рабочие сцены в массовках играли роли гитлеровцев (ради экономии средств в театрах часто привлекают обслуживающий персонал к участию в сценическом действии), поэтому все они были одеты во вражескую форму, но в данный момент рабочий вспомнил, прежде всего, о своей основной профессии. Выйдя из-за кулисы, он подошел к люку, нащупал пальцем скобу в нем и легко его открыл. После этого «фашист» пожал плечами и с укоризной посмотрел на Петрова, дескать, что ты из ерунды проблему сделал, тут бы и ребенок справился.

Видели бы вы в этот момент глаза Петрова! Думаю, если бы в такой ситуации к настоящему подпольщику во время войны неожиданно подошел настоящий гестаповец, глаза у первого были бы ненамного круглее. Но не случайно наши выиграли войну! Не дав зрителям опомниться, Петров вскочил, сжал кулак и, вскинув согнутую в локте руку в пролетарском приветствии, торжественно произнес:

— Рот-фронт! Спасибо, друг!

В спектакле «Миколка-паровоз» Михаилу Петрову досталась роль деда. В одной из сцен, глядя вместе с группой партизан на разрушенные крестьянские дома, он должен был, похлопав кого-нибудь по плечу, оптимистически сказать: «Ничего, хлопцы! Скоро эта власть кончится, и тогда мы заживем по-людски!»

Один раз Михаил пришел на работу сразу из гостей, был слегка, скажем, «утомлен», поэтому в сцене привала так «вошел в образ», что лег за бревно и заснул понастоящему.

А актеров хлебом не корми, но дай кого-нибудь разыграть. Никто его не разбудил, и свою реплику Петров благополучно проспал, как и все время до закрытия занавеса. После этого должна была произойти смена декораций для финальной сцены, изображавшей наше советское время, в которой пионеры с горнами и барабанами в торжественном марше говорят слова благодарности тем, кто подарил им счастливую жизнь. На декорациях соответственно был нарисован уже не дремучий лес, а заводы, цветущие колхозные поля и сады, а вдали виднелся Кремль.

Обычно смена декораций в театре происходит со страшным грохотом, под стук молотков. Бороться с этим невозможно, поэтому режиссеры для отвлечения публики применяют всевозможные ухищрения: включают громко музыку, мигают светом или просто объявляют антракт. На этот раз рабочие по просьбе артистов совершили чудо: декорации были поставлены

практически бесшумно. Как им это удалось, не знаю, может быть, они вдавливали гвозди каблуками или вставляли их в старые отверстия, которых на сцене от предыдущих спектаклей осталось превеликое множество, но факт таков, что сон Петрова нарушен не был.

Проснулся он в самый разгар финала от грохота барабанов. Встав, Михаил, видимо, вспомнил, что он еще не все сыграл в этом спектакле, поэтому, похлопав по плечу оказавшегося рядом пионера, стоящего на фоне Кремля, выдал в зал врезавшиеся в память слова:

— Ничего, хлопцы! Скоро эта власть кончится, и тогда мы заживем по-людски!

Настал черед подробнее рассказать о тех, кто внес наибольший творческий вклад в дело и расцвет «Христофора». Чтобы соблюсти хотя бы видимость объективности и беспристрастности по отношению к своим «подельникам», я решил сначала главы о них расположить в соответствии с алфавитным порядком фамилий главных героев, потом передумал, потом опять… поэтому первым оказался

Сергей Александров

После окончания театрального института Сергей был распределен в Витебский драматический театр, считавшийся в ту пору одним из лучших в Беларуси. Но если в нашем театре малый рост Сергея — находка, то в Витебске он стал для него одной из главных преград на пути к большим ролям. Какую роль можно дать артисту с таким ростом? Разве что маленького старичка или ребенка. Но старички редко встречаются в пьесах, поэтому на долю Александрова выпадали в основном травестийные (детские) роли. А потом и таких стало немного, и он в течение нескольких лет выходил на сцену чаще всего только в эпизодах или массовках, что привело в итоге к тому, что Сергей вынужден был покинуть Витебский театр, так и не ставший для него своим. В ту пору Сергей был еще сравнительно стройным и поджарым, поэтому ему с трудом, но удалось переехать в Минск и устроиться в ТЮЗ. В ТЮЗе Александрову доверили играть Миколку-паровоза, и хотя с ролью он справлялся достаточно успешно, исполнял ее не очень долго. Дело в том, что в это время Сергей Георгиевич начал стремительно раздаваться вширь, у него налились плечи, появился животик. А с таким «имиджем» изображать изможденного, замученного жестоким царским режимом мальчика было невозможно, в лучшем случае — Мальчиша-Плохиша. Но исполнитель Плохиша тогда ТЮЗу не требовался, поэтому Сергей вновь оказался не у дел.

Больше театров, куда бы он мог перейти, не нашлось, поэтому ему пришлось вообще уйти из профессии. Несколько лет Сергей проработал в том же ТЮЗе осветителем. Я тоже когда-то был рабочим сцены, поэтому знаю, что это такое, но Сергею было значительно хуже, потому что одно дело — перейти из осветителей в актеры, и совсем другое — из актеров в осветители. У человека в такой ситуации начинают развиваться комплексы, появляются обиды на всех и вся, он становится раздражительным и даже порой озлобленным. А если учесть, что в деятельности рабочих сцены очень мало творчества (наибольшие умственные усилия при их невысокой зарплате требуются для того, чтобы придумать, где раздобыть бутылку), то нетрудно понять, что радости в жизни Сергея почти не осталось. А ведь есть еще семья — жена и дочь (вторая родилась, когда Сергей работал уже в «Христофоре»), тоже требующие внимания и средств, которых катастрофически не хватало. В общем, подводя итог дохристофоровскому периоду театральной жизни Сергея Александрова, можно кратко выразить его так: счастья мало, а

перспектив — еще меньше. И вот тут, как вы уже догадались, вмешался Его Величество Счастливый Случай.

Однажды мы ехали с Сергеем в одном переполненном троллейбусе, поток пассажиров вынес его к тому месту, где стоял я, потом мы были припечатаны соседями друг к другу, узнали друг друга (мы были раньше знакомы, ведь Сергей учился на курс старше меня) и, так как ехать было достаточно далеко, разговорились. Он рассказал мне о своей судьбе, я — о работе в «Христофоре». Мой рассказ его заинтересовал, поэтому я предложил Сергею прийти к нам и «попробоваться». Через пару дней он пришел в «Христофор», но как раз после окончания спектакля, из-за чего смотрели его только Перцов, Лесной и я, а остальные в это время убирали декорации и аппаратуру. Показ проходил нервно и не очень удачно. Александров продемонстрировал пантомимический номер про борца Бамбулу, который «поднимает три венских стула и мокрое полотенце», потом еще что-то, но все это не производило должного впечатления, тем более что пантомима никогда не была его коньком, а юмором Сергей раньше просто не занимался. Не знаю, что было бы дальше, но тут сыграла свою роль интуиция Перцова, его умение видеть «наших» актеров. Ему очень понравились фактура Александрова и его страстное желание работать. И Перцов, как всегда в таких случаях, не ошибся. Сергей очень легко и быстро влился в коллектив театра, нашел в нем, как сейчас говорят, свою нишу. Прежде всего, к нему перешли все женские роли, здесь он оказался вне конкуренции. А как ему удавались образы тупых солдафонов, чинуш и милиционеров! Все свои комплексы и недостатки он так здорово использовал в работе, что они превращались в достоинства и позволяли расцвечивать роли новыми необычными красками. У него появилась масса поклонников, и не только в Минске, его узнавали, дарили цветы. Однажды на гастролях в Евпатории, когда он с блеском несколько вечеров подряд выступил в женских ролях, к нему пришла делегация местных гомосексуалистов и пригласила на свою «тусовку». Он поблагодарил за приглашение, но, конечно, не пошел, что не избавило его, разумеется, от нашего подтрунивания.

В той же Евпатории Сергей попал в еще одну забавную историю.

Как-то мы стояли возле гостиницы и ждали наш автобус, который должен был отвезти нас в другой город Крыма. Рядом крутился маленький мальчик лет девяти-десяти. Вел он себя отвратительно: лез в наши сумки, говорил гадости, дергал за одежду, корчил рожи и даже швырял в нас камни. Чтобы вы

могли себе его лучше представить, вспомните героя рассказа О'Генри «Вождь краснокожих» — тот был намного лучше. Проказник довел всех до такого состояния, что один из наших музыкантов, Леонид Клунный, не выдержал и дернул его за ухо. Мальчуган сразу заорал так, будто его убивают. На крик из окна выглянула его мать. Надо отдать ей должное, она самокритично относилась к результатам своей воспитательной деятельности, поэтому встала на нашу сторону и громко начала ругать сына. Он моментально замолчал и покорно слушал ее нотации, ковыряясь в носу. А в это время к нам подошел Сергей Александров, отлучавшийся в ближайшую пивную, чтобы выпить на дорогу бокал понравившегося ему дряннейшего евпаторийского пива. Всей предыстории инцидента он не знал, застал лишь монолог матери, поэтому, дослушав его до конца, Сергей, воодушевленный переливавшимся в животе пивом, назидательно сказал женщине:

— А вот в Японии не только не ругают детей, им даже никогда не говорят слова «нельзя». И, представьте себе, из них вырастают прекрасные люди.

Опешив, мать мальчика уставилась на Александрова удивленными глазами, не зная, что и ответить, зато сын ее, ни слова не говоря, подошел к Сергею и изо всех сил ударил ногой Александрова под зад. Настал черед удивляться Александрову. Пока он приходил в себя, мальчишка успел врезать ему еще раз. Ситуация была настолько комичной, что мы не смогли удержаться от хохота. Все благодушие и желание смотреть на жизнь по-философски из Сергея мгновенно выветрились, и он, преодолев действие пива и забыв свои педагогические теории, с упоением отодрал обидчика за оба уха.

Сергей, как вы уже поняли, очень любил янтарный напиток — пиво, он часто заходил в пивные, там его узнавали и почти всегда пропускали без очереди. Чтобы понять, откуда у него это пристрастие, нужно вернуться на много лет назад, во времена появления Сергея на свет. Отец его работал районным прокурором, по должности обязан был быть атеистом, поэтому не мог, даже если бы и пожелал, крестить своего сына, разве что, пожертвовав должностью. Мать же Сергея высоких постов не занимала, воспитана была в патриархальном духе и очень хотела окрестить ребенка. Дождавшись, когда муж уехал в командировку, она пригласила в дом попа. В тот день крестили нескольких детей, поэтому поп пришел к Александровым, побывав уже в нескольких домах, где его хорошо попотчевали, и был в достаточно «приподнятом» настроении. Он взял Сергея, сделал и сказал все необходимое и окунул малыша в заранее

приготовленную бочку. Но бочек-то в комнате стояло две: одна — с водой, а вторая — с пивом, сваренным за день до этого. Сергей так орал, что поп, пытаясь от него побыстрее отделаться, не посмотрел, в какую из бочек он окунает ребенка. А это (не знаю, к счастью или на беду) оказалась бочка с пивом. Вытащив Сергея, поп по запаху понял, что — не из воды, и окунул его еще раз, теперь уже в другую бочку. Но первой все-таки была бочка с пивом, поэтому, видимо, Александров и предпочитал с тех пор всем напиткам пиво. Он легко обходился без водки и вина, но без пива прожить мог не более десяти часов. Много ему было не надо, самое большее — бутылка, но зато после нее Сергей приходил в благодушное настроение, у него развязывался язык и резко активизировалась мыслительная деятельность. Думаю, если бы он только захотел, то мог бы сделать неплохую карьеру в Партии любителей пива.

Характер у Сергея был достаточно сильный, у него обо всем было свое мнение, которое он часто очень страстно отстаивал. В нем довольно крепки белорусские корни, он гордился тем, что в свое время его качал на руках сам Якуб Колас, но, как нам удалось выяснить, недолго, потому что Сергей обмочил великого поэта, и тот вынужден был передать будущего великого артиста его матери. Александров любил белорусскую культуру, интересовался и гордился ею и своей причастностью к ней, с ним интересно было говорить на такие темы, хотя подобные разговоры часто переходили в яростные споры, так как Сергей максималист и не принимал в этих вопросах никакой критики и компромиссов. Кстати, спорить с ним на любые темы было бессмысленно, он все равно выходил победителем, другого он себе позволить не мог. Это присуще всем маленьким мужчинам. Его очень трудно было чем-либо удивить. Когда Сергей впервые в жизни попал за границу, и не в какую-нибудь Польшу или Болгарию, а сразу в настоящую заграницу — в Голландию, где мы были на гастролях, то ходил по улицам и магазинам с таким видом, будто приехал в соседнюю деревню и все это уже тысячу раз видел. Никакие прелести западной жизни не смогли его восхитить или совратить. Правда, на этот раз ларчик открывался довольно просто: у него в кармане было всего 24 доллара, а с такой суммой в магазинах и других соблазняющих заведениях делать было нечего и только оставалось, что бродить с независимым видом по улицам.

В спектакле «Третьим будешь?» проявилось еще одно качество Александрова — он оказался удивительно пластичным. По ходу спектакля Сергею нужно было исполнить партию Ленина в па-де-де из балета «Тучи над Свислочью», и он справился с ней

великолепно. Па, которые он выделывал, казались просто невероятными при его комплекции и были по достоинству оценены благодарными зрителями. Ну, представьте себе танцующего Ленина в лосинах…

Сергей всегда был очень начитан, часто поражал нас своей эрудицией, сочинял стихи, и они у него, особенно детские, получались очень неплохо, некоторые были даже опубликованы. Писал наш доморощенный поэт, как и советовали классики, только о том, что хорошо знал и что его волновало. Вот один из образчиков творчества Сергея (разумеется, для взрослых):

Если б водки не пить
Ну, хотя б один день,
Это сколько б свершить
Можно было бы дел.
Я бы мог бы тогда
Наколбасить стихи
Про буянство и дикость
Природных стихий.
Или взять и письмо накорябать родне…
(Если помнят, конечно, еще обо мне),
Или просто газеткою скрасить досуг,
Или взять и отмыть от нагара утюг.
В общем, честно скажу:
Я гадать не берусь,
Но прославил бы я
Чем-нибудь Беларусь.
Это ж сколько свершениев
Можно свершить,
Если водки
Хотя бы до ночи не пить!

Что еще привлекало в Сергее Александрове — это его незащищенность. При всей его кажущейся боевитости, гордости и неприступности он — человек очень легкоранимый и был не приспособлен, как, впрочем, и почти все наши артисты, к нынешней суровой, порой даже жестокой жизни, требующей от человека хватки и умения побороться за себя. Приведу лишь один пример, который многим дал повод обозвать Сергея «растяпой», хотя это еще с какой стороны посмотреть. У него в Борисове жила в трехкомнатной квартире теща. Когда она умерла, умные люди стали советовать Сергею дать кому надо «в лапу», не говорить, что тещи нет в живых, сказать, что просто потерялся паспорт, и попытаться прописаться в квартире самому, иначе она пропадет

для него. Но Сергей сделать этого не смог, точнее не захотел, пошел в ЖЭС и сказал, что больше за квартиру платить не будет, так как там никто не живет. В результате, когда он через неделю приехал за вещами, в квартире уже жили новые люди, которые вырвали старые замки и вставили свои. Спасибо еще, что хоть вещи отдали.

В своем доме на улице Бирюзовой, в малюсенькой полуторной квартирке, Сергей создал особый мир, в котором он чувствовал себя, как рыба в воде, он там главенствовал и уверенно вел за собой остальных членов семьи. Сергей не боялся никакой грязной работы ни дома, ни в театре. Когда у нас не было костюмера, Сергей собирал у всех рубашки и костюмы, гладил их (стирали мы сами), пришивал пуговицы и даже чинил.

Была еще одна привлекательная слабость у Сергея Георгиевича — он очень любил делать подарки. Жильцы подъезда, в котором он жил, получали от него подарки почти ко всем праздникам, о которых у нас слышали: День Парижской коммуны, День физкультурника, Новый год по лунному календарю, по старому стилю (не говоря уже об официально признанном), Купалье и многие другие как светские, так и церковные. Понятно, что это заставляло его влезать в долги, из которых он выкарабкивался, делая новые, и так у него происходило постоянно. Но отказаться от своей разорительной, но приносящей радость привычки Сергей не мог — такая уж у него была широкая душа.

Сергей был женат трижды, но, что интересно, каждый раз на одной и той же женщине по имени Люся. Они с Люсей вместе учились, он ухаживал за ней еще в институте. А все разводы у них были «фиктивными», ради улучшения жилищных условий, но в результате из-за феноменальной непрактичности Александровых пользы и выгоды не принесли, и расходы на ЗАГСы оказались напрасными.

Сергей — очень увлекающаяся натура, все его увлечения даже трудно перечислить. Например, он интересовался многими видами лечения, умел, в отличие от других, правильно дышать, вся его семья спала на полу, подстелив лишь легенькие матрасики, а на кровати и на диванах спала их собака Беатриче или гости. Сергей регулярно голодал, ежедневно в любую погоду ходил по часу(!) босиком по улице, в результате чего у него постоянно ноги были в ссадинах, мазуте или порезах от битого стекла. Но он все стоически переносил, оправдывая свою настойчивость тем, что это нужно, мол, для здоровья. И вот так он неделю голодал, терзал себя всевозможными испытаниями, а потом наступало время нашего очередного банкета, на котором

выпивается и съедается огромное количество всякой всячины, и все, завоеванное с таким трудом, шло у него насмарку, после чего начинался новый этап борьбы за здоровье. Кстати, к алкоголю у Александрова отношение было тоже своеобразное. Он точно знал свою норму и никогда ее не превышал. Всегда, когда мы собирались за столом, он наливал себе полстакана водки, выпивал его после первого тоста, просил, чтобы ему больше не наливали, потому что все равно не возьмет в рот ни капли, и слово свое держал. Ограничивая себя в выпивке, Сергей зато не знал меры в разговоре. Где бы мы ни находились, он всегда захватывал слово и больше уже не отдавал его, ни под каким предлогом, даже если за столом находились генералы, министры, депутаты и прочие высокопоставленные лица.

Не следует думать, что жизнь Сергея в «Христофоре» текла все время радостно и бесконфликтно. Всякое бывало. Однажды он даже уходил от нас, но через некоторое время вернулся. Мы не стали лезть в бутылку и приняли его обратно. Почему он уходил? Обиделся, решив, что ему незаслуженно дают слишком много второстепенных ролей. Обида была совершенно необоснованной, при распределении ролей мы учитываем не их величину, а возможности исполнителей, стараемся каждому дать такие роли, в которых он мог бы максимально себя проявить и способствовать общему успеху спектакля. Сергей со временем это понял и уже не представлял своей жизни без «Христофора», ведь только у нас он смог раскрыть свои способности, и его талант засверкал всеми гранями. С другой стороны, и для театра большая удача, что у нас был такой артист.

Конечно же, вы спросите, а почему я все время пишу слово «был». Сережа Александров уже не работает в театре?

Те, кто любит «Христофор» и ходит в него постоянно, давно заметили это. На многих представлениях после окончания программы, когда мы раздаем автографы, нас часто спрашивают:

— А где это ваш маленький с усами? Уже не работает? А почему?…

А потому. Буквально через год после выхода первого издания этой книги Сергей Александров уехал на постоянное место жительства… в Израиль. Если бы меня кто-нибудь попросил назвать наиболее вероятную в нашем театре кандидатуру на такой переезд, Александрова я, если бы и упомянул, то, пожалуй, самым последним, даже после себя. Светловолосый, с усами а-ля Мулявин, «шчыры» белорус, ярый националист, вдруг в течение пары месяцев оформил все необходимые документы и расстался с еще недавно так горячо любимой Радзімай. У нас у всех был самый настоящий шок. Уезжал ведущий артист, на котором

держалось пол репертуара… Никто даже не догадывался об этом его решении. Как потом оказалось, его жена Люся давно об этом думала… Почему Александровы решили ехать именно в Израиль? Всех желающих там, как известно, пока не принимают, но Люся нашла среди своих предков евреев, и это дало право ей, а вместе с ней — и всей семье, поселиться на Земле обетованной.

В ОВИРе с Серегой произошел забавный случай. Вместе с ним в комнату чиновницы, принимающей документы, вошли две пожилые еврейки. Как потом оказалось, по фамилиям Филькинштейн и Роберман. По какой-то причине между ними и чиновницей начался спор, перешедший во взаимные оскорбления. Филькинштейн и Роберман обвиняли служащую в антисемитизме, та их, в русофобии и отсутствии каких-то подписей и печатей, доказывающих национальную принадлежность этих женщин.

— Какие печати?! Я чистокровная Филькинштейн, а я чистокровная Роберман, что вы от нас еще хотите?

— Доказательств, что вы еврейки!..

Бюрократический конфликт плавно переходит в международный, крики и оскорбления уже закладывают уши… и в это время чиновница замечает Серегу.

— Ваша фамилия, — кричит она.

— Александров Сергей Георгиевич.

— Еврей?

— Еще какой!

И чиновница, не глядя в Серегины бумаги, где не было и половины положенных штампов и подписей, назло Филькинштейн и Роберман, ставит ему главную для всех советских евреев печать «Выезд разрешается»…

Судя по первому письму, которое мы от него получили, они были в восторге от того, как их приняли. Вот некоторые выдержки из этого письма:

«Шалом, хаверим товим!» — что в переводе означает: «Гамарджоба, генацвале!» А если это уже забыли: «Мир вам, дорогие друзья!»

Во первых строках своего письма хочу рассказать вам о том, как я расставался с одной известной вам «мусульманской» (по мировой геральдике зеленая полоса на флаге означает приверженность исламу) республикой. Жена, обе дочери и собака улетели, а я остался и, как собака, занялся «соуминам», то есть «соуваннем па Минску», чтобы добавить в паспорт еще две печати, которые мне забыли поставить в ОВИРе и из-за которых наши доблестные пограничники меня развернули и не захотели пускать в самолет…

…Ладно, дело прошлое, поставил я эти печати и через два дня

тоже улетел. Провожали меня так долго и обильно (жены под боком не было), что я даже не помню, как попал в такси, а из него — в самолет. Проснулся только в аэропорту Бен-Гурион. Почти как Мягков в «Иронии судьбы», правда, не зимой и без веника. В Тель-Авиве меня опять затолкали в такси, уже бесплатное, и отвезли к супружнице. Вот так, в 5 утра, я ввалился к Люське весь в свитере и пиджаке, с 12 тысячами белорусских рублей россыпью (наверно, сдача какая-то) и до безобразия протрезвевший. Было 30° тепла, дул «хамсин» (это ветер такой горячий из пустыни), и начиналось пекло…

…Домик мы сняли для начала небольшой, из трех комнат с мебелью, во дворе у нас 4 пальмы, розы, сливы и курятник с настоящими живыми курами. Город, в котором мы поселились, называется Ашкелон, он мне как-то сразу понравился. Белые дома, широкие улицы, школы и детские сады — куда ни плюнь. Рядом море, пальмы и бесконечные песчаные пляжи. Чтобы было совсем похоже на Рио-де-Жанейро, я решил купить себе белые штаны…

…Конечно, страну я пока воспринимаю, как турист, чисто эмоционально, еще нигде не учился и не работал. Денег, которые нам выдают, хватает на все и даже еще остается. Но так будет только первые полгода, потом придется устраиваться на работу. Неквалифицированной работы — пруд пруди, можно хоть сегодня начинать, а чтобы подтвердить диплом и устроиться по специальности, нужно обязательно выучить язык. Без него здесь никуда — это главная проблема для всех приезжих…

…Жратвы здесь навалом, она очень качественная и дешевая. А еще дешевле — водка, но ее почему-то не пьют. Может, из-за жары — сдохнуть можно. И матом не ругается никто, за 21 день ни разу не слышал. С непривычки даже как-то неуютно себя из-за этого чувствуешь.

… Театра в нашем городе еще нет, но строится огромный культурный центр, наподобие «саркофага» на Октябрьской площади. Приезжие артисты выступают во Дворцах культуры (их два), при мне уже были МХАТ Ефремова, Театр на Таганке и Задорнов. Ожидаются театр им. Маяковского, Гребенщиков с «Аквариумом» и, кажется, Виктюк. По телевизору смотрим ОРТ и РТР. БТ нет, но мы его и в Минске не смотрели…

В местные проблемы я пока не очень вник, больше интересуюсь вашими. Об остальном в следующих письмах.

Всегда ваш — Сергей Александров из «Христофора».

Это было его первое и последнее письмо в «Христофор». Потом мы окольными путями узнали, что он в Израиле копал траншеи, таскал кирпичи и строгал доски. Позже кто-то

рассказал, что Серега устроился в какой-то аэропорт таможенником и очень рад этому, так как это государственная должность и ему будет обеспечена приличная пенсия. Правда, на работу ему надо было ездить почти через всю страну, а это несколько часов на автобусе в одну сторону и столько же в другую.

А еще через некоторое время в «Христофор» пришел человек и сообщил страшную весть — Сережа Александров умер. Оказалось, что через год с Люсей они развелись, и он жил один. Что и как получилось, никто не знает, просто Люся как-то решила его навестить, постирать ему что-нибудь, пришла (ключ у нее был), а Серега лежит в своей комнате (как потом выяснилось дня три) уже мертвый…

Вот такие пироги…

Рассказывают, в Большом театре один солист, обладающий от природы большим басом, но имевший серьезные проблемы с музыкальным слухом, никак не мог справиться с песней Варлаама в опере Мусоргского «Борис Годунов». Там между строчками текста звучит семь четвертей оркестровой музыки, буквально так: «Как во городе было во Казани!» (раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь! — играет оркестр), «Грозный царь пировал да веселился!» (оркестр вновь: раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь!), «Он татарей бил нещадно…» ну и так далее. Вот в эти семь четвертей и не мог попасть этот несчастный бас: то раньше начнет, то позже. Дирижер пригрозил: еще раз — и выгонит из спектакля.

Бас побежал к концертмейстеру: помоги, говорит, придумай что-нибудь! Тот поморщился: «Сто раз уже репетировали, какой же ты мудила! Ну ладно, давай так сделаем. Тебе надо про себя пропевать какую-нибудь фразу, которая бы точно укладывалась в эти семь четвертей. Ну, вот хоть эту: «Ка-кой-же-я — му-ди-ла!»».

Стали пробовать: «Как во городе было во Казани! (ка-кой-же-я — му-ди-ла!) Грозный царь пировал да веселился! (ка-кой-же-я — му-ди-ла!) Он татарей…» Классно получилось! Раз десять пропели, и бас, гордый и во всеоружии, отправился на спектакль. Дошел до злополучного номера. Спел первую строчку, пропел про себя неприличную фразу, уверенно начал: «Грозный царь…» — дирижер с бешеными глазами показывает палец: мол, опять вступил на одну четверть раньше. Со следующей фразой тоже самое. Словом, совсем облажался: кончил петь — оркестр еще играет… Уйдя со сцены, с криком: «Убью!» бросился искать концертмейстера. Тот только руками развел: «Ну, ведь десять раз репетировали! Ну, давай еще раз: как ты пел?» «Как во городе было во Казани, — стал загибать пальцы бас, — ка-кой-же-я — му-дак!..»

Шура Вергунов

В один из дней середины сентября 1973 года я сидел в своей комнате общежития, расположенного прямо возле театрального института. Шел сильный дождь, из-за окна доносился равномерный нудный шорох капель да шум проезжавших по улице автомобилей. К этим звукам я уже привык, поэтому спокойно читал книгу, не обращая на них внимания. Вдруг я услышал удивленные выкрики, необычные для такой погоды громкие разговоры и смех.

Высунувшись в форточку, я увидел, что вызвало столь бурную реакцию у толпы, стоявшей на автобусной остановке. По улице шел молодой человек с зонтиком, края которого были не опущены вниз, как обычно, а подняты вверх, образуя воронку, быстро наполнявшуюся водой. Молодой человек с невозмутимым видом выливал воду в сторону, опять поднимал зонтик и продолжал движение. Думаю, не следует объяснять, что он был совершенно мокрый, так как зонтик его в таком виде просто не в состоянии был выполнять свои защитные функции. Таинственный незнакомец открыл дверь нашего общежития и вошел в него. Я, выскочив из комнаты, побежал ему навстречу. Так я впервые встретился с Шурой Вергуновым. Как выяснилось, он в том году поступил в институт на наше актерское отделение, то есть был на курс меня моложе.

Шуру быстро узнал весь институт. Одни называли его оригиналом, другие — весельчаком или проказником, третьи — даже пакостником. Юмор и выходки Вергунова не всем были понятны, некоторые его осуждали, обижались, пытались перевоспитывать, но все было тщетно. Проходило некоторое время, и все узнавали о новой его проделке, которую долго потом обсуждали в институте. Хоть его настоящее имя Александр, а теперь, когда ему пятьдесят два, еще и Александр Леонидович, мы с друзьями звали и зовем его просто Шура, но это новый, необычный тип Шуры, совсем не похожий на известных нам Шуру Балаганова или Шурика из комедий Гайдая. С годами он приучил нас ничему не удивляться, поэтому, услышав о каком-либо невероятном происшествии или чересчур своеобразном розыгрыше, мы только говорили: «Наверняка опять Шурины дела». Несмотря ни на что, долго обижаться на него было невозможно, и многие его даже любили. Человек он честный, принципиальный, очень ответственный и добросовестный, не признающий лжи и необязательности.

Вспоминаю, как его назначили у нас в общежитии старостой

второго этажа. Что такое студенческое общежитие, тому, кто в нем жил, рассказывать не надо, а тому, кто не жил, — бессмысленно, потому что все равно не поверит. Только нужно иметь в виду, что в театральном институте публика минимум в два раза более шумная и неугомонная (иначе бы она сюда не попала), чем в других. В любой час дня и ночи, проходя по коридору общежития, вы за одной дверью могли услышать «шпаги звон», а за другой — «звон бокалов».

И вот Шура с присущей ему энергией решил с этим бороться, но, разумеется, «по-шуриному». Дождавшись, когда шум в комнатах немного стихал, а это бывало обычно где-то к двум-трем часам ночи, он выходил со стулом в коридор и объявлял голосом знаменитого диктора Левитана: «Жители второго этажа! Ваш староста приветствует вас! Послушайте, пожалуйста, чем жила сегодня наша страна!» Потом садился на стул и методично, ровным голосом зачитывал передовую статью из газеты «Правда». Окончив чтение, Шура складывал газету и нежно, но опять громко произносил финальную фразу: «Жители второго этажа, ваш староста желает всем спокойной ночи и сексуальных сновидений!» Перед тем, как лечь самому, Шура выносил радиоточку из своей комнаты, устанавливал ее на максимальную громкость (а после 12 ночи трансляции прекращались) и оставлял в коридоре. В шесть часов утра все просыпались под звуки гимна, сопровождаемые приветствием неутомимого Вергунова: «Жители второго этажа! Ваш староста желает вам доброго утра и счастливого дня!» Нетрудно вообразить, какие проклятия неслись в этот момент в его адрес из-за дверей всех комнат.

Честно говоря, воспитательный эффект от его стараний был практически нулевым. Но Шура не сдавался. Однажды, в последний день сессии, когда были сданы уже все экзамены, общежитие готовилось разъезжаться на каникулы. Спать никто не собирался, народ во всех комнатах намеревался «гудеть» до самого утра. И тогда Шура решился на отчаянный шаг. Он раздобыл где-то длиннющую веревку и в 4 часа утра посвязывал друг с другом ручки на всех дверях. Открыть их из комнат, не развязав или не разорвав веревки, было невозможно. Пожелав после этого всем веселых каникул, Шура отбыл на вокзал. Когда через некоторое время все остальные собрались ехать туда же, оказалось, что Шура поработал на совесть, и двери открываться не хотели. Около часа продолжались бесплодные попытки вырваться из комнат, пока кто-то из смельчаков не догадался вылезть через окно, спуститься по простыне на землю и, войдя в общежитие через входную дверь, развязать Шурины узлы и выпустить «невольников». Разъяренные, они стали метаться по

общежитию, чтобы найти Шуру и убить, но по понятной причине не нашли и разъехались по домам, не обагрив своих рук кровью. После каникул, когда все немного поостыли, желающих «замочить» Шуру уже не было, но кое-что ему все-таки перепало.

В Минск Шура приехал из Монголии, где его отец служил военным советником. Отец там считался далеко не последним человеком, поэтому Шура удостоился чести учиться в одном классе с сыном Южмагийна Цеденбала, первого секретаря правившей тогда в Монголии партии коммунистического типа. Фактически Цеденбал был царем Монголии, так что Шура мог бы при желании прихвастнуть тем, что был одноклассником царского сына. Возможно, любой из нас так бы и сделал, но не Шура. Он оттуда привез более романтическую историю, в которой во всей красе проявилась его любовь к мистификациям. Дело в том, что в лице Шуры, если очень присмотреться, можно найти при желании некоторые азиатские черты. Не знаю, откуда они взялись, возможно, это следствие долгого проживания в монгольских степях, но что-то такое у него есть. Сам Шура тоже об этом знает. Однажды, в минуту особой откровенности, он всем нам рассказал, что по национальности он чалдон, что мол русские в древние века разбили и поработили его народ, живший между рекой Чалкой и Доном в низовьях Волги (???), и что сейчас чалдоны начинают борьбу за восстановление своей государственности и самостоятельности. Хочу отметить, что все это Шура говорил около двадцати лет назад, когда никто даже не предполагал, что будут «парад суверенитетов», развал империи, Чечня и прочие подобные вещи. Мы смотрели на Шуру с восторгом и уважением, нам он казался почти, что итальянским карбонарием. И только потом, много лет спустя, кто-то из нас прочел в словаре Даля, что чалдонами в старину называли бродяг и беглых российских каторжников. Но все это было потом, а тогда Шурина «лапша» висла на наших ушах довольно прочно.

Учился Шура хорошо, но все его проказы били одним концом и по нему, поэтому, когда пришла пора распределения, его направили в провинцию, по-моему, в Бобруйск. Поэтому Шура, уже будучи женатым, сделал себе справку, что он беременный и отправился работать в Минский кукольный театр, очень невысоко тогда котировавшийся среди выпускников. Проработал Вергунов в нем довольно долго, но все-таки вынужден был уйти, потому что, как пишут в заявлениях на развод, «не сошелся характером» с новым главным режиссером, хорошо знакомым ему еще по институту.

Был случай в Шуриной актерской практике, когда он «прославился» на всю республику и даже был «отмечен» особо в

приказе по Белорусской киностудии. А дело было так. Шура участвовал в массовках при съемках фильма «Руины стреляют». Снимали его в 1976 году в Минске, в районе улицы Немига, где тогда сохранился чудом уцелевший во время войны район старых зданий. В один из дней, когда объявили перерыв и предложили пообедать, Шура не сел со всеми вместе за стол, а решил с другом сходить в ближайшее кафе. Улучив минуту, они ускользнули, что не разрешалось, с места съемок и двинулись в город, даже не переодевшись в свои собственные костюмы. А играли-то они эсэсовцев. И вот представьте себе двух шагающих по минским улицам вооруженных автоматами (бутафорскими, но кто об этом знает?!) фашистов, неожиданно появившихся перед вышедшим из-за угла старичком-евреем, приехавшим в первый раз после войны в Минск, чтобы поклониться местам, где погибли почти все его родные, и где он сам перенес столько горя. Будучи весь во власти чувств и воспоминаний, нахлынувших на него при приближении к памятному месту, он, почти столкнувшись с ненавистными «мучителями», от неожиданности потерял сознание и упал на тротуар. Не знаю, что он успел до этого подумать, может быть, что немцы вернулись или что они и не уходили, но в результате на киностудии «Беларусьфильм» был издан приказ, коим строжайше запрещалось выходить артистам в сценических костюмах за пределы съемочных площадок. А Шуру, кроме того, отдельным параграфом в этом приказе, отстранили навсегда от съемок на нашей киностудии, и, таким образом, его кинокарьера оборвалась на самом взлете. По крайней мере, на советский период.

До того как прийти в «Христофор», Александр успел поработать и на радио, где, по-моему, довольно успешно вел передачу для детей «Голубой вагон», и на телевидении, где на 8–м канале у него была своя передача «Ля афішы», в которой он знакомил зрителей с новостями театральной и концертной жизни республики.

У нас он с первого появления на сцене дал понять, что отсиживаться в тени других не собирается. Дебют в «Христофоре» состоялся у Шуры в спектакле «Кавалеры приглашают дамов», где мы все, пока Анатолий Длусский поет свои песни в длинном эффектном черном пальто, выстраиваемся в национальных белорусских костюмах в глубине сцены вдоль задника и дополняем декорации. Перед спектаклем, никому ничего не сказав, Шура пошел в нашу костюмерную, где, как я считал, кроме трех пар брюк и двух рубашек ничего не было, нашел там огромный кусок красной ткани и белую рубашку с жабо и романтическими манжетами и отворотами, подпоясался этой

красной тканью, как венгр или молдаванин, лихо натянул на чуб фуражку типа казачьей, прикрепил к рубашке розочку, распушил свои роскошные усы и в таком виде предстал вместе с нами перед зрителями. Если бы вы еще увидели его изящно отставленную в сторону ножку в красивом лакированном ботинке и загадочную улыбку на лице, то поняли бы, почему он сразу же перехватил у Длусского внимание чуть ли не всего зала. Так артист Александр Вергунов заявил о себе еще и как о мастере эпизода и заслужил в тот вечер у Длусского оценку: «Ну и гусь!»

Шуру в его проказах, бывает, очень сильно заносит, и он теряет при этом чувство меры, чем вредит нередко, прежде всего, себе. Например, любой мужчина даже с минимальным семейным стажем хорошо знает, что жена — не тот человек, с которым можно безнаказанно шутить. Любой, но не Шура. Как-то, когда жена попросила его выбросить мусорное ведро, он вернулся с улицы с пустыми руками.

— А где ведро? — удивилась жена.

— Но ты же сама попросила его выбросить, — сделав невинные глазки, напомнил ей Шура.

Что было потом, мы от него добиться так и не смогли. Но уроки жизни помнит Шура не очень долго. Через некоторое время, когда жена поручила ему посмотреть на плите картошку, он сходил на кухню, но через минуту вернулся обратно в комнату к телевизору. Вскоре в доме запахло гарью. Жена бросилась на кухню, выключила газ и стала отчитывать Шуру. Он пытался ей доказать в ответ, что ее упреки необоснованны, так как он в точности исполнил поручение и на картошку «посмотрел», но в итоге спать ему в тот день пришлось ложиться на пустой желудок.

Бывали случаи, когда Шура страдал, будучи вообще непричастным к происшествию, а только из-за своей репутации. Один раз и я невольно его «подставил». Как-то, сидя в кабинете нашего директора Юрия Лесного, я разговаривал по телефону и машинально рисовал авторучкой на лежавшем передо мной каком-то листке бумаги чертиков, солдатиков и прочую чепуху. Есть у меня такая нехорошая привычка. Окончив разговор, я ушел из кабинета, оставив листок на столе и даже не посмотрев, что на нем было написано до меня. Придя назавтра на работу, я стал свидетелем разноса, который устроил Лесной ничего не понимавшему Вергунову. Оказалось, что кто-то испортил дурацкими рисунками очень важный, присланный нам из какого-то посольства документ, который Лесной должен был куда-то, кажется в ОВИР, нести! Ни секунды не сомневаясь, что это дело рук Шуры, директор наш сразу на него налетел. И только мое чистосердечное раскаяние спасло Вергунова от грозившей ему

суровой расправы, хотя справедливости ради должен признать, что до моего прихода ему уже немало из-за меня досталось.

Шура — очень бескорыстный человек, у него необычайно добрая, отзывчивая душа. Ему всем хочется помочь, везде он находит людей, нуждающихся в его поддержке. Недавно, когда мы ехали на пару дней на выступления в город Рославль Смоленской области, Вергунов пришел к автобусу с огромным багажом. И нам стало очень стыдно, когда, выслушав все наши ехидные замечания, Александр объяснил, что у него в Рославле есть знакомый, у которого четверо детей, и что это им он везет в подарок одежду.

Интересы Вергунова достаточно разнообразны: мало того, что он талантливый артист, так он еще пишет замечательные стихи и прозу, с успехом закончил Московские курсы сценаристов и даже пытался создать свой театр. Последнее, видимо по причине его непрактичности, у Шуры Леонидовича не получилось, и его личный театр не состоялся.

В «Христофоре» Шура остается самим собой и в жизни и на сцене. Однажды перед отпуском мы играли последний спектакль. Такие спектакли на закрытиях сезона в театрах называют почему-то зелеными. Артистам почти официально разрешается баловаться, и начальство смотрит на эти приколы сквозь пальцы. Самое главное условие перед этим — чтоб зритель ничего не заметил (ведь бывают же в театрах и серьезные спектакли). И хоть наш «Христофор» сам по себе театр прикольный, мы все равно отдавали дань традиции и веселились как могли. Я, как всегда, вел программу и практически не уходил со сцены, играя почти в каждом отрывке. А у Шуры было или три, или четыре выхода за вечер. И вот выходит Шура в первом номере. Все нормально, играем, зритель смеется. Я, конечно, настороже, жду подвоха, но Шура отыгрывает номер и, усмехаясь в свои пышные усы, уходит за кулисы. Через несколько других номеров он опять появляется на сцене и опять ничего… Я понимаю, что он просто усыпляет мою бдительность, и остаюсь в полной боевой готовности. Третий отрывок — и опять ничего. Только усами шевелит, как таракан. И тут до меня доходит — ничего ни придумал на этот раз наш главный разыгрывательщик, вот и осталось только шевелить усами. Слабак. Сыграл я дальше с Володей Воронковым один сатирический номер и объявляю следующий, в котором опять играю с Шурой. Я, по сценарию, сажусь за стол (а играл я врача) и говорю: «Следующий». За спиной раздаются шаги и голос: «Здравствуйте, доктор». Я поворачиваюсь и офигеваю. Передо мной стоит какой-то незнакомый дядька и, подло улыбаясь, смотрит на меня. Из-за кулис видны хитрые морды наших

артистов, наблюдающих за нами… Я понимаю, что это розыгрыш, что они подговорили какого-то артиста выйти вместо Шурки и сыграть со мной отрывок. Ну, думаю, молодец, хлопец, и текст выучил, и мизансцены знает… Тем временем этот мужик садится передо мной и… Шуриным голосом говорит: «Знаете, доктор, а ведь я к вам по делу…» И вдруг до меня доходит, что этот мужик с идиотской рожей и есть Шура, но только без усов!!! Я свалился под стол от хохота и номер мы еле-еле доиграли…

Оказалось, что Шура, пока я играл с Володькой, умудрился мгновенно намылиться и сбрить усы принесенной для этого бритвой, а потом выйти на сцену в образе больного. Узнать его без усов, было действительно практически невозможно. Вот сбрейте Чапаеву усы — узнаете вы Василия Ивановича? А побрейте Карла Маркса…

Но зато голос Шуры Вергунова сегодня знает каждый белорус — и по радио, и по телевизору «крутят» бесконечные рекламные ролики, почти что треть из которых озвучивал наш Шурка. Он в этом деле собаку съел. Недаром, параллельно с «Христофором» он уже несколько лет сотрудничает с радио «Альфа».

Шура уже много лет назад, после нескольких разводов, встретил свою Иришу. Практически вырастил и воспитал, как отец, ее сына Сергея. Своя родная дочь, Катюха, вышла замуж за еврея и уехала в Израиль. Теперь Шурка уже дед. Пару лет назад сын Ириши Сергей, окончивший Военную Академию и послуживший в нашей армии офицером, тоже уехал, но уже в Германию (к своему родному отцу). И теперь Шурка с Иришей сами себе хозяева — работают, отдыхают, путешествуют. Завидно.

Солист Большого театра Артур Эйзен, обладатель роскошного баса и замечательный актер, в свое время был назначен официальным исполнителем песни «Широка страна моя родная!» Песня эта, как известно, после «Гимна Советского Союза» и «Интернационала» была третьей в коммунистической иерархии. Конечно, в другое время ее мог спеть всякий, кто захочет, но на правительственных концертах — только он, Эйзен. За каждое исполнение ему была назначена персональная ставка в 100 (сто!) рублей — по тем временам огромные деньги. Так вот, говорят, что приятель Эйзена, первая скрипка оркестра Большого театра, всякий раз «раскалывал» его одним и тем же образом. «Шир-ро-ка-а стр-ра-на моя р-родна-я — аа!» — выводил Эйзен, и сидящий за его спиной скрипач тут же громко сообщал оркестру: «Пять рублей!» «Много в не-ей лесов, полей и ре-ек!» — продолжал Эйзен, и скрипач тут же ему в спину подсчитывал: «Десять рублей!» Оркестр давился от смеха, но труднее всего было Эйзену: до возгласа «Сто

рублей!» он еле допевал…

Анатолий Длусский

Мы с Анатолием, как и с остальными артистами нынешнего состава «Христофора», учились в одном институте, только Анатолий, в отличие от нас, занимался на кукольном отделении, поэтому вначале мы смотрели на него снисходительно и даже немного свысока, так как наше отделение актеров театра и кино считалось более престижным и котировалось выше. Правда, благодаря своим песням, Анатолий довольно быстро выделился сначала среди своих однокурсников, а потом стал пользоваться популярностью и во всем институте.

После окончания института Анатолий попал по распределению в Государственный театр кукол, но не прижился в нем и долго там не проработал. Его таланту было тесно в этом театре, тем более что главных ролей ему давали очень мало из-за специфического недетского голоса, а выступления в эпизодах или массовках в ролях мышек или зайчиков только ускорили его уход из театра

Потом он работал в Молодежном театре, затем — в Филармонии, после нее — еще в нескольких коллективах до тех пор, пока не встретился с нами во время гастролей по Германии. Мы пробыли там вместе около 10 дней, узнали друг друга поближе, он всем нам очень понравился своим умением держаться, жизнерадостностью, юмором, не говоря уже о песнях, которые нравились всем. В итоге мы с Ю. Лесным предложили Длусскому перейти к нам в «Христофор», и Анатолий, немного поколебавшись, согласился. Думаю, он об этом не жалеет, хотя характер его я бы определил скорее как философский, нежели юмористический. Почти со всеми ролями, которые ему приходилось играть, он справлялся блестяще, не удаются ему только дебилы, тупоголовые чиновники и просто недалекие люди. С таким лицом, как у Анатолия, их играть невозможно. Но я не знаю, можно ли его за это упрекать, не виноват же он, в самом деле, что, в отличие от христофоровцев, родился с умным лицом. Зато все, что он недобирает в юморе, Анатолий с лихвой перекрывает своим песенным даром. Здесь ему равных нет, он пользуется огромным успехом у зрителей, особенно у зрительниц. У нас даже был специальный спектакль «Кавалеры приглашают дамов», написанный Перцовым для Длусского, в нем Анатолий один держал весь вечер зал в напряжении и как актер, и как певец. Песенные вставки Длусского и в другие наши спектакли всегда только облагораживают их и придают им душевно — доверительный тон, что очень нравится зрителям.

Нетипичная внешность Анатолия (в обыденной жизни у нас таких белорусов почти нет) заставляет искать для него, а порой и специально писать редкие роли: иностранца, Пушкина или революционера. Но таких ролей немного, поэтому ему часто приходится играть то, что есть, например, чапаевского ординарца Петьку. И он великолепно его изображает: необычно, но здорово.

Уже разменяв четвертый десяток, Анатолий вдруг увлекся большим теннисом. Считается, что для того чтобы достичь в этой игре приличного уровня, нужно заниматься ею с малолетства, но Анатолий опроверг и это положение. За сравнительно короткий срок он из неопытного новичка превратился в довольно сильного игрока, способного обыграть многих завсегдатаев кортов. Кстати, в 1996 году Анатолий стал чемпионом Минска среди любителей.

А вот совсем невероятная (по мнению тех, кто не знает Анатолия), но вместе с тем совершенно правдивая история. Однажды одна фирма пригласила нас на празднование Нового года. Из приличия руководство фирмы сказало, что от нас ничего не требуется, просто вместе проведем время и посидим за столом, но мы-то отлично понимали, что театр «Христофор» никогда просто так не приглашают, от нас всегда чего-то (и все знают — чего) ждут, тем более эта фирма поддерживала нас, и довольно существенно, материально.

Исходя из всего сказанного, мы решили устроить шуточные соревнования типа «А ну-ка, парни!» с мужчинами фирмы, которых на вечере было почти столько же, сколько и нас. Правда, у них уже на старте было преимущество в виде их женщин-болельщиц, в то время как у нас в театре, как вы знаете, нет ни одной актрисы. Но мы не отчаивались и надеялись на успех, так как тоже имели в запасе кое-какие козыри.

И вот состязания под подбадривающие возгласы женщин начались. Сначала мы тягали с переменным успехом канат, что представляло со стороны довольно веселое зрелище. Можете себе представить две толпы солидных мужиков, мотающихся с натужным сопением по заснеженному двору ресторана. Потом нам удалось незаметно привязать свой конец каната к стоявшему рядом автомобилю и заставить соперников сдаться, но их преданные дамы разоблачили нас, и нам пришлось согласиться на ничью.

Затем были другие конкурсы, после каждого из которых наиболее физически слабые участники просили пощады и переходили в ряды болельщиков, что привело в конце концов к тому, что с нашей стороны борьбу продолжал только, как вы уже догадались, Анатолий Длусский, а с их — водитель-«дальнобойщик» Володя, метра под два ростом, с

необъятной ширины плечами, выглядевший на фоне Анатолия почти как у Дефо — Человек-Гора рядом с лилипутом.

Я, будучи ведущим этого шоу, предложил им посостязаться в отжимании от пола: кто больше отожмется, тот и будет признан победителем и героем вечера. Болельщики Володи поддержали меня одобряющими криками, сам он тоже довольно усмехался, снисходительно поглядывая на Длусского и как бы говоря своим видом: «Я, конечно, все понимаю, но раз уж вы сами этого хотите, то я с себя вину за последствия снимаю».

Надеюсь, читатель понимает, что мое предложение было не случайным. Чтобы посильнее закрутить интригу, я обратился к зрителям еще раз: «Так как из-за явного превосходства одного из соперников исход поединка предрешен, я предлагаю, чтобы не тянуть время, попросить их отжиматься не двумя руками, а — одной». Возражений ни со стороны Володи, предвкушавшего легкую победу, ни со стороны Анатолия, который делал вид, что ему все равно как проигрывать, лишь бы побыстрее, ни со стороны болельщиков, хотя большинство из них, думаю, не оторвало бы, как и я, свое тело от пола одной рукой больше одного раза, не последовало. Володя стал разминать свои огромные ручищи, а Анатолий вдруг (актер есть актер) сделал вид, что он передумал, и начал кричать, что лучше отжиматься двумя руками: так он будет приличнее выглядеть в глазах женщин. А надо сказать, что к тому времени Анатолий успел уже спеть несколько своих песен и явно расположил к себе многих присутствующих на вечере прелестных особ. Но я «не дал» ему воспользоваться их поддержкой, стал упрекать в немужском поведении и настаивать на проведении состязания по уже оговоренным правилам. Большинство болельщиков Володи меня поддержало, и Анатолий, приняв еще более несчастный вид, был «вынужден» сдаться.

Володя лег на пол, упершись в него двумя руками, потом одну оторвал от пола, а второй стал отжиматься. Все хором громко считали: «Раз! Два!.. Десять!.. Пятнадцать!..’ Ценой неимоверных усилий, с жуткой гримасой на лице Володя отжался шестнадцатый раз и больше не смог. Когда он выпрямился, зал приветствовал «победителя» криками, аплодисментами, хлопками открывающихся бутылок шампанского. Володе поднесли бокал, а Анатолий в это время поднял руки и сказал, что он отказывается от борьбы и сдается. На что я опять, подыгрывая ему, стал «стыдить’ его и упрашивать попытаться отжаться хоть один разок, чтобы поддержать честь «Христофора» и не проиграть «всухую». Анатолий с видом идущего на мучительную и позорную казнь человека вышел на середину зала, снял свой пиджачок и сказал:

«Ладно, попробую. Я же ни разу не пробовал, а вдруг получится». Некоторые наиболее сентиментальные зрители пошли за стол, чтобы не быть свидетелями его позора, но многие остались, надеясь насладиться картиной типа «корова на льду».

Анатолий, согнув руки в локтях, поднял их вверх до уровня плеч, на секунду замер, а потом неожиданно упал плашмя, как оловянный солдатик, лицом вниз. Все, особенно женщины, ахнули, а некоторые даже взвизгнули, опасаясь, что он разобьет себе лицо. Но Анатолий в последнее мгновение выставил руки вперед и принял удар на них. Зафиксировав нужное положение, он вытянул одну руку вдоль туловища, а другой начал отжиматься. Раз, два, три… Он делал это в сильном и жестком ритме. Я считал в микрофон: «…десять… двадцать… шестьдесят!» Потом он поменял руку и стал отжиматься второй. Всего Анатолий отжался сто двадцать раз: каждой рукой по шестьдесят. О том, что он на такое способен, знали даже не все христофоровцы. Мы, когда планировали с ним финал вечера, решили сохранить это ради большего эффекта в тайне от всех.

Нужно было видеть в тот момент выражение лица Володи, его болельщиков (а за столами уже не осталось никого — все прибежали смотреть на чудо) и многих наших. Несколько секунд все, ошарашенные, молчали. Потом начался, даже не знаю, как это назвать, не шум, а скорее — стон или рев восторга.

Кстати, не следует думать, что у Анатолия огромные железные мышцы, благодаря которым он и смог победить. Причина, скорее, в том, что он хорошо тренирован и великолепно владеет своим телом.

Победа, а затем спетые еще несколько песен привели к тому, что все присутствующие на вечере женщины уже никого, кроме Анатолия, не замечали, и остаток праздника превратился просто в его бенефис.

Кстати, непревзойденное умение Анатолия фокусировать всеобщее внимание на себе знают все, кто с ним общается. Я тоже не раз испытывал это на своей «шкуре». Например, на банкете по случаю моего 45–летия только первые два тоста еще успели сказать в честь меня, а потом попросили спеть Анатолия — и все забыли, зачем они собрались. Когда под утро мы разъезжались по домам, то многие, по-моему, были уверены, что побывали на дне рождения Длусского.

Аналогичная история произошла в начале 90–х и на приеме, в связи с приездом в Минск Павла Глобы. Собрался весь бомонд, были приглашены министры, депутаты, пришла даже жена Кебича (тогда он еще был самым самым). Предполагалось, что выступят многие известные артисты, но когда Анатолий спел пару своих

песен, его стали просить спеть еще и еще, и в результате он стал «гвоздем» программы, до некоторых участников концерта из-за него очередь просто не дошла, а самого Глобу даже забыли отправить обратно в Москву.

Если говорить о личной жизни Анатолия, то он 17 лет скитался по частным квартирам, будучи прописанным в общежитии филармонии на Белинского, где некогда жил и я, и надежд на получение своей квартиры у него не было. Хотя, при желании, он мог бы найти жену и с квартирой, и с машиной, и с прочими материальными благами. Но Толя — максималист, и он просто искал ту, идеал, который нарисовал в своих мечтах, а на меньшее был не согласен. И даже не искал, а просто ждал, когда она придет. И дождался.

И просто женился он поздновато, но зато теперь у него есть все, о чем только можно мечтать. Жена Вика, двое сыновей Егор и Глеб, свой дом (не квартира, а дом), «Мерседес», множество друзей и поклонников, клипы, диски и многочисленные приглашения. Толя является постоянным членом, по другому и не назовешь, многих белорусских команд — биатлонисты, футболисты, теннисисты считают за честь взять Толю с собой на соревнования в группу поддержки. С нашими спортсменами он побывал и на зимней Олимпиаде в Лейк-Плесиде в США, и на всех Мировых первенствах и чемпионатах.

Родные Анатолия сейчас живут в поселке Руденск Пуховичского района. Когда я однажды приехал к ним в гости, и за стол вместе с Анатолием сели трое его братьев во главе с родителями, то сразу вспомнил фильм «Крестный отец».

Хотя Анатолий родился и вырос в Беларуси, и все его предки в обозримом прошлом тоже были из этих мест, внешностью он отличается от среднестатистического белоруса — и довольно сильно. Это дало нам повод придумать и запустить на радио, телевидении и в газетах «утку» о том, что он, дескать, сын француза и итальянки. Почему на самом деле и он, и его братья такие смуглые и кучерявые, никто не знает, чтобы ответить на этот вопрос, надо забраться в глубь истории, может быть, аж до времен войны с Наполеоном, а то и дальше. По нашей же легенде, родители Анатолия приехали порознь в Беларусь после войны восстанавливать СССР и разрушенное народное хозяйство. Обвиненные в шпионаже, они попали в сталинские лагеря, там познакомились, прошли через все ужасы ГУЛАГа, а, освободившись, поженились и вернулись в полюбившуюся им Беларусь. Все выглядело очень солидно и правдоподобно, и хотя Анатолий в финале легенды уступал величиной состояния графу Монте-Кристо, зато явно превосходил происхождением Эдиту

Пьеху.

Когда слухи об этом дошли до Руденска, бабки, которые знали мать Анатолия с пеленок (она на их глазах родилась и выросла), стали обиженно ее упрекать: «Что же ты, Марья, скрывала от нас, что ты итальянка?» А она долго не могла понять, в чем дело, пока сын ей все не объяснил.

В любом из городов мира, где нам доводилось бывать, Анатолий чувствовал себя, как рыба в воде, легко ориентируясь и быстро находя нужное место. Мы убедились в этом, гуляя с ним и в столице Арабских Эмиратов Дубай, и в Париже, и в Амстердаме. Не знаю, чем это объяснить, возможно, он, как птицы, находит дорогу по сигналам из космоса, но для нас это до сих пор загадка. Не могу удержаться, чтобы не рассказать, как он выручил нас в Амстердаме. Попав в столицу Нидерландов, мы, как настоящие советские мужчины, решили посетить улицу «красных фонарей», на которой расположены знаменитые публичные дома. Долго проплутав по городу, мы вышли, куда хотели, но после посещения этого злачного места потеряли не только головы, но и ориентировку на местности. Мы даже не представляли, в какой стороне находится наш автобус, каждый указывал свое направление, не совпадавшее с другими. Кто-то робко предложил обратиться в полицию, кто-то — взять такси, но последнее было страшнее не только полиции, но и тюрьмы, так как за такси, сами понимаете, нужно было платить. Анатолий уверенно сказал: «Идите за мной», — и повел нас, как Данко. Мы пытались сначала как-то оспаривать выбранный им маршрут, но скоро, подавленные его уверенностью, замолчали и только старались не отставать. И он нас вывел! Мы пришли ровно за пять минут до отправления автобуса, когда уже начиналась паника и высказывались предположения одно страшнее другого: нас похитили, убили, мы стали жертвами какой-то жуткой провокации или, что было самое страшное — решили остаться…

В декабре 1994 года одна совместная арабско-белорусская туристическая фирма предложила нам слетать в Объединенные Арабские Эмираты и выступить там, в Новогоднюю ночь перед туристами из стран, входивших ранее в СССР. В качестве платы за работу нам любезно предложили «поехать в Тулу со своим самоваром», то есть взять бесплатно с собой жен. Мы все воспользовались этой возможностью, даже тогда хронический холостяк Длусский пригласил в поездку одну из последних своих подруг.

О том, как нас встретил Дубаи, столица ОАЭ, можно

написать отдельную и достаточно грустную байку, но никакие временные трудности и неприятности не смогли испортить нашего праздничного настроения. Ведь в случае успеха, а в этом никто из нас ничуть не сомневался (слава Богу, столько лет на сцене), мы получали возможность регулярно «на халяву» отдыхать на райских пляжах Персидского залива да еще привозить оттуда очень неплохие деньги.

Эмираты встретили нас традиционной предновогодней погодой — 30° жары в тени. Несколько дней мы, как спортсмены для акклиматизации, понежились в небольшой, но роскошной гостинице «Карлтон» на берегу моря, а потом нас повезли в огромную 25–этажную гостиницу, на крыше которой и должно было состояться выступление. Основную часть крыши занимал бассейн, по бокам которого располагались столики для зрителей, огромные «шведские» столы со всевозможными закусками и безалкогольными напитками (алкоголь шариатом строжайше запрещен) и площадка для артистов. Аппаратура, которую нам предоставили для выступления, по местным понятиям была, как нам сказали, самой обычной, но в СНГ мы такую видели только в импортных каталогах, у нас подобную роскошь позволить себе может разве что молодая чета Киркоровых.

Начать праздничную программу должен был я в роли Деда Мороза. Опыт у меня огромный, я в этой роли выступаю еще со студенческих лет, она и тогда меня очень неплохо кормила, бывало, за одно выступление получал сумасшедшие деньги — рублей по 25. Можете прикинуть, сколько удавалось иногда «намораживать» за всю новогоднюю кампанию.

Нас предупредили, что многие туристы будут с детьми, поэтому мы выбрали такую тактику проведения праздника: сначала я ублажаю детишек, чем одновременно, располагаю к себе и их родителей, а потом всем составом «Христофора» мы наваливаемся на взрослых и доводим операцию до полной и окончательной победы. Снегурочки в нашем мужском театре не было, но мы решили, что это не такой уж страшный недостаток, тем более что на Западе, например, Санта Клаус вообще всегда управляется в одиночку.

У арабов иное, не такое, как у нас, летосчисление, Новый год они отмечают совсем в другое время, но к нашему мероприятию в гостинице отнеслись с большим вниманием и уважением. Дело в том, что после нефти туризм является второй по уровню доходов отраслью экономики страны, поэтому ради привлечения туристов делается все возможное и невозможное, приезжим порой прощают даже то, что местным могло бы стоить жизни, например, преклонение перед Бахусом.

Примерно за час до наступления Нового года появились руководители туристической фирмы: и белорусы, и арабы. Они сели вместе за один столик, и наши, показывая на нас и поднимая вверх большой палец, рассказывали арабам, какое всех туристов ждет этой ночью шикарное развлечение, что это новый ход в туристическом бизнесе, и как умно поступили арабы, что согласились пригласить нас, тем более что мы обошлись очень дешево, практически даром, а пользу можем принести колоссальную. Арабы согласно кивали головами, приготовившись увидеть нечто невероятное и потрясающее.

Мы, слушая все это, стали даже расти в своих глазах и высказывать опасения по поводу прочности отеля: сможет ли он выдержать бурную реакцию зрителей на наше выступление?

И вот, наконец, примерно в половине двенадцатого шумной толпой ввалилась группа наших туристов. Их было человек шестьдесят-семьдесят, и детей, в самом деле, они привели довольно много. Едва все расселись по местам, я облачился быстренько в приготовленный заранее костюм Деда Мороза, включил фонограмму нашего новогоднего гимна «В лесу родилась елочка…» и двинулся к детям, которые под присмотром нескольких воспитательниц и мам расположились за отдельным столом. При виде меня ребятишки, хотя им, наверняка, родители говорили, что будет добрый дедушка Мороз, от удивления раскрыли ротики. Я нараспев начал:

— Здравствуйте, Пети, здравствуйте Вали,
Здравствуйте, все, кто сидит в этом зале.
А меня-то вы узнали?
Седовлас и красный нос.
Кто я, дети?

Этот вопрос я задавал детям уже, наверно, сотни раз, и они всегда дружно отвечали мне: «Дед Мороз!» Но здесь, впервые в жизни, произошла осечка. Дети, округлив глазки, испуганно смотрели на меня и молчали. Я рассказал еще одно четверостишие, в котором нужно было подобрать рифму к слову «фигурка». Но и на этот раз никто не выдавил из себя ни звука. Я понял, что что-то здесь не то, но что — никак не мог сообразить. Наклонившись к одному из мальчиков, я сказал:

— Ты, наверно, хочешь рассказать всем стихотворение? Молодец! А Дед Мороз даст тебе за это подарок. Как тебя зовут?

Мальчик как-то странно на меня посмотрел, потом повернулся, видимо к своей маме, и произнес фразу… на непонятном мне языке.

Вот тут-то до меня и дошло! Передо мной сидели дети литовских туристов!

Для арабов что литовец, что белорус, что украинец — это все русские, поэтому они и пригласили нас для выступления перед группой туристов из Литвы. Трудно обвинять в чем-то арабов и требовать от них знания всех тонкостей политики стран, возникших на постсоветском пространстве. Не знали они, разумеется, и того, что литовцы, добившись своего и освободившись от «оккупации», ускоренными темпами стали открещиваться от всего русского, в том числе и от языка. Литовские дети, выросшие в независимой Литве, уже не учили русский язык ни в детском саду, ни в школе, поэтому его не знали.

Их родители, воспитывавшиеся при советской власти, конечно же, по-русски понимали, но принципиально не хотели в этом признаваться. Поэтому в этот трагический вечер театр «Христофор» добился не больших успехов, чем Дед Мороз. Ни одна наша реплика, ни одна реприза, ни один анекдот — ничто не нашло отклика в зале. Зрители разговаривали между собой, некоторые даже повернулись к нам спиной, пили привезенное из дома шампанское, произносили тосты, чокались и делали вид, что все происходящее на сцене к ним отношения не имело…

Такой пытки мы не испытывали никогда. Надо было видеть изумленные лица арабских организаторов этого шоу. Они, конечно, не понимали наших шуток, но, глядя на то, как мы корячимся на сцене перед явно безразличным залом, вряд ли думали, что в России так необычно принято реагировать на выступление прославленного (как им сказали) коллектива и в такой форме выражать свое веселье.

Отработав запланированную программу до конца, мы под аплодисменты своих жен сели за их столик, достали из сумок припасенные заранее бутылки и выпили за Новый год. Конечно, нам было не до веселья, пили мы с горя, зло и раздраженно.

Финал у этой грустной истории все-таки оказался веселым, мы даже считаем — победным для нас. Где-то к трем часам ночи солидные запасы спиртного, привезенного и нами, и литовцами, из бутылок попали по назначению. Алкоголь сделал свое дело, были забыты и неудачи, и взаимные обиды — и все, находящиеся в то время на крыше, обнявшись, дружно горланили знакомые с детства песни советских композиторов. А к четырем часам вся публика — и взрослые, и дети — весело бултыхалась в бассейне, не посчитав нужным снять с себя не только водонепроницаемые часы, но и все остальное, в чем пришла на праздник…

Юрий Лесной

Юрий был одним из первых, с кем я познакомился, а потом и сдружился, став работать в театре им. Я. Купалы. Приобщение к сцене у него началось едва ли не с первых дней жизни, потому что рос он в актерской семье. Отец Юрия работал директором Херсонского драматического театра, а мать — актрисой этого же театра. Отец, разумеется, тоже не сразу стал директором, долгое время он сам с успехом выступал на сценах многих театров Украины. Все это предопределило судьбу как Юрия, так и его младшего брата Сергея. Имея за плечами большой список исполненных им ролей детей всех возрастов, начиная с младенческого, Юрий поступил в Белорусский театрально-художественный институт, окончил его и был направлен на работу в театр им. Я. Купалы.

Начало у Юрия было очень интересным и многообещающим. Почти в это же время в театр пришел главным режиссером и Валерий Раевский. Он сразу заметил талантливого актера и еще нескольких таких же способных молодых ребят, среди которых были Сергей Кравченко, Анатолий Мазловский, Александр Владомирский и Фома Воронецкий. Это было поколение актеров, пришедших в театр в начале 70–х годов. Раевский был ненамного старше их, все они стали единомышленниками, вместе строили планы создания нового театра, отказа от всего старого, закостенелого и отжившего. Они любили собираться вечерами в свободное от репетиций и выступлений время и обсуждать театральные дела. Во время таких бесед, часто переходящих в яростные споры, выдвигались идеи одна смелее другой, многие из которых гут же отвергались, но были и такие, которые находили поддержку у актеров и режиссера. Однако почти ничего из того, что предлагалось, претворить в жизнь им было не суждено. Чтобы понять, почему так случилось, нужно вспомнить, какое это было время. Купаловский театр считался «придворным», начальство им было довольно, а это являлось главным критерием оценки деятельности театрального руководства, не желавшего рисковать своим благополучием и что-либо изменять без указаний сверху. На купаловской сцене тогда блистали замечательные артисты среднего поколения: Гарбук, Овсянников, Милованов, Тарасов, Макарова, Захаревич и другие. Они были в самом расцвете сил, им (и заслуженно) доставались все главные роли, артистам же поколения Юрия Лесного, шедшего вслед за ними, доставались в основном роли менее заметные, поэтому практически никто из них не смог добиться ведущего положения в театре. Время шло,

труппа пополнялась молодыми актерами, моими сверстниками, среди которых наиболее заметными были Лена Иванникова, Геннадий Давыдько, Александр Лабуш, Александр Гаруцев, Виктор Манаев. Все молодежные роли понемногу переходили к нам, а на роли зрелых героев, которых было большинство среди наиболее престижных, Лесной и его друзья все еще претендовать не могли. В редких выпадавших им больших ролях играли они очень хорошо, это отмечали и зрители, и критики, но львиная доля таких ролей уходила по-прежнему к более маститым их старшим товарищам. Не хочу сказать, что судьба этих молодых артистов сложилась совсем уж трагически, случались у них и удачные периоды, например, Юрий Лесной великолепно выступал в «Трибунале» Макаенка, «Протоколе одного заседания» и «Мы, нижеподписавшиеся…» Гельмана, в «Буре» Шекспира, во многих сказках, но то, о чем они мечтали и чего наверняка заслуживали, получить не смогли.

Долгие годы Юрию пришлось играть роль Кая в спектакле по сказке Андерсена «Снежная королева». По-моему, длилось это не менее восьми лет, Лесному уже было далеко за тридцать, а он все еще продолжал выступать в роли мальчика. У руководства театра все никак не доходили руки, чтобы ввести на эту роль молодого исполнителя. Герду, кстати, играла хоть и прекрасная актриса Светлана Некипелова, но тоже в возрасте. Они только вдвоем в театре, видимо, и пользовались гримом, потому что все остальные от него давно отказались сначала от лени, а потом еще и оттого, что многих компонентов просто не достать или они чудовищно дорогие. Но как Света и Юра ни накладывали на себя «молодящий» грим, все равно к концу дня сквозь него проступали и усталость, и морщины, и другие следы прожитых лет, ведь часто играть приходилось, особенно во время школьных каникул, по два-три спектакля в день. И Юрий, и Светлана отлично все это знали и понимали, но из-за отсутствия смены вынуждены были терпеть и добросовестно исполняли свой актерский долг. Не знаю, сколько бы это еще продолжалось, но однажды, когда мальчик Кай на сцене долго никак не мог отыскать спрятавшуюся Герду, сидевшие в зале зрители, а дети всегда ведут себя очень непосредственно, решили ему помочь и хором закричали: «Дядя Кай, дядя Кай! Туда идите, ваша мама Герда там!»

Этого не смог выдержать даже такой фантастически терпеливый человек, как Юрий Лесной. А уж о Свете и говорить было нечего. В тот же вечер они положили на стол директора театра заявление с требованием немедленно снять их с роли Кая и Герды.

Все это, естественно, сказывалось на настроении актера и на постоянно растущем чувстве неудовлетворенности. Видимо, этим же объясняется и то, что Лесной контактировал больше с молодыми актерами, нежели с теми, кто был существенно старше него.

Помогло нашему сближению и совместное многолетнее мыкание по разным инстанциям в надежде получить квартиры. Особенно мне запомнилась финальная сцена этой, как мне временами казалось, бесконечной эпопеи. Побывав практически во всех кабинетах, где могли решить наш вопрос, выслушав массу сочувственных слов и обещаний, ни одно из которых не было выполнено, мы благодаря протекции Раевского в 1985 году попали на прием к заместителю Председателя Совета Министров Н. Снежковой. Нас было трое таких горемык: Юрий Лесной, Николай Кириченко, артист нашего театра, и я. В кабинете мы с улыбкой были встречены добродушной, обаятельной и очень приветливой женщиной. Слегка седоватая, с неброским макияжем, одетая, как и подобает номенклатурному работнику, в строгий костюм, она любезно предложила нам сесть и начала беседу. Ей, разумеется, уже доложили, кто мы и откуда, поэтому разговор с подачи Снежковой пошел о театре. Она проявила довольно большие познания в этом деле, хорошо знала, как оказалось, не только о театральных новинках у нас в Беларуси, но и в Москве, и Ленинграде. Ребята по мере сил поддерживали разговор, только я сидел молча и недоумевал, уже все приличия были соблюдены и пора было переходить к делу, ради которого мы, собственно, и пришли. Нас ведь предупредили, что нам отведено на все про все двадцать минут, прошло уже больше десяти из них, а мы все «решаем» театральные проблемы, а не свои. И когда до конца отведенного нам срока оставались считанные минуты, Снежкова вдруг спросила:

— Ну, а по какому вопросу вы ко мне пришли?

Я, не дав никому открыть рта, буквально заверещал:

— Квартиры… квартиры… квартиры.

Лесной остановил меня и подробно и обстоятельно рассказал о нашем квартирном положении, о котором она, думаю, знала и так, иначе бы просто не пригласила. Выслушав Лесного, Снежкова по селектору вызвала какого-то своего работника и попросила его навести справки, в самом ли деле у нас так плохо с жильем. Пока он несколько минут куда-то, видимо, звонил, мы еще немного успели поговорить о театре. Наш разговор перебил сигнал селектора, и чей-то голос из него бесстрастно сообщил: «Положение в театре им. Я. Купалы с квартирами нормальное,

никаких просьб оттуда не поступало». Откуда пришла такая информация, мы не знали, но она полностью противоречила заверениям руководства нашего театра о том, что с просьбами о выделении нам квартир оно обращалось во все самые высокие инстанции. Снежкова очень удивилась неожиданному повороту дела, мы ведь перед этим рассказали ей совсем о другом, но не приняла никакого решения, а сказала:

– Хорошо, мы посмотрим.

Как я потом узнал, у чиновников такого высокого ранга вообще не принято было обещать что-то конкретное.

Ребята встали и направились к выходу. Я начал пытаться выяснять, что же будет с нашими квартирами, но Лесной не дал мне этого сделать, буквально силой вытолкав за дверь. Сделать это было нелегко, потому что я упирался изо всех сил, цеплялся за мебель и норовил вернуться, чтобы добиться от Снежковой хоть какого-нибудь обещания. Кириченко помог Лесному — и мы все оказались в приемной, а потом и на улице.

– Чего ты рыпаешься? — успокаивал меня Лесной по дороге домой. — Дело закрутилось, значит, все будет в порядке.

Он был намного опытнее и практичнее меня и лучше знал, как делаются дела на министерской «кухне'.

Меня-то он подбадривал, но чувствовалось, что сам тоже очень опасается за благоприятный итог нашего похода; особенно нас озадачило сообщение по селектору. К счастью, напряженный период ожидания длился не более недели, и вскоре в театр пришло сообщение, что нам выделены три квартиры. Все они были в одном доме на улице Заславской, только на разных этажах и в разных подъездах. Мы бросили жребий, который определил, что мы с Лесным будем жить на одиннадцатом этаже, а Кириченко — на четвертом.

Став соседями, мы с Юрием в течение нескольких лет вместе ходили на работу и с нее. Во время этих переходов мы, естественно, не молчали, беседовали, узнавали все больше и больше друг о друге, притирались характерами и в результате пришли к выводу, что с удовольствием всегда бы работали рядом. Это не означает, разумеется, что в наших взаимоотношениях полная идиллия, мы во многом не схожи, а характеры у нас вообще совершенно разные. Юрий более принципиален и жесток, он труднее идет на компромиссы и уступки. Вспоминаю, как однажды на гастролях в Лиде мы с ним отстали от театра и вынуждены были возвращаться в Минск сами. В поисках попутной машины я пошел к организаторам праздника, на котором мы перед этим выступали, и рассказал о наших проблемах.

– Не волнуйтесь, — обнадежили меня, — через пару часов

едут в Минск самые «крутые» наши рэкетиры, которые держат в руках весь город. Машина у них — что надо, они мигом домчат вас до столицы.

Обрадованный, я пришел в гостиницу и рассказал Лесному, как нам повезло. Но он, на удивление, мою радость не разделил, а сказал, что поедет на автобусе.

— Почему? — спросил я.

— Ни с какими бандитами и рэкетирами я не только не поеду вместе, а вообще не хочу знаться, — резко ответил Лесной, после чего всякие уговоры уже были бессмысленными, и мы добирались домой на рейсовом автобусе.

Когда в театре им. Я. Купалы стали организовываться капустники и юморины, тон в которых задавала молодежь, как-то само собой получилось, что к нам примкнул и Юрий Лесной. Организаторами подобных мероприятий в итоге стали Геннадий Давыдько, Юрий Лесной и я, образовав постоянно действующую инициативную группу. И когда в Минске появился Владимир Перцов, в нас он нашел самых горячих сторонников своих идей.

Первая программа, созданная нами совместно, была рассчитана на трех исполнителей. Вел ее сам Перцов, а все номера, ставшие для «Христофора» почти классикой («Хрюша», «Космонавты», «Хирургия» и другие) исполняли мы втроем в разных сочетаниях. Правда, распределение ролей было неравномерным. Основные, ударные сценки исполняли мы с Лесным, Гене Давыдько же досталась значительно меньшая их часть. Что-то у него не заладилось с Перцовым, возможно, они не сошлись в творческих взглядах и пристрастиях (Гена сам пишет неплохие юмористические рассказы и даже был победителем Республиканской юморины в этой номинации), а может, причина была в чем-то другом, но с тех пор начался постепенный отход Геннадия Давыдько от нашей группы.

Оставшись вдвоем с Лесным, мы, теперь уже как юмористы, съездили несколько раз на гастроли, в том числе и в Германию (в ГСВГ), что вселило в нас еще большую уверенность в правильности вновь избранного пути. В дороге, в гостиницах, на репетициях и выступлениях мы провели столько времени вместе, что нас по праву можно было бы сравнить с заключенными, сидевшими в одной камере и ставшими друзьями после отбытия срока наказания. Думаю, что по одиночке мы не осмелились бы порвать «пуповину», связывавшую нас с театром им. Я. Купалы, и перейти в «Христофор», но вера в нашу дружбу придала каждому из нас сил, и мы решились на этот рискованный шаг. Ушли вдвоем (Геннадий Давыдько остался в купаловском театре. Сейчас он уже депутат белорусского Парламента, до этого он, кроме

актерской профессии, поработал даже директором театра Я. Купалы и кто знает, дошел бы он до этих высот, оставшись в «Христофоре»… Вряд ли).

Выручила нас дружба и в тот трудный для «Христофора» период, когда его бросил Владимир Перцов. На Перцове держалось многое в «Христофоре», он был его стержнем. С уходом Перцова этого стержня не стало, и заменить его пришлось нам с Лесным. Я взял на себя обязанности главного режиссера, а Юрий, еще раньше, — директора театра. Каждый из нас взялся за дело, которым прежде практически не занимался, нам все пришлось осваивать заново и на ходу, потому что театр продолжал функционировать и закрывать его даже на время мы не хотели. Обязанности директора оказались настолько обширными и потребовали от Лесного столько времени и сил, что он физически не мог совмещать их с игрой на сцене. Нужно было выбирать что-то одно. И тут вновь проявился характер Юрия. Решив, что для театра он важнее как директор, Лесной передал свои роли другим артистам и с головой окунулся в административные дела. Он перечитал массу специальной литературы, консультировался с авторитетными в этой области людьми и даже собирался ехать в Москву на открывшиеся при ГИТИСе курсы менеджеров, но не смог, так как не на кого было оставить театр. Привычка все делать обстоятельно, качественно и надежно не позволяет ему «халтурить» и заставляет приходить на работу даже во время болезни. Это не значит, что он полностью отошел от творческих дел. Любовь к театру у него в крови, Юрий всегда участвует в обсуждении наших выступлений, часто выходит в зал и смотрит их оттуда, иногда снимает видеокамерой, чтобы помочь нам увидеть себя со стороны. Он очень тонко чувствует юмор и при всей его кажущейся внешней суровости эмоционален и открыт душой. Мы любим проверять на нем свои новые репризы и идеи. Реакция Лесного сразу видна на его лице, он не умеет ее скрывать, и по ней можно легко сделать вывод, как отнесется к той или иной шутке зритель. Способ надежный и многократно проверенный, мы доверяем ему больше всего, зная, что в вопросах творческих Лесной очень щепетилен, бескомпромиссен и никогда не станет кривить душой.

Когда его родной брат Сергей остался без работы и «пробовался» в «Христофоре», выяснилось, что, будучи великолепным драматическим актером и обладая, как и Юрий, очень привлекательной внешностью, он не вполне соответствует тем специфическим требованиям, которые предъявляются к артисту юмористического театра. И Юрий не стал, при всей его любви к брату, давить на нас, пользоваться своей должностью, а

мужественно признал, что наша оценка была объективной.

Никита Богословский в молодые годы славился по Москве своими розыгрышами, остроумными и весьма злыми. Как-то работали они в провинции с композитором Сигизмундом Кацем так называемую «вертушку». А это вот что такое: берутся в городе два Дворца культуры, в одном первое отделение работает Богословский, в другом Кац, в антракте их на машинах перебрасывают навстречу друг другу, второе отделение работают «наоборот». Простая схема, позволявшая за один вечер заработать каждому за два концерта! Так вот, однажды Богословский, за время совместных гастролей хорошо выучивший программу товарища, вышел на сцену и провозгласил: «Здравствуйте, дорогие друзья! Я — композитор Сигизмунд Кац! Вы знаете мои песни: «Сирень цветет», «Шумел сурово Брянский лес»..» Словом, все спел, все сыграл, все кацевы шутки и репризы произнес да ещё и биографию рассказал. Вовремя закончил, получил аплодисменты, деньги и уехал во второй Дворец, где спокойненько начал свой концерт. В этом же Дворце культуры после антракта на сцену вышел ничего не подозревающий Кац, сел за рояль и привычно начал: «Здравствуйте, дорогие друзья! Я — композитор Сигизмунд Кац! Вы знаете мои песни: «Сирень цветет», «Шумел сурово Брянский лес»…». Его чуть не убили…

Силе воли Лесного можно только позавидовать. Например, когда он решил бросить курить, то не стал прибегать к помощи врачей, как многие, и кодироваться, а просто выкурил последнюю сигарету и сказал: «Все!» Этого оказалось вполне достаточно, чтобы больше к куреву он не притронулся.

Жизнь никогда не баловала Юрия. Даже в тех случаях, когда другим удавалось добиться поблажки, ему приходилось выкладываться «на всю катушку». По традиции артисты всегда служили в армии недалеко от дома в частях, как говорят, со «щадящим режимом», чаще всего это был Белполк. Когда же пришел черед идти служить Лесному, то, видимо, военком был не в духе или, может, по какой-нибудь другой причине, но никакие просьбы и письма из театра не помогли, и Юрия «упекли» аж в Заполярье. Там он попал на «горячую» точку, в кочегарку, где и прошли все два года его службы. Отопительный сезон в тех краях длится почти целый год, поэтому прохлаждаться Юрию особенно было некогда, приходилось постоянно подбрасывать уголек в топку.

Армейская закалка очень пригодилась ему в дальнейшем. Вернувшись «на гражданку», Лесной потом еще много лет ездил в

Сибирь на «шабашки», исколесив ее вдоль и поперек, так что он хорошо знает цену физическому труду и не боится никакой самой грязной работы.

Юрий любит спорт, с удовольствием играет в футбол и плавает. Человек он очень веселый, компанейский и находчивый, всегда может, если появляется необходимость, взять на себя роль тамады.

Однажды, еще в театре им. Я. Купалы, в самый разгар антиалкогольной кампании, мы отмечали у себя в гримерке успех какой-то очередной премьеры. Пили, сами понимаете, не только кофе. И вдруг к нам ворвалась парторг театра, женщина суровая и строгая, человек в принципе неплохой, но вынужденная во всем соответствовать своей должности. Увидев, чем мы занимаемся, она со злостью в голосе сказала:

— Ах, вот вы где, сукины дети!

Секундную паузу, вызванную нашим замешательством, прервал Юрий Лесной. Он встал из-за стола, изобразил на лице радостную улыбку и, раскрыв объятия, воскликнул:

— Здравствуй, мама!

Сегодня Юрий уже не просто Юрий, а Юрий Леонидович (мы его зовем просто Леонидович). У него две замечательные внучки — Лаура и Настя, в которых он души не чает. Леонидович лично знаком с ведущими продюсерами России, со всеми редакторами и ведущими юмористических программ. Он по-прежнему ведет все переговоры и подписывает все контракты, но при этом сам сидит за рулем нашего микроавтобуса, совершая автопробеги по несколько сотен километров в день на гастролях. На записях «Аншлага», «Смехопанорамы», «Смешных людей» и других программ, он обычно еще и наш звукооператор.

На сегодняшний день Леонидович является самым профессиональным продюсером в Беларуси. Он точно знает, будут ли проданы билеты, и какие устанавливать на них цены. Когда и куда организовывать гастроли, и какую программу на них везти.

У Анатолия Длусского, как я уже писал, долго не было собственной квартиры, поэтому он снимал комнату в частном доме у одного очень интересного старичка, о котором я просто не могу не рассказать. Звали его Леапольд, именно, не Леопольд, а — Леапольд, с ударением на «а», он сам так просил всех его звать. Наивный и по-детски доверчивый, хлебнувший за долгую жизнь много горя, испытавший на себе всю мерзость сталинской и последующих эпох, он с годами стал жутко всего бояться. Например, он запрещал Анатолию выкладывать на подоконники

яркие или дорогие вещи, чтобы «не провоцировать грабителей». Однажды он чуть не впал в истерику, увидев на подоконнике апельсин, по его мнению, это был явный признак богатства, который мог привлечь внимание всех воров и убийц округи. Кстати, опасения его сбылись, и Анатолия 5 сентября 1995 года благополучно (для жуликов) обворовали.

Как-то Юра Лесной предложил разыграть, ради шутки, его Леапольда. В тот вечер в гости к Анатолию мы собирались прийти вчетвером: Юрий Лесной, друг нашего театра Сергей Купецкий с женой и я. Мы позвонили Леапольду как будто бы из коллегии адвокатов и сообщили, что Толя стал обладателем огромного наследства из-за границы. Все были в хорошем настроении, и Юрий предложил сыграть сценку, что к Толе приехали из-за границы иностранные юристы, чтобы официально сообщить печальную новость о кончине в Америке какого-то его родственника и оформить документы на наследство, составляющее более полумиллиона долларов (!!!). Бизнесмен Купецкий должен был исполнить роль богатого американца, сам Лесной — итальянца, а я — немца.

Как только наша веселая компания ввалилась в комнату Анатолия и на столе появились бутылки, не заставил себя ждать и Леапольд… Дело в том, что он всегда на стреме, поэтому в курсе всего, что происходит в доме и во дворе. Леапольд сразу нас засек, а так как выпить он не дурак, то решил войти с нами в контакт. Предлог для прихода у него был — он принес Толе «телефонограмму» из «адвокатской конторы». Леапольд с нескрываемым интересом разглядывал все, стоявшее на столе. Едва он замолчал, встал из-за стола Купецкий и стал что-то говорить ему по-английски. Леапольд внимательно все выслушал и, разумеется, ничего не понял. Тогда Длусский ему объяснил, что это господин Джонсон, он приехал специально из США, чтобы сообщить Анатолию о наследстве в 700 тысяч долларов, которое завещал ему умерший недавно богатый родственник. После этого Купецкий показал всем какие-то бумаги на английском языке, в которых действительно фигурировала названная сумма — 700 тысяч долларов. Потом, когда Леопольд ушел, Сергей нам объяснил, что в этот день он подписал с одной английской фирмой контракт как раз на такую сумму, и все бумаги были у него еще при себе. А в тот момент у Леапольда округлились глаза, а мы, чтобы окончательно «дожать» старика, представили ему еще «немецкого» гостя, а за ним — «итальянского». Когда «официальная» часть закончилась, совершенно обалдевшего Леапольда усадили за стол и стали обильно потчевать. Во время застольной беседы мы задавали ему вопросы, которые тут же

«переводил» Толя, и которые иностранцам всегда казались обычными, а нам, в коммунистические времена, — провокационными. Мы спрашивали его об отношении к властям, об условиях жизни, о безработице и преступности. Старая закалка из Леапольда еще не выветрилась, да она, наверно, из людей его поколения не выветрится никогда, поэтому он отвечал уклончиво, старался как-то выкрутиться, чтобы избежать прямого ответа, чем очень нас забавлял. Он прибалдел от общения с «иностранцами» настолько, что даже полушепотом произнес тост за великого вождя итальянского народа Муссолини. Правда, от тоста за немецкого вождя того же времени пить тактично отказался…

Часа через полтора опьяневший от выпитого и невероятной новости о свалившимся на Толю богатстве, хозяин Анатолия ушел спать на свою половину, а мы перешли на более понятный нам русский язык и еще долго веселились, обсуждая Юрину удачную выдумку.

Назавтра, придя на репетицию, я с удивлением обнаружил, что от вчерашнего хорошего настроения Длусского не осталось и следа. Оказывается, утром, когда Анатолий едва пробудился и еще лежал в постели, в его комнату, робко постучав, вошел Леапольд в своем парадном костюме при галстуке и почему-то в кепке, а за ним — его жена, тоже нарядно одетая. Низко поклонившись Анатолию в пояс, они извинились и сказали, что раз он стал теперь таким богатым, они решили — только, ради Бога, чтобы он на них не обижался — повысить ему квартирную плату в два раза…

Владимир Перцов

Родился и вырос Владимир в Киеве, но родители его родом из Беларуси, поэтому и в Минске он себя чужим никогда не считал. Почему он уехал из Киева? На то было несколько причин. Во-первых, в те времена перестройки на Украине зарождающуюся свободу слова и другие еще слабые ростки демократии душили намного сильнее, чем у нас, поэтому в родном городе Перцов не мог в полной мере реализовать свои творческие способности, а они, как и запас энергии, у него очень большие. На мой, разумеется, субъективный взгляд, Владимир Перцов входит в пятерку лучших писателей юмористов СНГ. Во-вторых, он женился (это была то ли третья, то ли четвертая его женитьба, что для «Христофора» стало почти нормой) на минчанке. Были еще и другие, менее серьезные причины, но, думаю, хватило бы и первых двух.

Возможно, кто-то не согласится с моей оценкой творчества Владимира Перцова, считая его недостаточно популярным, поэтому хочу еще раз подчеркнуть, что я говорил о таланте, а не об известности. В том, что Перцов менее знаменит, чем, например, Альтов или Коклюшкин, виноват прежде всего его сложный и противоречивый характер, а не достигнутый им уровень мастерства. Но об этом потом. А пока давайте вернемся в те, теперь уже далекие, времена, когда переполненный идеями честолюбивый, талантливый и энергичный писатель Владимир Перцов впервые появился в Минске. С самого начала он развил очень бурную деятельность, поэтому неудивительно, что довольно скоро в сферу его интересов попали и мы, будущие «христофоровцы». О том, как зарождался наш театр, я уже писал, хочу только отметить, что поверили мы все Перцову прежде всего потому, что почувствовали в нем очень сильную, даже властную, личность. Не знали мы тогда, что сила этой личности способна не только на созидание, но и, к сожалению, на разрушение, точнее на саморазрушение. Создав «Христофор», Перцов потом очень много сделал такого, что вполне могло разрушить театр. И если, слава Богу, «Христофор» устоял, то в этом огромная заслуга артистов, сам же Владимир Васильевич покинул свое детище в нелегкие для него времена, чем и себе, уверен, навредил, и немало новых проблем создал всем остальным.

В свое время много разговоров среди эстрадников вызвал случай, происшедший на одном из писательских семинаров в Подмосковье. Затянувшееся было обсуждение предложенных авторами рассказов было прервано неожиданно вставшим

Владимиром Перцовым. Он громко, на весь зал, сказал: «Сколько можно говорить об этих бездарных произведениях? Чтобы вы поняли, как нужно писать для эстрады, давайте я лучше прочту вам свой рассказ». И начал читать. Рассказ, в самом деле, был неплохим, но предшествовавшее ему заявление настолько ошарашило всех присутствующих, что никто из них не смог после даже улыбки выдавить из себя.

Или вот еще ситуация. Примерно через год после создания «Христофора» к нам впервые с предложением о сотрудничестве пришли представители Белорусского телевидения. Режиссер Майя Горецкая хотела сделать передачу о новом театре. Перед этим она беседовала со мной и с другими артистами, и мы с радостью приняли ее предложение, потому что уже тогда понимали, что только телевидение может дать и театру, и каждому из нас настоящую популярность. А без нее мы не могли рассчитывать ни на государственные дотации (в ту пору это еще было возможно), ни на свое собственное здание, ни на другие блага. К приходу Майи мы приготовили лучшие свои номера и ждали ее с нетерпением. Но когда она появилась, Владимир Васильевич предложил ей сесть рядом с ним и сказал:

— Майя, я несколько лет проработал на киевском телевидении и ушел оттуда, потому что оно такое же поганое, как и ваше белорусское. Будь моя воля, я бы вас всех повыгонял оттуда к чертям собачьим. Но раз вы уже пришли, мы покажем вам несколько наших номеров, можете их взять, но хочу, чтобы вы знали мое мнение.

Все это было сказано таким тоном, что у Майи глаза на лоб полезли от удивления. Она привыкла к тому, что все принимали ее всегда с огромным уважением и не знали только, как получше выразить свою благодарность, а тут пришлось выслушать такое… Как человек воспитанный и интеллигентный она, конечно, посмотрела все, что мы ей показали, но, уходя от нас, лишь сдержанно сказала:

— Спасибо. Я подумаю.

Думает она до сих пор. Не знаю, говорила ли она о нас что-нибудь другим режиссерам телевидения, но факт таков, что долгие годы к нам оттуда больше никаких предложений не поступало…

Эту историю рассказал прекрасный музыкант и не менее прекрасный юморист Левон Оганезов. В одном провинциальном городе во время концерта что-то случилось с аппаратурой и выступавший (естественно под фонограмму) певец не смог продолжать своё выступление. Публика стала возмущаться и

скандировать: — Халтура, халтура!!! Выскочивший на сцену конферансье стал раскланиваться и говорить: — Приедем, обязательно приедем!

Ещё одна беда Перцова состояла в том, что он не понял, что «Христофор» — это средоточие личностей. Мы, разумеется, были не так опытны в эстраде, но все знали цену и своим способностям, и своим характерам. С нами нельзя было долго обращаться как с колесиками и винтиками, а Перцов мог с легкостью оскорбить любого из нас, обозвав прилюдно бездарью. Потом он, правда, с такой же легкостью об этом забывал, но у нас обида долго не проходила и даже накапливалась, как радиация. На первых порах мы все терпели, потому что понимали, что «Христофор» держится на Перцове, без него он сразу же рухнет. Но шло время, мы приобретали опыт, начинали понемногу разбираться в тонкостях эстрады и в наших оценках деятельности Перцова стали появляться все чаще критические нотки. Он это тоже, видимо, чувствовал, но ошибок своих признавать не хотел и во всем винил нас.

Я бы очень не хотел, чтобы у вас сложилось впечатление, будто Владимир Васильевич — отъявленный злодей. Это совсем не так. Он хороший мужик, приятный собеседник, с ним очень легко и интересно разговаривать на разные темы, особенно, если это происходит не за пустым столом и не касается его творчества. Будучи нетерпимым к любой критике в свой адрес, считая ее необъективной и некомпетентной, Перцов, к сожалению, не понимал (или не хотел понимать?), что мы тоже испытываем боль, выслушивая из его уст несправедливые упреки. Он, наверно, уверовал в свою исключительность, в умение быстрее и лучше всех разбираться в наших проблемах, поэтому взял на себя роль авторитета, всегда и всем говорящего только правду, на которую нельзя обижаться и которой можно только внимать. Кстати, оценки Перцова не всегда бывали отрицательными, иногда он вдруг начинал неудержимо хвалить кого-нибудь из артистов. Похвала нужна и даже полезна, но только в том случае, если она заслужена и объективна. Владимир Васильевич же, случалось, не знал в этом меры и так захваливал человека, что тот начинал думать, будто он и в самом деле какой-то особенный и необыкновенный. В результате это негативно сказывалось на его отношении к окружающим, к репетициям и к театру вообще, что, сами понимаете, не способствовало сплочению труппы.

Что касается лично моих взаимоотношений с Перцовым, то они за годы нашего знакомства знавали и лучшие, и худшие времена. Начиналось все просто замечательно. Мы так

сдружились с Владимиром, что почти все время проводили вместе, нам всегда было о чем говорить и, расставаясь с сожалением на ночь, мы с нетерпением ждали утра, чтобы продолжить свои совместные дела. Как-то так само собой получилось, что я стал первым помощником и правой рукой режиссера «Христофора». Мне так нравилось все, что мы делали, что я готов был работать без перерыва сутками, стараясь влезть в любимое дело не только с головой, но и с руками, и с ногами. Так уж, видимо, я устроен: если чем-либо увлекусь, то не знаю в этом меры, мне обязательно нужно разобраться во всех мельчайших подробностях, все понять и постичь. Я не только выполнял свои актерские обязанности, но и пытался помогать Перцову в режиссуре, вносил массу всяких предложений, импровизировал и вообще не гнушался никакой работой, если считал, что она может способствовать нашему успеху. На первых порах моя инициатива всячески поощрялась и поддерживалась. Причем не только на репетициях. Довольно быстро у нас с Перцовым выработалась привычка после репетиций не разбегаться по домам, а совершать пешие прогулки, обсуждая на ходу все нерешенные театральные проблемы.

Обычно наш маршрут проходил от клуба им. Дзержинского, где театр в ту пору арендовал помещение, по Ленинскому тогда проспекту (потом — Скарыны, теперь — Независимости) до Красного костела, возле которого мы поворачивали направо и шли к большому общепитовскому комплексу «Папараць-кветка». Там мы заходили в кафе-мороженое, брали по большой порции мороженого и неспешно за разговорами его съедали. Потом мы спускались вниз к театру музыкальной комедии, садились на скамейку, выкуривали по сигарете и уже после этого на троллейбусах разъезжались по домам. Такие беседы на ходу у нас проходили буквально после каждой репетиции. За время поездки в общественном транспорте нас осеняли новые «гениальные» идеи, поэтому, попав домой, мы тут же бросались к телефонам и продолжали свои недавно прервавшиеся споры и обсуждения. В ту пору нас ничего не интересовало, кроме наших театральных дел, мы жили только ими, не прекращая думать о театре даже во сне. Наши семьи не пугались неожиданных ночных телефонных звонков, да они очень быстро перестали быть неожиданными, потому что раздавались чуть ли не каждую ночь. Если у кого-то из нас в три часа ночи звонил телефон, все понимали, что ничего страшного не произошло, просто человеку на другом конце провода не дает заснуть очередная умопомрачительная находка, и он не сможет успокоиться, пока не поделится ею.

То был один из самых счастливых периодов моей жизни.

Даже в страшном сне я не мог представить себе, что мы когда-нибудь сможем серьезно поссориться с Перцовым, тем более — что он уйдет из «Христофора». Я был его самым верным соратником и другом, самым преданным поклонником его таланта. Я готов принять на себя какую-то долю вины за разрыв наших отношений и был бы очень благодарен каждому, кто смог бы мне растолковать, в чем она состоит, потому что сам никак не могу найти в своем поведении оснований для столь резкого изменения отношения Перцова ко мне через несколько лет нашей дружбы.

Зиновий Паперный сразу после войны поехал в Молдавию по линии Общества «Знание» с лекциями о творчестве А.П. Чехова. Ездил, в основном, по небольшим населенным пунктам, где с русским языком было неважно, поэтому его сопровождал переводчик. Только стал Паперный замечать странности. Во-первых, толмач переводит как-то продолговато: два часа лекции проходит, а только до выезда Чехова из Таганрога успевают добраться. Во-вторых, аудитория неадекватно реагирует на суровую чеховскую жизнь: все время хохот в зале. На поставленный в лоб вопрос переводчик честно ответил: «Ну, сами посудите: народ только-только от немцев освободился, столько горя принял — какой им сейчас Чехов! Я им по-молдавски анекдоты рассказываю!»

А пока день за днем, месяц за месяцем, год за годом наши взаимоотношения становились все теснее, мы все больше времени проводили вместе и мечтали даже поселиться в одном доме, на одной площадке, чтобы иметь возможность без помех встречаться в любое время дня и ночи. Работая рядом с Перцовым, я многому научился, много узнал и понял, стал значительно лучше разбираться в эстраде, в природе и причинах смеха, в методах его вызывания. Это совсем не значит, что я начал тяготиться ролью второго номера при Владимире Васильевиче. Даже наоборот, я, видимо, так устроен, что мне всегда удобнее и психологически комфортнее быть вторым, нежели первым. Второй может предлагать и выдумывать все, что ему захочется, и он не несет никакой ответственности за это, получив, таким образом, ничем не ограниченные возможности для творчества. Это меня более чем устраивало, поэтому я изо всех сил старался соответствовать выпавшей мне роли. Со временем мои предложения и идеи стали все чаще находить поддержку и одобрение нашего христофоровского коллектива, а бывало, что они признавались даже более удачными, чем перцовские. Меня, как любого

нормального человека, естественно, радовало признание товарищей, Перцов же, видимо, усмотрел в этом, как потом выяснилось, попытку подрыва его авторитета и посягательство на его руководящую (а точнее — диктаторскую) роль в театре.

Впервые все это проявилось при подготовке спектакля «От Чижовки до Комаровки». Сейчас этот спектакль совсем не похож на то, чем он был вначале. Тогда это было могучее, тяжеловесное действо, шедшее более двух с половиной часов, перенасыщенное длинными, не вызывавшими у зрителей смеха сценами. Мы неоднократно предлагали Перцову эти сцены убрать, но он категорически отказывался, утверждая, что сценарий хороший, просто артисты неумело с ним обращаются, поэтому лучше бы они постарательнее репетировали свои роли, чем норовили свалить вину на автора и режиссера. Как мы ни пытались выполнять все советы и рекомендации Владимира Васильевича, результат все равно не устраивал ни нас, ни самого Перцова. В итоге все спорные сцены все-таки пришлось снять, Перцов согласился с нашими доводами, точнее, он сказал: «Делайте, что хотите». Я не преминул воспользоваться его разрешением. Официально я не считался заместителем режиссера, но был как бы ведущим артистом, поэтому взял инициативу на себя.

Спектакль сразу стал легче, динамичнее, отчетливее проявились темп и ритмичность, жизненно необходимые любому эстрадному представлению. Но Перцов, как мне сейчас кажется, воспринял все происшедшее далеко не так радостно, как мы, а расценил наш маленький производственный конфликт как личное оскорбление и, видимо, затаил обиду.

Следующий крупный инцидент произошел у нас в марте 1993 года. Мы репетировали тогда наш новый спектакль «Все на уколы». Я как обычно не только работал над своей ролью, но и пытался помогать коллегам, давал кому-то советы, с кем-то спорил, сам получал замечания и как-то на них реагировал. В общем, репетиция ничем не отличалась от большинства предыдущих. Правда, очень мрачным выглядел Перцов, но мы объясняли это какими-то личными проблемами. Когда репетиция закончилась, и все стали собираться домой, Владимир Васильевич подошел ко мне и сказал:

— Я хочу с тобой поговорить.

— Ладно, давай поговорим, — ответил я с готовностью. У меня было хорошее настроение, репетиция, по моему разумению, прошла плодотворно, поэтому не было никаких оснований для недобрых предчувствий. Вообще-то разговоры наедине с кем-либо из артистов театра наш режиссер проводил довольно часто. Это был один из его любимейших воспитательных приемов: Перцов в

жесткой, даже жестокой форме, не затрудняя себя подыскать выражения помягче, высказывал собеседнику все, что о нем думал. Обвинения, большей частью несправедливые, бывали нешуточными: в бездарности, лени, тупости.

До того дня через это чистилище прошли все члены нашей труппы, кроме меня. Реагировали по-разному: кто-то пытался возражать, кто-то проглотил обиду молча, но вряд ли кому-нибудь эти режиссерские откровения добавляли энтузиазма и вдохновения. Я, на правах лучшего друга Перцова, был уверен, что мне подобная словесная экзекуция не грозит. И, как выяснилось, напрасно. Обвинения в мой адрес оказались похлестче тех, что выслушивали мои товарищи. Перцов упрекал меня в том, что я, вознамерившись захватить власть в театре, не обладаю даже зачатками качеств, необходимых человеку, претендующему на столь высокий и ответственный пост. Мне было сообщено, что я — маленький Петросян и пытаюсь протащить в театр петросяновщину (а для Перцова это — синоним бесталанности, кукольности, неестественности) и пошлость, и что с сегодняшнего дня он полностью отстраняет меня от режиссерской работы. Я должен знать «свой шесток» и не лезть на чужие…

Для меня все было настолько неожиданным, я был так оглушен несправедливыми обвинениями, что даже не нашел, что ответить, а только недоуменно пожал плечами и сказал:

— Хорошо, Володя, как ты скажешь, так и будет. Ты же хозяин театра.

И собрался уходить. Но Перцов вдруг остановил меня и предложил:

— Знаешь что, давай, смоем грязь с души. Пошли к тебе — выпьем…

Мы отправились ко мне, просидели вечер за бутылкой, говорили о «Христофоре», о жизни, объяснялись, как всегда, друг другу в любви, смеялись, шутили и расстались, как я решил, все же друзьями. Обидные вещи, которые наговорил мне Перцов после репетиции, я объяснил себе его нервным срывом, вызванным перенапряжением и неизменными неурядицами. Если бы Владимир меня в самом деле ненавидел, подумал я, разве пошел бы он ко мне пить мою водку. Поэтому я решил как можно быстрее постараться забыть об этом неприятном для нас обоих инциденте и назавтра, как ни в чем не бывало, пришел на репетицию. Началась она в обычном для нас стиле, мы репетировали отдельные сцены, в перерывах между ними подтрунивали друг над другом, веселились… И вот в сцене, в которой выступал один Саша Баранкевич (с монологом, в

написании которого я принимал довольно активное участие), я по привычке «осмелился» дать пару советов. В ответ на них Перцов, резко повернувшись ко мне, с нескрываемой злостью сказал:

– Даже в такой богатой стране, как Америка, не могут себе позволить на одного артиста держать двух режиссеров.

Это, естественно, услышали все, присутствующие на репетиции. Мне мгновенно вспомнился наш вчерашний разговор. Вообще я человек довольно мягкий, но вспыльчивый. Если меня задеть, я очень легко завожусь, хотя и быстро отхожу. Я понял, что все вчерашнее было неслучайным, поэтому сказал:

– Раз так, Володя, я к этому спектаклю больше никакого отношения иметь не буду. Ставь его сам от начала до конца.

– Хорошо, — ответил Перцов и повернулся ко мне спиной. Я, не произнеся больше ни слова, вышел из зала.

Этот момент стал переломным в наших взаимоотношениях. Кончился период безграничной любви и вечной дружбы — началась «холодная» война. Нормально общаться с тех пор мы уже не могли. Мы старались поменьше встречаться, особенно наедине, избегали друг друга, если и обменивались репликами, то только на служебные темы. Я перестал посещать совещания нашего административного совета: Перцов В.В., Лесной Ю.Л. и Крыжановский А.И. — так как публично был «разжалован в рядовые». Более того, когда я по приглашению нашего спонсора однажды пришел туда, Перцов сразу потребовал, чтобы я покинул их и не мешал работать руководству, хотя раньше всегда приглашал меня как своего помощника.

Концерт в Колонном зале в 60–е годы. Очень именитый состав: Аркадий Райкин, Елена Образцова, Шульженко, замечательный чтец Антон Шварц… Молодой конферансье подходит к Райкину: «Аркадий Исакович, я так волнуюсь: как о вас сказать…? Можно, я так: «Человек, который не нуждается в представлении, король комиков, Чаплин наших дней…» Райкин поморщился: «Ну, если вам так нравится — пожалуйста». Через пять минут конферансье снова: «А можно, я лучше назову все ваши звания?..» Райкин: «Бога ради, как вам хочется…» Перед самым выходом подбегает: «Все: иду вас объявлять! Я придумал! Я ничего не буду говорить! Сделаю большую паузу,…а потом громко скажу: Аркадий! Райкин!!». Райкин не возражал. Конферансье кинулся на сцену, подержал заготовленную паузу, набрал полную грудь воздуха и рявкнул: «АНТОН ШВАРЦ!!»

Тем временем спектакль «Все на уколы!» шел к выпуску. Получался он длинным и затянутым, было много в нем явно

лишних сцен и вставок, все видели, что это может привести к провалу, и пытались сказать об этом Перцову, но он никого не хотел слушать. В тот период Владимир Васильевич напоминал мне лошадь, которую понесло и которая мчит, не замечая ни усталости, ни преград, ни опасных ям и поворотов. В труппе спектакль вызывал только глухое раздражение, у нас появилось то, что есть в обыкновенном драматическом театре и отсутствием чего мы так гордились: перешептывания за кулисами, мгновенно замолкающие при появлении режиссера разговоры, ругань и нежелание приходить на репетиции. На «Христофор» неумолимо надвигалось самое страшное — распад театра. Я это ясно понимал, поэтому, сжав в кулак свое самолюбие, как-то подошел к Перцову и сказал:

— Володя, посмотри, что творится. Спектакль в таком виде выпускать нельзя.

Ничего нового я, разумеется, Перцову не сообщил. Как умный человек он все отлично видел сам и только ждал удобного повода, чтобы разрубить этот гордиев узел, поэтому спорить со мной не стал, а лишь раздраженно махнул рукой и со знакомыми уже мне словами «Делайте, что хотите» ушел.

Мы срочно, на скорую руку, перекроили спектакль и, как могли, потому что оставались считанные дни, подготовили его к «первой» премьере. Зрители приняли нас хорошо, но мы чувствовали, что нужно еще резать и резать. Вы, конечно, понимаете, что резать приходилось не механически, спектакль — это единое взаимосвязанное образование, коим он должен оставаться и после наших изъятий, поэтому мы вынуждены были переделывать сюжет, придумывать новые связки между оставшимися частями, подгонять их одну к другой, чтобы не было видно «шрамов» и «белых ниток».

Репетировали мы в прямом смысле и днем, и ночью, так хотелось успеть сделать все, что задумали, — и успели. К показу на публике спектакль имел вид такой, каким мы его показываем и сейчас. В процессе той лихорадочной подготовки мне пришлось взять на себя обязанности режиссера. Было нелегко, и я очень благодарен своим друзьям-артистам за понимание и поддержку, которую они мне оказывали.

Так мы начинали приобретать опыт совместной работы по подготовке наших программ. А многострадальная программа «Все на уколы!» пользовалась неизменным успехом у зрителей. За годы показа мы все, как говорят, отшлифовали, устранили все шероховатости, но я все время, когда узнавал, что нужно будет в ней выступать, чувствовал какую-то тоску, вызываемую неприятными воспоминаниями о ее рождении.

Через несколько дней, после традиционного банкета по случаю успешной сдачи очередного нашего спектакля, Перцов собрал весь коллектив театра и сделал официальное заявление о своем уходе. Сначала никто не принял этого всерьез, потому что нечто подобное и раньше говорилось неоднократно, а потом выяснялось, что никуда он уходить не собирался, просто хотел нас попугать. Но на этот раз Владимир Васильевич не ограничился только кратким заявлением, а выступил еще и с пространной речью, в которой дал нам ряд указаний, как жить дальше. Исполнять вместо него по совместительству режиссерские обязанности Перцов предложил директору «Христофора» Юрию Лесному и категорически предупредил, что ни в коем случае нельзя подпускать к этой работе Крыжановского, способного самое большее лишь на то, чтобы принести в театр пошлость и петросяновщину. «Народ» безмолвствовал. Все, опешив, не понимали, как они мне потом объяснили, розыгрыш это или правда. В завершение Перцов пообещал раз в год ставить у нас новую программу, то есть полностью с театром якобы не рвал. Все остальное время Владимир Васильевич, по его словам, предполагал работать на именитых московских артистов, которые давно якобы его об этом просили и сулили за сотрудничество огромные деньги. Тут Перцов явно блефовал, потому что тогда платить авторам в Москве не любили, особенно чужим. Самое большее, на что могли рассчитывать авторы, — это совместные гастроли, когда «звезда» берет с собой автора, и тот тоже выступает, давая отдых артисту, и таким образом зарабатывает свой гонорар. А так как Перцов ездить никуда не собирался, то его грандиозным планам сбыться было не суждено. Но в тот момент мы этого не знали, поэтому Владимир Васильевич ушел от нас гордый собой и уверенный в правильности совершенного поступка. Мы для него были пройденным этапом, его таланту, по словам самого же Перцова, стало тесно в «Христофоре», и ему не нужен театр, в котором он каждый раз должен доказывать свое право на лидерство.

Так мы остались без главного режиссера. Не знаю, было решение Перцова окончательным и бесповоротным, или он надеялся, что мы придем к нему и будем умолять вернуться, но «у советских собственная гордость», и этого не произошло.

Перед нами во всей полноте встала дилемма: закрывать театр или попытаться жить в новых условиях. Решили — сразу не сдаваться. Тут как раз подоспели гастроли в Витебске, где состоялось собрание труппы, на котором единогласно Е. Крыжановский был утвержден в должности главного режиссера. Я согласился взять на себя ответственность и тянуть эту лямку при

условии, что все будут мне помогать и что я буду просто первым среди равных. Такое распределение обязанностей всем понравилось, и мое предложение было поддержано. И то витебское собрание мы сейчас считаем началом нового этапа в жизни «Христофора».

Как известно, Никита Богословский юность провёл в Ленинграде. Однажды лет в двенадцать он залез зачем-то в телефонный справочник и увидел: «Ангелов Ангел Ангелович!». Это сочетание показалось ему поводом для шутки: он набрал номер и вежливо попросил: «Черта Чертовича можно?» Его обругали, он бросил трубку, но после этого еще пару раз проделывал этот номер — для друзей и гостей… Прошло больше пятидесяти лет, и однажды, оказавшись в Питере, Богословский что-то искал в телефонной книге, и вдруг — как привет из детства: «Ангелов Ангел Ангелович»! Надо знать Богословского: конечно же, он набрал номер и вежливо попросил: «Черта Чертовича можно?» И старческий голос сказал в трубке: «Ты ещё жив, сволочь?!!»

Много лет уже прошло после этого собрания. Театр не только не погиб, а даже добился, без сомнения, новых значительных успехов. Не скажу, что нам было очень легко, трудностей хватало, особенно с новыми текстами. При Перцове мы об этом практически не задумывались, а без него все пришлось делать самим. Не был этот период легким и для Владимира Васильевича. После неудачи с «покорением» Москвы он пытался ставить юмористические передачи на Белорусском телевидении (что было явно в пику нам, так как мы тоже делали такие передачи), но у него, опять же из-за его сложного характера, ничего не получилось. Перессорившись со всеми телевизионщиками, Перцов вынужден был, так и не поставив ни одной передачи, с телевидением расстаться. Мы все это время регулярно выплачивали Владимиру Васильевичу, как автору наших спектаклей, авторские вознаграждения, он периодически приходил в театр, но контактировал только с директором — расписывался в ведомости и уходил. Иногда он сообщал, что пишет обещанную нам пьесу, но ничего не показывал.

Мы на него зла не таили и не таим, и никогда не возражали против возвращения Перцова в театр, более того, были бы даже ему рады. Разумеется, привыкнув жить по-новому, труппа не смогла бы принять его в роли режиссера-диктатора, но как талантливый автор и опытный консультант он был бы для «Христофора» бесценен. Мы все убеждены, что Перцову без театра, без его любимого детища, тяжело, что он, как и мы,

сожалеет о пробежавшей между нами «черной кошке».

Перцовы долгое время прожили в однокомнатной «малосемейке» на улице Асаналиева. И хоть семья у них всегда была крепкая и дружная, все же такая скученность (а кроме Володи и его жены у них еще были две маленькие дочки) на нескольких квадратных метрах давала себя знать. И Перцовы сделали неожиданнейший для минчан обмен — они поменяли свою квартирку на полдома в Несвиже. Ирина Перцова устроилась вести какой-то кружок, дети уже выросли и учатся в Минске, а Володя чувствует себя в Несвиже как дома. Он никогда не любил городскую, тем более, столичную суету, и ему, как автору, абсолютно все равно, где писать.

Через много лет мы встретились с Перцовым в «Аншлаге», куда его Регина Дубовицкая пригласила в качестве автора и редактора. В Курске, на юбилее Винокура, мы в течение нескольких дней общались с Володей и на съемках, и на выступлениях, и на банкетах. Вспоминали, шутили, размышляли. Но, как говориться, прошлого не вернешь. А после начала проблем на РТР у Регины и у самого «Аншлага» он опять вернулся в Несвиж. Единственно, кому, кроме семьи, Володя был верен (хоть и с оговорками), то это «Кроликам». Для них он писал и пишет номера, благодаря которым этот дуэт стал таким знаменитым. В любом случае, роль Владимира Васильевича Перцова в жизни «Христофора» нельзя недооценить. Он был, есть и будет Отцом театра, за что ему спасибо.

Однажды мы решили еще раз разыграть Леопольда, причем, уже не только без Длусского, а даже втайне от него. Улучив момент, когда Анатолий выступал на сцене, мы позвонили ему домой. Едва Леапольд поднял трубку, я властным голосом спросил:

— Это квартира Длусского?!

Леопольд стал извиняющимся голосом объяснять, что Длусский здесь только временно снимает комнату, а владельцем дома является совсем другой человек. Я не стал выслушивать его до конца, а тоном, не допускающим возражений, сказал:

— Это звонят из Верховного Совета, из комиссии по народным, депутатам. Два депутата лишены своих мандатов: один — потому что скончался, а второй — за некорректное поведение. Мы провели довыборы по Фрунзенскому району (не знаю, почему мне в голову пришел именно этот район), и Анатолий Длусский решением Союза дворников и библиотекарей избран народным депутатом. Он должен завтра явиться к 8 часам в Дом правительства, в 102 комнату для получения депутатского значка, мандата и справки о неприкосновенности.

Дед с перепугу попросил меня подождать минуточку, сбегал за ручкой и бумагой и заставил продиктовать ему раз все чуть ли не по буквам. После этого он четким голосом отрапортовал в трубку:

— Телефонограмму принял Воропай Леапольд Брониславович. Девятнадцать ноль ноль.

Окончился концерт, и ничего не подозревающий Длусский отправился домой. Как у многих холостых людей, путь у него туда был не очень прямым, поэтому добрался до дома Анатолий только где-то к двум часам ночи. На его удивление, свет в окнах Леопольда все еще горел. Встревоженный старик встретил его прямо у порога, чинно поклонился и быстро затараторил:

— Где это вы ходите? Вот вам телефонограмма. Я же не могу держать при себе так долго такую важную информацию.

— Какую еще информацию? — удивился Длусский. Леапольд ему зачитал телефонограмму. Анатолий, конечно, сразу понял, чьих рук это дело, поэтому сказал Леопольду уверенно:

— Спасибо. Все нормально. Завтра я разберусь.

В 7.30 утра его разбудил стук в стену:

— Анатолий, почему вы еще не ушли? Вас же ждут в Доме правительства, — выговаривал ему из-за двери Леапольд.

— Да, ладно. Я попозже зайду, — попытался успокоить его Анатолий. Но старик не унимался:

— Да как же вы можете? Они же подумают, что это я не передал телефонограмму, раз вы не явились.

Пришлось Анатолию встать, сделать вид, что он набирает номер телефона, что-то пробубнить в трубку, чтобы Леапольд не разобрал слов, а потом, постучав тоже в стену, крикнуть:

— Все в порядке. Я перенес встречу на 11 часов.

Придя в 11 на репетицию, невыспавшийся Длусский выдал нам все, что думал о нас и о нашем розыгрыше. Но на этом «депутатство» Анатолия не закончилось. Как только в стране происходили какие-либо неполадки: повышались цены, останавливались заводы или совершались громкие преступления, Леапольд тут же бежал к своему квартиранту и выговаривал ему за неумение работать. Строго следил он и за посещением Анатолием сессии Верховного Совета. Бывало, показывают по телевизору очередное заседание, а Анатолий в это время спокойно сидит дома.

— Анатолий, почему вы дома? — с укоризной спрашивал Леапольд.

— Мне нужно срочно песню дописать.

— Но вам же народ доверил… Почему вы не выполняете своих обязанностей?

Он искренне расстраивался и был очень недоволен тем, как Длусский нес «бремя депутатства». В конце концов, это стало невмоготу и самому Анатолию, и однажды он сообщил своему хозяину, что недавно исключен из депутатов.

– Ну и правильно, — вздохнул успокоенно Леапольд и еще раз повысил Длусскому квартплату…

Вова Воронкова

Если вы думаете, что в название этой главы вкралась опечатка, то вы глубоко ошибаетесь. Просто наш Володя Воронков за свою актёрскую жизнь переиграл столько женских ролей, что их и сосчитать невозможно. Не знаю, влияют ли сыгранные роли на него, но порой кажется, что влияют. Иногда у Вовки бывает плохое настроение и тогда он как фурия нападает на всех и закатывает скандал за скандалом, но тут же мгновенно отходит и становится нормальным человеком. Иногда же, наоборот, Вовка становится добрейшим и ласковейшим человеком на земле и тут его можно расколоть на любые деньги или выпивку.

После отъезда в Землю обетованную Сереги Александрова у нас остро встал вопрос о его замене. Было понятно, что потери при вводах нового артиста неизбежны, но выбора не было — Сергей так плотно был занят во всем репертуаре, что без его замены пришлось бы просто останавливать работу, гастроли и съемки. И вновь наш взор обратился к Театру кукол. Почему вновь? Да потому что Шура Вергунов, сам выходец из этого театра, давно «сватал» нам своего бывшего коллегу Володю Воронкова, артиста яркого, самобытного и непохожего на других. Сев за стол переговоров и налив аргументы, мы с Юрой Лесным мгновенно выяснили, что Володька свой человек и во всех смыслах «вольется» в «Христофор» безболезненно. А учитывая, что и Толя Длусский тоже был «кукольного» роду племени, выходило, что в «Христофоре» образовалась целая «кукольная» диаспора…

Вообще, в Володю все влюбляются мгновенно. И зрители, и режиссеры, и женщины, и коллеги, и начальство. Клара Новикова, например, назвала его белорусским Бенни Хилом, а певица Лолита даже мерилась с ним грудью (Вовка в тот день играл медсестру с грудью 10–го размера).

Володя Воронков — универсальный актер. Он может сыграть практически все, но особенно ему удаются женские роли, и особенно роли… дур. Выходит такая «чувиха» на сцену, вылупится в зал и стоит секунд тридцать поджав губки и сверля зрителя злобным взглядом. Народ хохочет, аплодирует, а Вовка делает пару шагов в драных колготках, в туфлях на высоком каблуке и снова овации. А когда эта «мадам» откроет рот, тут уж истерика и у зрителей, и у артистов… Мама Володи однажды увидев его в такой роли по телевизору, погладили сына по голове и со вздохом сказала:

— Ну, ты у меня и стерва…

Многие годы (более 25 лет) Вова играет медвежонка Топу в бессмертном и бесконечном бестселлере Белорусского телевидения «Калыханка». Сидя под столом и держа в одной руке насаженного на ладонь Топочку, другой рукой Володя безнаказанно и с наслаждением щиплет ведущих этой детской программы… В 48 лет. Недаром Горький когда-то сказал: «Артисты, это те же дети…»

Однажды телевизионное начальство решило, в рамках «Колыханки», обучать детей Правилам дорожного движения. Съемка должна была быть на улице. Так как Володю Воронкова в лицо дети не знают (все-таки 25 лет под столом просидел), то решили, что он сыграет…живой светофор. На Вовку надели милицейский мундир, дали в руки полосатый жезл, а на голову напялили поролоновый светофор с лампочками. И вот, недалеко от цирка, напротив Дома ветеранов поставили камеру, на другой стороне улицы Воронкова и дали команду «мотор». По сюжету Володька должен был, подняв жезл, объяснить маленьким телезрителям, что есть красный, желтый и зеленый свет и что они обозначают. Конечно, собралась толпа народу — всем же интересно, как проходят съемки. Итак, дают команду «мотор», Володя-«светофор» поднимает жезл, открывает рот и… раздается визг тормозов… Из остановившейся развалюхи-легковушки вылезает водитель и на полусогнутых, протягивая документы, бормоча что-то в свое оправдание подходит к Воронкову. Все зрители подумали, что так и надо и что артист-водитель отлично вошел в образ… Вовка смотрит на него и говорит:

— Мужик, тебе чего?

— Да я не виноват, я ехал 60 км в час.

Володя показал на свою голову, где вместо милицейской фуражки красовался светофор, переливаясь красным, желтым и зеленым светом:

— Ты это видишь?

Мужчина внимательно посмотрел на светофор и произнес:

— Так я же, товарищ милиционер, ехал на зеленый…

Несколько лет назад жена Воронкова Юля решила съездить в США на заработки, как это теперь модно. Поработала год — понравилось, поработала два — еще больше… Да так прижилась там, что и вид на жительство получила и… вышла замуж… Во, дела. За это время Володя «выучил» сына Митю, «поступил» его в институт Культуры и отдыха, научился прекрасно готовить, убирать, стирать… В общем, так вошел в образ своих героинь, что

и выйти теперь не получается. До того дошло, что требует на восьмое марта подарки… А нам не жалко, дарим, так как лучшей «тетки» нам все равно не найти. Я на выступлениях так его и представляю — народная артистка республики Владимир Воронков.

Однажды Раневская принесла мочу на анализ… в термосе! Медицинская сестра очень удивилась: «Фаина Георгиевна, зачем же в термосе — надо же в баночке!» И великая актриса ехидно пробасила: «Ох, ни х… себе! А кто вчера сказал: неси, прям с утра тёплую!?»

Режиссеры Алов и Наумов снимали фильм, в котором была занята большая группа цыган. Один из постановщиков все время обращался к ним (видимо, ему казалось, так будет вежливее): «Товарищи цыгане, войдите в кадр!.. Товарищи цыгане, выйдите из кадра!.. Товарищи цыгане, все налево!.. Товарищи цыгане, все направо!..» В конце концов один из цыган спросил его: «Товарищ еврей, а перерыв на обед когда?»

Июль, жарища. На пляже сочинского санатория «Актер» сидит великий дирижер Натан Рахлин. Старый, рыхлый, грудь висит, жировые складки в три ряда. На длинные седые патлы нахлобучена мятая шляпа. К нему подходит дежурный по пляжу и сурово говорит: «Бабушка, оденьтесь, неудобно — люди кругом!» Грянувший в ответ монолог был исполнен такой виртуозной ругани, что служитель бежал без оглядки, а актерский пляж разразился бурными аплодисментами.

Сергей Комиссаров

Много лет назад, когда я преподавал в Институте Культуры и отдыха, у меня на 2–м курсе учился студент с коммунистической фамилией Комиссаров. Надо честно сказать, он мне сразу не понравился. Приходил он на занятия редко, иногда после бурно проведенной ночи. Сидел на лекциях развалившись, в глазах скука смертная, на губах презрительно — наглая усмешка. Ну, думаю, паразит, попляшешь ты у меня на экзаменах… Однако расправиться с Комиссаровым мне не удалось, так как я сам ушел из института…

Прошло несколько лет, и вот однажды вечером раздался звонок, который перевернул жизнь нашего «Христофора». Звонил Комиссаров.

— Евгений Анатольевич, это Сергей Комиссаров.

– Слушаю.

– Евгений Анатольевич, я хотел бы попробоваться к вам в театр…

– У нас все места заняты, артисты нам не нужны, разве что пародисты…

– Я и пародии делаю…

Я всегда был мягким человеком, не умеющим отказывать и, поэтому, применил обыкновенную чиновничью тактику — кормить «завтраками».

– Вы знаете, Сергей, мы сейчас уезжаем на гастроли… на месяц. Вернемся, тогда и позвоните…

Через месяц снова звонок Комиссарова… и снова перенос просмотра из-за… съемок телепередачи. Опять несколько недель — и снова звонок… Продолжалась эта волынка почти полгода. Другой бы давно плюнул и больше не звонил, но не таков был Комиссаров. Он начал звонить и утром, и вечером, и ночью. Появлялся в самых неожиданных местах — в бане, в банке, в магазине, на пляже. Одна газета написала, что он даже на балкон ко мне залез (!!!). Он так настойчиво добивался этого просмотра, что я сломался и назначил «творческую встречу» после одного из наших спектаклей во Дворце культуры Тракторного завода.

Надо сказать, что просмотр нового артиста — это всегда очень нервное и непростое дело. Представьте себе, как несколько месяцев этот самый артист готовится к показу — учит монологи, пишет фонограммы с песнями, репетирует, если надо, с партнерами… А потом, в пустом зале, без зрительской реакции, перед артистами и режиссером театра надо показать все, что ты умеешь. А в нашем варианте (после выступления) рабочие, стуча

молотками, разбирали декорации, уборщица подметала сцену, а вахтер дворца поторапливал нас, чтобы закрыть зрительный зал… Да и все мы, уставшие после спектакля, хотели только одного — скорее уйти домой… И вот в такой «дружеской и теплой» атмосфере на сцену вышел Комиссаров…

Если читатель думает, что следующая фраза будет примерно такой — «на сцену вышел Комиссаров и покорил нас своим искусством…», имея в виду то, что я, в начале этой главы, написал о звонке, «перевернувшем жизнь «Христофора», он глубоко ошибается. Комиссаров не только не покорил нас своими пародиями и монологами (они были непохожими и скучными), а наоборот, мы еще раз убедились, что одним бездарным артистом, пробующимся в «Христофор», стало больше… Сам Комиссаров тоже понял, что его показ был почти провальным и выложил свой последний козырь: «А я еще пишу сценки…» — и протянул мне два смятых листочка…

Если же читатель опять думает, что именно с этого-то момента и начался новый этап жизни «Христофора», то он тоже ошибается. О новом этапе еще ничего не говорило. Хотя мечты такие были. Дело в том, что любой артист эстрады (разговорного жанра) скажет вам, что самое главное в нашем искусстве — это текст. Без текстов Полякова не было бы Райкина, без текстов Жванецкого не было бы Карцева и Ильченко, без текстов Перцова не было бы «Христофора» и «Кроликов». Лион Измайлов, Семен Альтов, Виктор Коклюшкин, Анатолий Трушкин, Сергей Кондратьев и другие авторы являются «крестными отцами» Геннадия Хазанова, Ефима Шифрина, Клары Новиковой, Владимира Винокура, Евгения Петросяна, Михаила Евдокимова и многих, многих других известных и любимых артистов.

После ухода Перцова мы несколько лет еще держались на плаву, играя старые программы, делая номера и целые спектакли из анекдотов, но сами прекрасно понимали, что без своего автора долго не протянем. А в Беларуси, да и в России авторов, пишущих не монологи для артистов-одиночек, а сценки для эстрадных театров, не было. Об этом мы знали не понаслышке. Будущее театра вырисовывалось мрачным и безрадостным… Другими словами, первая фраза, написанная в Библии, — вначале было Слово, — воспринималось нами в прямом, а не в переносном смысле.

Но, к делу. Прекрасно понимая, что на листочках, которые мне подсунул Комиссаров, написана очередная туфта, которую нам почти каждый месяц приносят доморощенные авторы, я сунул их в карман и уехал домой…

Через пару дней раздался звонок и до боли знакомый и

противный голос произнес:

— Евгений Анатольевич, это Комиссаров, вы прочитали мои сценки?

Я аж скривился, как от зубной боли.

— Да вот как раз собираюсь сейчас их почитать, — соврал я, не задумываясь. Пошарив в карманах, я нашел два смятых, порванных и засаленных листочка…

И вот как раз тут и следует поставить фразу о начале новой жизни «Христофора», потому что прочтя несколько первых фраз я понял, что наша многолетняя мечта о своем авторе может вот-вот сбыться.

Нет, это не были тексты уровня Жванецкого или Задорнова… Это… Это было лучше. Здесь был своеобразный, ни на что не похожий стиль, а самое главное, это были сценки, а не монологи и было просто очень смешно…

Вот так началась совместная работа с Сережей Комисаровым, который вырастал как артист и автор прямо на глазах. Его номера проверялись в наших программах, переделывались, переписывались и становились сценками, из которых складывались целые эстрадные программы — «Постой паровоз», «Хоть стой, хоть падай» и другие. Именно с его номерами мы, в конце концов, попали на российские телеканалы… Опять начались аншлаги и приглашения, что и стало новым этапом в многострадальной христофоровской жизни.

Но у Сергея Аркадьевича (как начали его называть в театре, хоть он и моложе всех) были и болевые точки, которые мешали и ему, и «Христофору». Уж больно любил он погулять на полную катушку. Десятки историй, в которые он попадал по пьянке, потерянные телефоны, украденные у него деньги, фингалы и выбитые зубы, отобранные права… А уж гусарство с женщинами — это вообще отдельная история. Сегодня таких «Ромео» днем с огнем не сыщешь. Почему Ромео в кавычках? Да потому что все эти подвиги Сергей делает не постоянно, а только во влюбленном состоянии, а оно не бывает частым ни у кого. Но картина, бывает, достойна пера какого-нибудь великого художника. Представьте — в три часа ночи к театральной общаге подъезжает такси. Таксист, сам ошалевший от такой миссии, стучит в дверь комнаты возлюбленной Сергея Аркадьевича. И сонной, ничего не понимающей избраннице, вручает… золотое кольцо с бриллиантом. В другой раз другой «Джульетте» таксист вручает самый дорогой сотовый телефон долларов этак за 400–500 или супердорогие итальянские сапожки, или золотой браслет…

А стога цветов, отвезенных таксистами белорусским красавицам от него, об этом и говорить нечего. У минских

таксистов о Сергее ходят легенды и на его фотографию молятся руководители таксопарков, так как он всегда помогает им выполнить и перевыполнить план. Правда, после таких красивых сцен у Сергея Аркадьевича порой даже на пакет молока не хватает, но что поделаешь — искусство любви требует жертв.

Но… талантлив, зараза. Прямо какой-то юмористический Есенин. Ой, а зовут его, кстати, тоже ведь Сергеем. Главное, чтоб не закончил по-есенински… Но, слава Богу, помаленьку все это уходит в прошлое, Сергей в свои тридцать с небольшим начинает «взрослеть», и есть надежда, что из него вырастет большой артист, большой автор, и когда-нибудь, лет этак через 40–50, он станет главным режиссером театра «Христофор». А почему бы и нет…

Как-то Сергей с однокурсником решили разыграть своих однокурсниц. Они загрузили в один из лифтов Академии культуры стол вместе со стулом, благо лифты там огромные, и проделать эту операцию не составляло особого труда. Сергей усаживался за стол, а однокурсник в это время поднимался на несколько этажей выше, где «кучковались» однокурсницы. Вот что происходило дальше. Однокурсник стучался в дверь лифта, одновременно обращаясь к девчонкам, мол, не подскажете, Сергей Аркадьевич Комиссаров у себя в кабинете или нет? Девчонки, конечно же, в ответ покрутили пальцем у виска, а в это время двери лифта отворяются и открывалась такая картина: в лифте с умным видом за столом сидит Сергей и серьезным таким голосом говорит:

— Да-да, войдите, вы, голубчик, по какому вопросу?

Чувство юмора у Сергея отменное: он практически мгновенно может пошутить или обыграть любую ситуацию. И не раз это чувство помогало ему и иногда даже спасало. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Однажды с товарищем он возвращался из гостей. В 7 утра. Настроение веселое. А народ-богатырь даже не догадывался, что с ним в переполненном автобусе едет будущий автор и артист театра «Христофор». Народ был полусонный, озлобленный, нервный и мрачный. Дело было зимой, все были в шубах и пальто, протиснуться невозможно, дышать нечем. Сергея с приятелем разбросало в разные стороны — один у задней двери, другой ближе к середке. Так как они были чуть-чуть навеселе, то стали прикалываться друг над другом. Их шутки не вызвали никакой положительной реакции, а наоборот, кто-то из пассажиров предложил им «заткнуться по-хорошему»… Но парочка не унималась. А надо сказать, что это происходило в то время,

когда инфляция «съедала» всю нашу зарплату, доллар рос каждый час, люди нищали прямо на глазах. И вот в такой тяжелой атмосфере (в прямом и переносном смысле) наша парочка веселилась от души… Рабочий класс, ехавший на свои заводы и фабрики, с классовой ненавистью смотрел на двух молодых «буржуинов» (а надо сказать, что Сергей всегда хорошо и модно одевается), в семь утра веселящихся в автобусе. Тучи сгущались с каждой секундой. Уже несколько человек предложило выкинуть молодчиков из автобуса… Сергей, было, притих на минуту, но все же не выдержал и с грустной интонацией громко сказал своему дружку:

— Ой, Семён, даже не знаю, что и делать-то, у меня всего 400$ осталось, как дожить до зарплаты… ума не приложу…

Что тут началось, я думаю описывать не надо. Кричали и матерились все — и дядьки, и тетки, и старики, и дети, и водитель в микрофон. Наши юмористы летели в сугробы прямо из открытых дверей автобуса, а вслед им летели их шапки и проклятья трудового народа…

У нас в ТЮЗе работает артист, о находчивости и огромном чувстве юмора которого ходят легенды. Фамилию его называть не буду, так как не знаю, останется ли он доволен, узнав, что я добавляю ему популярности таким образом. Пусть у него будет распространенное в литературе имя N.

Произошло это много лет назад. Сбылась давняя мечта N, и он купил автомобиль. Какой марки? Ну на какую мог рассчитывать у нас артист при его зарплате?! Конечно, «Запорожец». Зато новый, в то время как сейчас артисты и на подержанный вряд ли накопят с зарплаты.

Так вот, в один из ближайших выходных решил он обкатать обновку и поехал к родственникам в деревню за картошкой. Там его, разумеется, посадили за стол и начали угощать. А какое застолье в деревне обходится без выпивки? Хватало ее и на этот раз. Хотя гость был не большой любитель этого дела, да и за рулем ведь, но как он ни отнекивался, под давлением многочисленных родственников (должен же он обмыть машину!) ему все-таки пришлось пару раз рюмку пригубить.

Отобедав, N загрузил багажник картошкой и поехал домой. Сначала все шло хорошо, но на выезде из Молодечно у поста ГАИ ему подали сигнал милиционеры, требуя, чтобы он остановился. Вспомнив, что он употреблял алкоголь, N испугался. Опыта общения с работниками ГАИ у него еще не было, но он слышал, что за управление транспортом в нетрезвом виде карают строже всего. Что делать? И N решил удирать. Ударил, как говорят, «по

газам» и помчался по шоссе. Милиционеры сначала опешили, так как не ожидали такой наглости от «Запорожца», и позволили ему достаточно далеко от них оторваться, но потом бросились в погоню, решив, что это какой-то очень опасный рецидивист, раз отважился на столь отчаянный поступок.

А дорога от Молодечно до Минска (кто ездил, тот знает) почти все время идет вдоль железнодорожного полотна, по которому курсируют электрички. Когда водитель «Запорожца» увидел, что его настигают «гаишники» и что ему не уйти от них на своем "быстроходном авто», он резко повернул к остановке электрички, выскочил из машины, смешался с толпой на перроне, потом сел в вагон и уехал в Минск.

Добравшись домой, N позвонил в милицию, сообщил, что у него угнали автомобиль, и описал его приметы. Там его успокоили, сказав, что автомобиль уже найден, причем, в целости и сохранности.

Наутро N поехал в ГАИ, забрал «найденный» автомобиль и написал там огромное благодарственное письмо, пригласив заодно всех на свои спектакли. Позднее он узнал, что на основании его письма, участвовавшие в операции сотрудники милиции, были поощрены начальством. Так ко всеобщему удовольствию закончилась эта почти детективная история. Кстати, я был бы очень вам признателен, дорогие мои читатели, если бы вы меня правильно поняли и не подумали, будто я даю здесь рецепты ухода от милицейской погони. Боже упаси! Я хотел только привести пример находчивости одного из моих коллег. И все!

P.S. Представьте мое удивление, когда в передаче «Блеф-клуб» из Санкт-Петербурга я услышал эту же историю, только слегка подправленную, из уст Юрия Стоянова («Городок»). Естественно, он рассказывал ее от своего имени и утверждал, что она произошла именно с ним. Но чудес на свете не бывает.

Напрягшись, я вспомнил, что однажды, по пьянке, в Риге рассказал эту историю Илье Олейникову. А вот как о ней узнал Стоянов? Понятия не имею… Может они с Олейниковым знакомы?..

Евгений Анатольевич Крыжановский, или Моя семья

Актерская семья — это объект, достойный особого рассмотрения и даже исследования. Ведь актеры обычно не похожи на тех нормальных мам и пап, жен и мужей, которые приходят вечерами вовремя домой, занимаются хозяйственными делами, проводят выходные дни в кругу семьи, создают уют в квартире и бережно поддерживают огонь в семейном очаге. Кроме того, настоящие актеры чаще всего еще и «безрукие». Бывают, конечно, исключения, но обычно наличие у творческого человека хобби и желания активно заниматься посторонними по отношению к профессии делами свидетельствует, прежде всего, о неудовлетворенности и невостребованности таланта. У тех же, кто с головой ушел в работу, просто не хватает ни времени, ни сил, чтобы хорошо делать что-то еще. Но жить как-то надо, и в тех счастливых случаях, когда семейная лодка все-таки не разбилась о быт (а по разводам актеры прочно удерживают одно из первых мест), на жен ложится колоссальная дополнительная нагрузка

Я здесь, по понятным причинам, буду больше говорить о женах, но внимательные читательницы, надеюсь, смогут составить кое-какое представление и о мужьях.

В первый раз актеры женятся обычно еще в молодости, в студенческие годы, когда, кроме профессиональных, других забот почти нет (или еще можно их не замечать), поэтому основными критериями в выборе спутника жизни являются красота, талант, успех, умение ухаживать. Кажется, что вся жизнь вот так и будет проходить под аплодисменты публики. Но актеры не могут все время находиться на сцене или парить в небесах, приходится опускаться на землю, где будни длятся несравнимо дольше, чем праздники, а быт наш, сколько мы ни пытаемся облегчить его, становится все суровее и суровее. Добавьте сюда еще частые и длительные разлуки, вызванные гастролями, банкеты, презентации, куда редко приглашают с женами, и которые даже самый преданный супруг не всегда может игнорировать хотя бы из карьерных соображений. А какими иногда приходят мужья после банкетов, не мне вам рассказывать. Не каждое хрупкое и очаровательное создание способно выдержать такое резкое расхождение радужных планов и серой действительности, поэтому очень часто первый брак у актеров оказывается пробным.

Рабочий день артиста — а он обычно бывает ненамного короче суток — это постоянный стресс. Кто не верит, может

вспомнить, как он чувствовал себя (а выступать на людях приходилось хоть раз каждому) не только во время выступления, но и задолго до него, мысленно пытаясь представить и проиграть каждое его мгновение. Так вот, у артистов это происходит постоянно, и не надо думать, что с годами волнение проходит, наоборот, опытный артист все видит и чувствует значительно тоньше и глубже, чем новичок, поэтому оснований для переживаний у него еще больше, просто он лучше умеет их скрывать. Но из стресса ведь надо периодически выходить, как говорят — «разряжаться». А где и как это делать? Некоторые умудряются делать это на репетициях, срывая зло на коллегах, но большинство все приносит в семью, обрушивая на нее накопившиеся обиды и раздражение. В связи с этим мне бы очень хотелось, чтобы эта глава рассматривалась не только как дань уважения нашим, актерским, женам, но и как (не знаю, может быть, это слишком сильное слово) — покаяние.

Какое адское терпение надо иметь, чтобы все понять, выдержать и в очередной раз простить!

Малый театр едет на гастроли. В тамбуре у туалета стоит в ожидании знаменитая Варвара Массалитинова. Минут пятнадцать мается, а туалет все занят. Наконец, не выдерживает и могучим, низким голосом своим громко произносит: «Здесь стоит народная артистка РСФСР Массалитинова!» В ответ из-за двери раздается еще более мощный и низкий голос: «А здесь сидит народная артистка СССР Пашенная! Подождешь, Варька!»

Долгие годы в Малом театре шел спектакль «Незабываемый 1919–й». Его кульминацией была сцена, когда шпион Дэкс бросается к рубильнику, чтобы взорвать кронштадтские форты, а красный комиссар убивает его из револьвера. И надо же — однажды Комиссар выронил наган в оркестровую яму! Ситуация пиковая: Дэкс уже схватился за рубильник, а выстрела нет как нет! Шпион изо всех сил играет, что рубильник заржавел и не поддается. Комиссар орет: «Да я тебя… да я тебя щас!..» — и понимая, что долго это продолжаться не может, в отчаянии сдирает с ноги сапог и бросает в спину Дэкса. Получив удар в позвоночник, Шпион ахнул, отлип от рубильника, зашатался, повернулся к залу и обреченно прошептал: «А сапог-то отравлен!» Упал и умер. Занавес. Зал аплодировал стоя!!!

Но семья обычно состоит не только из жены и мужа, там часто бывают еще, как ни странно, и дети. Актерские дети окунаются в театральную атмосферу иногда буквально с пеленок,

известны случаи, и нередкие, когда их выносили на сцену в ролях сверстников еще в младенческом возрасте. Не проходят мимо внимания детей разговоры дома о театральных делах, о литературе, они видят профессию актера не только из зала, но и как бы изнутри, бывая на репетициях и даже на гастролях, присутствуя на сцене во время спектаклей. Вспоминаю, как много лет назад мои дочери Катя и Вера, будучи тогда еще малышками, увидели меня на сцене в купаловском театре в роли принца и громко прямо из зала стали кричать: «Папа! Папа!», чем здорово помогли мне расположить публику к себе. Через много лет этот «подвиг» повторила моя третья дочь Женька. Когда ей было годика четыре, она вместе с внучкой Лесного (они одногодки) Лаурой, взявшись за руки, вышли на сцену, так как им было, видите ли, не видно из-за кулис, что происходит на сцене…

Если родителям актерам негде оставить малышей, то они порой целыми днями находятся в театре, «пропитываясь» его воздухом и страстями. Неудивительно, что многие дети актеров сами начинают выступать на сцене, связав свою судьбу с профессией родителей. Примеров тому можно привести огромное количество, в случае наиболее выдающихся фамилий они на виду у всех. Иногда дети превосходят родителей, иногда — наоборот, уступают, не найдя в себе сил вырваться из тени родительской славы, но при всем при том я считаю, что для нашей профессии утверждение: «Природа отдыхает на детях гениев» — далеко не бесспорно.

Многие расценивают образование актерских (да и других творческих) династий как признак семейственности, осуждая их и наделяя таким правом лишь представителей рабочих профессий. Хорошо, что не все дети артистов разделяют эти убеждения, а то бы мы не могли сейчас наслаждаться блестящим талантом Константина Райкина, Сергея Юрского, Василия Ливанова, Никиты Михалкова и еще очень многих других популярнейших театральных и киношных «звезд».

Что касается моих дочерей, то я, зная все плюсы и минусы нашей профессии, не хотел бы видеть их актрисами, тем более, эстрадными. Даже для мужчин этот труд оказывается непосильно тяжелым, что уж говорить о женщинах. Мало кто из них может его выдержать. В любом театре очень много женщин, но главные роли играют всегда только две-три, остальные все — в массовках или эпизодах. Поэтому я рад, что моя старшая дочь Катя выбрала профессию журналиста, средняя Вера будет дизайнером по ландшафтам, а младшая Женька пока не определилась, хотя в детском ее «репертуаре» были профессии — моей жены, ГАИшницы, ветеринара, балерины, водителя осликов и т. д.

Сегодня она еще школьница, но ходит в знаменитый танцевальный ансамбль «Ровесник» и в кружок рисунка при ЖЭСе. И на сегодня ее высшее достижение, это выступление 9 мая перед Президентом во время парада и демонстрации. Надеюсь, что и ее минет судьба стать актрисой и испортить себе жизнь…

Моя сестра Ирина, несмотря на мои предостережения, тоже пыталась стать актрисой. В театральный институт поступить не смогла, окончила Минское культпросвет училище (кстати, одним из ее педагогов был Сергей Александров), а потом работала в театре в Гродно, но недолго, потому что при помощи традиционных театральных интриг и дрязг ее быстро оттуда выжили. Потом она устроилась заведующей клубом в одной из деревень под Минском, но местные Дон Жуаны чуть ли не каждую ночь пытались выломать дверь в доме бабки, у которой она жила, поэтому сестре пришлось уехать и оттуда, не дожидаясь, пока одна из их попыток увенчается успехом. Потом, сменив перед этим еще несколько мест, она работала помощником режиссера в театре им. Я. Купалы. Работа эта очень ответственная и тяжелая, помреж отвечает за все, что связано со спектаклем, начиная от декораций и кончая явкой актеров на репетиции, поэтому сестра вынуждена была первой приходить в театр и последней уходить. Потом по Интернету она познакомилась с одним датчанином, вышла за него замуж и уехала в Копенгаген, где и проживает под фамилией Тааруп по сей день в уютной двухкомнатной квартирке на берегу прекрасного озера, рядом с городским парком … Будете в Копенгагене, передавайте привет.

Среди моих жен актрис не было не потому, что я шарахался от них, а просто, видимо, не судьба. Первая жена Лена у меня была художницей, вторая Алла — библиотекарем, третья Тома — архитектор. Моя четвертая (она же и пятая) жена Аня — бухгалтер в знаменитом универсаме «Юбилейный».

Конечно же, у вас наверняка возник вопрос, а почему я так много женился и разводился? Трудно ответить коротко на этот вопрос, но если в двух словах — это жизнь. Женам артистов (особенно не знаменитых) нужно поставить памятник за их самоотдачу, терпение, понимание. Артисты — люди нервные, иногда обиженные, малообеспеченные, они мало что умеют в жизни, кроме своей профессии. Гастроли, съемки, банкеты, репетиции… На семью часто не хватает времени. Не всякая женщина это выдержит. Но я благодарен всем своим женам, за то, что они были со мной. Верили, любили, терпели. И если бы меня спросили, какая у меня самая заветная мечта, я бы ответил — гарем. Если бы я мог, то собрал бы всех своих жен в гарем и устроил им такую сладкую жизнь, что они бы простили меня за

все, что я им плохого сделал.

С моей четвертой-пятой женой Аней я познакомился, когда мне было 41, а ей всего 19… Я тогда был разведен и чувствовал себя очень плохо. Я ненавижу одиночество и просто его боюсь. Когда пил, то рецепт от одиночества был один — веселая компания, но так как я уже более пятнадцати лет как «завязал», то «на сухую» одиночество переносить было очень тяжело. И тут на моем пути встречается эта девчушка…

А надо сказать, что у взрослого мужчины всегда есть выбор — или взять в жены свою сверстницу или молоденькую девушку. И тот и другой варианты имеют и свои плюсы, и свои минусы. Когда ты берешь в жены опытную женщину, то она уже все знает и все умеет. Это плюс. Минус-то, что у нее уже сложившийся характер, она знает себе цену и стать вам одним целым довольно проблематично. Во втором варианте, беря молоденькую девушку, мужчина получает в руки пластилин, из которого он может вылепить все так, как ему надо. Это плюс. Но минус, это то, что на это могут уйти годы, а хороший результат никто не гарантирует. Да и часто бывает так, что не ты из нее лепишь, а она из тебя веревки вьет. Сколько солидных мужчин пропало из-за таких вот молоденьких…

Но в моем случае эта «лепка» удалась. Девять лет, живя в гражданском браке, я из девчонки с Юго-Запада лепил себе ту, которая мне нужна (как говорится — по образу и подобию), а когда понял, что это именно то, что мне нужно, взял да и женился на ней официально. История этой женитьбы даже попала в газеты, а московская программа «Что хочет женщина» с Еленой Яковлевой сняла о нас целую передачу… Вкратце суть такова. У Ани 4–го октября был день рождения. Как у большинства мужчин, у меня всегда возникают проблемы с подарками мамам, сестрам, женам, дочкам, тещам, теткам, свояченицам, племянницам, любовницам и сотрудницам. Цветы — банально, духи — привычно, деньги — прагматично. А я к тому же и артист, от меня ведь ждут чего-то оригинального… А надо сказать, что все мои жены никогда к друг другу не чувствовали никакой вражды. А чего враждовать, когда им всем так повезло в жизни — они встретили меня. Шучу. Так вот и Тома, и ее сестра Лида, и их мама (моя любимая теща Вера Борисовна) все наперебой уговаривали меня жениться на Ане официально. Мои старшие дочки были с ней в прекрасных отношениях, а младшая, Женька, та вообще была лучшей подружкой. Конечно, эти факты наверняка вызовут у многих удивление, но так вот все хорошо у меня сложилось. Так вот, подумал я подумал и решил, а что, возьму да и женюсь, тем

более, что в паспорте было еще немного свободного места… Да, заодно и на подарке сэкономлю… (Тоже шутка).

Ничего не говоря Ане, я стырил ее паспорт и за неделю до дня рождения приперся в ЗАГС. Заведующая чуть не упала:

— Крыжановский, вы опять? Сколько можно?!

Как я уговаривал бедную служительницу Гименея, рассказывать не буду, но, посвятив ее в свой «коварный» план, я убедил Лилию Евгеньевну, что такой оригинальный подарок сделает мою будущую избранницу счастливой, и она (заведующая) сдалась. Я от своего и Аниного имен написал два заявления, подделал подписи и сдал паспорта на регистрацию. Бракосочетание назначили, естественно, на 4–е октября…

Дома моя ни чего не подозревающая «невеста» вовсю готовилась к сдаче диплома (она заканчивала нархоз). 4–го октября у нее по странному совпадению был экзамен по экономике и я, хитрец этакий, сказал:

— Ань, а давай отметим сдачу экзамена и день рождения в ресторане.

Аня удивилась моему предложению, так как знала, что я не люблю ходить по ресторанам и всегда предпочитаю отмечать какие-нибудь события дома или на даче в тесном кругу. Но, подумав, согласилась. Ей тоже хотелось отметить день рождения «по-взрослому».

И вот, получив заслуженную «пятерку» на экзамене, Аня пришла к ресторану «Банана клуб», что в Старом городе. Я ждал ее, прохаживаясь возле ресторана с букетом цветов. В ЗАГСЕ, который находился в пяти метрах от ресторана, томились в засаде христофоровцы, мои дочери и две Анины подружки, которых я, дабы не разболтали, предупредил о свадьбе лишь за пару часов до события. Ничего не подозревающая Аня появилась ровно в назначенное время. Я поздравил ее со сдачей экзамена и днем рождения, и мы вошли в ресторан. В это же время мой товарищ Саша Хомич, следивший за нами из ЗАГСА, вошел вслед за нами и сильно «удивившись» нашей с ним встрече, пригласил нас на якобы его роспись в ЗАГС (а Саша тоже много лет живет со своей Таней в гражданском браке). И даже попросил нас быть свидетелями. Я посмотрел на часы и сказал, что в принципе пару минут у нас есть, и мы двинулись в ЗАГС. Когда Аня вошла туда и увидела всех наших, то все равно ни о чем не догадалась, так как ее подружек мы упрятали в зале росписи за портьерами, а мои друзья были и друзьями Саши Хомича. Мы всей толпой вошли в зал и заведующая, произнесла полагающийся текст. Только почему-то вместо имен Саши и Тани она назвала наши. Аня очень удивленно посмотрела на нее, но в глазах уже появилось что-то очень странное… В это

время был задан сакраментальный вопрос:

— Анна Ивановна, желаете ли вы взять в мужья Евгения Анатольевича?

Из-за портьер вышли Анины подружки и… Аня грохнулась в обморок. Потом я уже получил за этот сюрприз по мордасам, потом уже были слезы радости и слезы горя — а как же без подвенечного платья!!! Все это было потом, а сейчас нас расписали, и мы всей гогочущей толпой направились в ресторан, где нас ждал накрытый стол…

Таким образом, моя четвертая гражданская жена стала моей пятой законной.

Говорят, если в семье рождаются только девочки — это верный признак того, что муж — настоящий мужчина. Не знаю, насколько это верно (хотя и полностью поддерживаю), но в таком случае это еще раз подтверждает, что в «Христофоре» кадровая работа ведется правильно. Судите сами: у Александрова было две дочери, у Лесного и Вергунова — по одной, плюс три внучки на двоих, у меня тоже три дочки, у нашего звукооператора Дениса тоже дочка, у рабочего сцены Николая — дочка, у костюмера Валентины Николаевны — дочка… А если подсчитать мам, жен и тещ, то можете представить, с каким удовольствием мы на 8 марта смываемся из Минска на гастроли. И это уже традиция. Только Толя Длусский в этом филигранном деле «подкачал». Но я знаю точно, что они с Викой давно уже мечтают о дочке… Что ж, подождем-с.

Несмотря на нашу популярность и славу, семьи наши живут совсем не припеваючи. У нас ведь работа сезонная. С сентября по апрель мы собираем полные залы и в Минске, и за его пределами, но с мая по август включительно мы сидим практически без работы. Каникулы, отпуска, а главное — дачи, делают работу всех театров в летнее время просто бесполезными. Конечно, пару сотен человек в Минске придут на наши программы с удовольствием, но огромнейшая аренда и налоги «заберут» все доходы. У нас был случай, когда мы после выступления остались должны государству по пятьдесят тысяч каждый… Кроме всех перечисленных минусов нашей жизни есть еще и постоянное напряжение из-за отсутствия своего собственного здания (я уже писал о репетициях в парках), которое не дает нам возможности почувствовать себя хозяевами своего театра полностью.

Но, тем не менее, все же плюсов тоже не мало. Это и популярность, и хорошие гастроли, и российская раскрутка, которая, в конце концов, принесет и финансовый успех. Это то, что наш театр знают не только в Беларуси, но и за ее пределами.

Русскоязычные граждане США, Германии, Израиля и других стран видели нас по спутниковому телевидению, и кое-откуда мы уже получили приглашения. Знакомства с самыми известными звездами эстрады тоже многое значат. И хотя жизнь наших жен и детей — далеко не сахар, но все они, несмотря ни на что, гордятся тем, что их мужья и папы — «христофоровцы».

Однажды, когда мы были в Голландии, произошел такой курьезный случай. Мы посетили с экскурсией один из заводов знаменитой фирмы «Филипс», и там нам сказали, что если мы хотим, то можем послать за счет фирмы открытки в любые страны мира. Это делалось, видимо, с целью рекламы, так как на этих очень красивых, кстати, открытках была и соответствующая рекламная информация. Я, разумеется, не преминул воспользоваться такой возможностью и отправил открытки по многим адресам (количество их не регламентировалось), в том числе и домой. Пусть, думаю, порадуются такому неожиданному привету. Когда мы вернулись в Минск, я быстро забыл об этом случае. Но где-то через месяц подбегает как-то ко мне моя старшая дочь и кричит:

— Папа, смотри, какой-то дядя прислал нам открытку из-за границы, и все имена наши знает!

Я посмотрел — это оказалась та самая открытка, которую я отправил из Голландии. Где она болталась больше месяца, не знаю, как не знаю, кого за это «благодарить» — наших или голландцев.

А вот еще одна история про артиста ТЮЗа N. Однажды ему поручили играть роль Ленина. Должен вам сказать, что когда актеру доверяли роль Ленина, то это не только означало признание его заслуг, но и являлось одним из последних шагов на пути к званию.

Гримировал N один из лучших у нас гримеров Александр Тонкий, мастерство которого признано было на самом высоком уровне. К слову, когда погиб П. М. Машеров, гримировать его перед похоронами поручили именно Александру. Все, причастные к работе над ролью Ленина, относились к ней очень серьезно. Кандидатуры исполнителей утверждались на уровне ЦК, на грим отводилось по нормативам не менее четырех часов, было много всяких других инструкций и указаний, невыполнение которых или даже отклонение от них считалось едва ли не преступлением и антисоветчиной. Поэтому, хотя спектакль начинался в 6 часов вечера, N должен был приезжать в театр где-то к двум часам, чтобы успеть загримироваться. А выходить на сцену ему нужно было только в самом конце спектакля, чтобы поздравить

ликующий народ с победой. То есть, по сути, его роль была не столько большой и сложной, сколько ответственной и утомительной.

И вот как-то примчался он в театр, не успев даже пообедать дома. Высидев положенные четыре часа в кресле у гримера, N почувствовал, что жутко хочет есть. Буфет в ТЮЗе в то время почему-то не работал, поэтому N решил сходить в ближайший ресторан, а это был «Неман» (теперь «Испанский куток») и перекусить. Времени у него было достаточно, так как спектакль с антрактом шел больше двух часов, а «дедушка Ленин», как я уже говорил, выходил на сцену только в самом его конце.

N надел пальто, нахлобучил на самые глаза шапку, укутался шарфом (дело было зимой) до носа и отправился в ресторан. Раздевшись, он сел за угловой столик спиной к залу и, прикрываясь рукой, подозвал официанта. Ничего не заподозривший официант принес ему ужин. Перекусив, N, разгоряченный праздничной атмосферой зала и царившим вокруг весельем, решил тоже позволить себе чуть-чуть вина. Он сделал один заказ, потом, посмотрев, что времени у него еще очень много, — другой, за ним, успокоив себя тем, что роль у него почти без слов, — третий.

В результате, уходя из ресторана, N начисто забыл все ленинские советы по конспирации. Можете себе представить реакцию сидевшей за столиками или танцевавшей под оркестр публики, когда вдруг из дальнего угла через весь зал спокойной походкой прошел Владимир Ильич. Музыканты перестали играть, стихли громкие разговоры за столиками, танцевавшие пары замерли — все провожали взглядами идущего человека. Многие даже не поняли, что это было: видение или живой человек. Когда дверь за N закрылась, долгая пауза еще продолжала висеть в зале.

Потом по городу поползли слухи, что вечерами по улицам и злачным местам бродит Ленин. То, что бродит призрак коммунизма, никого в ту пору не удивляло, а вот живой Ленин был в диковинку. Слухи быстро дошли до компетентных органов, были допрошены официанты и гардеробщик ресторана, которые подтвердили, что видели Ленина и даже вступали с ним в контакт. Не знаю как, да это и не так уж важно, дело для опытных сыщиков было, по-моему, не очень сложным, но N вычислили довольно быстро. Он не стал отпираться и рассказал честно, как все было. В итоге Ленина он больше никогда не играл и звания, на которое очень рассчитывал и которое было у него почти в руках, не получил.

Так не осуществилась еще одна мечта, связанная с именем Ленина.

Круиз

Несколько лет назад в СНГ ежегодно проводился фестиваль лучших авторских телевизионных программ «бархатный сезон». Сначала на первом этапе отбиралось около 200 программ со всех бывших республик СССР, а затем из их числа на втором этапе выбирались те, которые будут носить гордое звание лауреатов фестиваля. Наша программа 8 канала «Семь минут с «Христофором' на втором фестивале не только попала во второй этап, но едва не стала призером, подвела нас лишь наша не соответствующая современным стандартам видеотехника. Второй этап того фестиваля проходил на теплоходе, который спускался по Днепру от Киева до Черного моря. Представляли нашу программу на нем работники Минского кабельного телевидения во главе с Петром Черноморцем. Было, по их словам, безумно интересно, поэтому вернулись они домой довольные поездкой и гордые тем, что их (точнее наша) программа вошла в число лучших.

Когда через год программа «Семь минут с «Христофором» получила приглашение на второй этап и третьего фестиваля, мы восприняли это очень спокойно, потому что поехать туда не рассчитывали. Дело в том, что стоит поездка довольно дорого (в это раз предполагался круиз по Средиземному морю), и кто-то должен был вместо нас взять на себя ее оплату, ведь у нас таких денег, сами понимаете, не было и нет. Но Петр Черноморец к его чести, решил, что в делегации обязательно должны быть и те, кто программу создает (мы с ним не спорили), поэтому включил в списки четырех «христофоровцев» Ю. Лесного, А. Длусского, А. Вергунова и меня.

Путешествие было рассчитано на две недели, теплоход должен был выйти из Одессы, затем через Босфор и Дарданеллы попасть в Средиземное море, а по пути сделать остановки в Стамбуле, Афинах, Хайфе, зайти на острова Родос и Кипр и вернуться в Одессу. Маршрут сказочный, кто из нас в детстве не мечтал о таком. Почему только в детстве? Потому что, став взрослыми, мы становимся реалистами и перестаем мечтать о том, что нереально, сосредоточиваясь на целях, которые считаем достижимыми. А тут, представляете, сказка неожиданно пообещала сделаться былью. Я до последней минуты отъезда из Минска не переставал сомневаться в том, что мы попадем на борт корабля, поэтому дома не сказал своим об истинной цели поездки в Одессу, сославшись на якобы предполагавшиеся гастроли по городам Украины.

Собирались мы в бешеном темпе, тратя неимоверное количество нервов и сил. Нужно было, кроме вещей, подготовить уйму всяких документов, а времени оставалось в обрез. Последние необходимые бумажки мы получили за несколько часов до посадки в поезд. Гордые собой прибыли мы в Одессу, и вот тут-то, в порту, мы узнали, что такое настоящие проблемы с документами. То, что было в Минске, стало казаться нам мелким и несерьезным.

Посадки на теплоход «Леонид Собинов» ждали около тысячи человек. Только из Беларуси были представители нескольких минских телестудий, а также студий из Барановичей и Кобрина. Короче, тьма творческого народа. Шум, гам, неразбериха, все волнуются, снуют туда-сюда, еще больше возбуждая и себя, и окружающих. Все это мне напомнило сцены из кинофильмов о гражданской войне, когда показывали бегство белых из Крыма и посадку их на корабли. Мы, правда, не прыгали пока в воду и не лезли через перила, но, судя по настрою многих, были готовы и к этому. Наконец появились люди со списками и стали выкрикивать фамилии, чтобы разбить нас на группы и по группам уже заводить на борт теплохода. Никто, как и мы, не знал, в каком он списке, поэтому все бегали от группы к группе, стараясь не прозевать своей фамилии. Мы тоже сначала бегали, а потом сообразили, что легче каждому взять под контроль одну из групп и от нее уже не отходить.

Перекличка, формирование групп и посадка их на теплоход длились несколько часов. Ни в одну из групп мы почему-то не попали. От огромной толпы на берегу осталась лишь жалкая кучка — и мы не на шутку начали нервничать. Но вот ушли и последние из стоявших, а наших фамилий так никто и не выкрикнул. Мы насели на людей со списками, требуя объяснить, куда девались наши фамилии. Выяснилось, что в списках они есть, но на борт нас не пригласили, потому что нет документов, подтверждающих оплату нашей поездки. Цена путевки, к слову, была около 1000 долларов на человека. Тут мы вспомнили, что с нами должен был отправиться в круиз и Петр Черноморец, который задолго до нас выехал с женой и сотрудниками на своем автомобиле из Минска в Одессу и что все необходимые документы он вез с собой. По нашим расчетам, он давно уже должен был быть на месте. Страшные предположения стали обуревать нас. Авария? Разбойное нападение? Внезапная болезнь? Заторы на дорогах? Думая с ужасом о возможной трагической судьбе Черноморца и его спутников, мы не забывали о безрадостной перспективе, вырисовывавшейся и перед нами. Ведь многие наши знакомые знали, куда мы отправились, я даже в

интервью корреспондентам некоторых газет проболтался об этом. Представляете, какой позор ожидал нас после бесславного возвращения домой, сколько нам предстояло увидеть кривых усмешек и услышать злых шуток, особенно от недругов и тех, кто нам завидовал.

60–е годы. Театр Райкина в Англии — компания «Би-би-си» пригласила сниматься на телевидении. Часть миниатюр артисты вызубрили по-английски, в другие вмешивается переводчик, остроумно введенный Райкиным в ткань спектакля. График работы очень плотный, в середине дня один перерыв на обед. Обедать, по единогласному решению, все ездили в гостиницу: там каждый в своем номере кое-что клевал по мелочи, экономя каждую копеечку.

Вдруг однажды импресарио торжественно объявляет: «Сегодня, господа, вы не поедете в гостиницу, сегодня вы будете обедать здесь на «Би-би-си», в нашем ресторане!» Лица актеров вытягиваются, возникает мертвая пауза. Каждый стискивает в кармане потной ладошкой мизерные суточные, выданные на поездку Советской страной, понимая, что только на один обед их и хватит. Увидев окаменевшие физиономии, менеджеры заволновались: «Не беспокойтесь, господа: это лучший ресторан, прекрасная кухня, здесь обедают все звезды нашего искусства!» После этого состояние труппы приблизилось к обморочному, и все взоры обратились к мэтру. «Черт с ними, с деньгами, — прошипел Райкин, — позориться не будем! Заказывать все самое лучшее и дорогое! Вперед!» Все ринулись за столы. И только артист В. вдруг закричал, заскандалил: «Какого дьявола! Это личное дело каждого! Мне надо жене купить, дочери купить-чего я буду валюту тратить!» «Дурак, — ему говорят, — Райкин сказал «вперед!», значит «вперед!»» «Плевать! — стоял насмерть артист В. — надоело стадом быть! Никакой Райкин меня не заставит есть, если я не хочу!» Сел отдельно от всех и громко сказал официанту: «Уан ти! Один стакан чаю! И без сахара!» И еще пальцами показал для верности: сахару, мол, сыпать — не надо!..

Понесли еду. Но какую! Труппа пировала. Ясно было, что денег все равно не спасти, поэтому гуляли от пуза, как артисты умеют! Заморские вина рекой лились! При каждом новом блюде труппа громко обсуждала предполагаемые ощущения артиста В. с его чаем и жадностью. Обед закончился, принесли счет. Райкин взглянул, посчитал в уме, облегченно вздохнул: «Хватит!» — и сказал, сколько на каждого. Все полезли за деньгами, и тут вскочил импресарио. «Ноу, ноу, — заулыбался он и покачал пальцем, — импосибл: все за счет фирмы!» Грянуло русское «Ура!». На артиста

В., больше всех в труппе любившего выпить и пожрать, было жалко смотреть.

Перед тем как покинуть дом, я оставил на столе запечатанный конверт, на котором написал, когда жена должна была его вскрыть. В конверте было письмо, присланное мной якобы из Стамбула (по моим прикидкам, в момент вскрытия конверта я должен был находиться в этом городе), и в письме я уже подробно рассказывал домочадцам о предстоявшем путешествии. Забегая вперед, скажу, что эта шутка мне потом вышла боком, так как жена чуть не получила инфаркт. Нас на встречах со зрителями часто спрашивают, шутим ли мы дома. Бывает, но не раньше, чем заживут раны после предыдущих «шуток», вроде той, о которой я вам сейчас рассказал.

Неужели вечером нам придется выезжать обратно в Минск? Веселенькая была бы картинка: мои дома читают письмо из Стамбула, тут открывается дверь — и на пороге я сам собственной персоной. Почти как в анекдоте: вернулся муж из командировки на две недели раньше…

Мнения у нас разделились: одни предлагали ехать срочно на вокзал, чтобы успеть купить билеты, другие — подождать отплытия теплохода. Победили вторые. Видимо потому, что надежда умирает последней, тем более что до ее кончины, то есть до пяти часов — времени отправления теплохода — оставалось всего около часа.

Ждать отхода построенного в Англии красавца «Леонида Собинова» оказалось неимоверно тяжело. Мы не находили себе места и занятия на это время… Курящие Длусский и Вергунов дымили непрерывно, мы с Лесным пытались о чем-то говорить, но разговор не клеился. Я жалел о том, что уже год, как «завязал», и планировал в вагоне «развязать». Мы то собирались вчетвером в кучку и исподлобья бросали печальные взгляды на свою голубую мечту, то, едва передвигая ноги, начинали тупо бродить по набережной, проклиная вырывавшуюся из динамиков и бывшую явно неуместной в нашей ситуации бравурную музыку. Время, как всегда при ожидании, текло издевательски медленно. Но текло…

И вдруг где-то без четверти пять на набережной в сопровождении своей веселой компании появился сияющий Петр Черноморец. Целый и невредимый, как говорят, здоровей здорового. Не знаю, как отреагировали на его появление остальные, но у меня от неожиданности отказались выполнять свои основные обязанности ноги. Захотелось сесть. Несколько секунд ушло на то, чтобы взять себя в руки и подчинить своей воле ноги. Думаю, нечто подобное происходило сначала и с

моими друзьями, потому что бросились мы к Петру почти одновременно. Хотелось его убить, растерзать, обнять, расцеловать, выплеснуть на него все, что пришлось нам пережить, особенно за последний час.

Выяснилось, что Черноморец уже был в порту в этот день утром. Тогда он и узнал, что отправление теплохода задержится аж до 21–го, поэтому решил отомстить нам за все наши предыдущие розыгрыши — пойти погулять по Дерибасовской и вернуться в порт к пяти часам. Месть, конечно, он выбрал жестокую, хотя справедливости ради надо признать, что мы его тоже никогда не жалели. Например, во время своей передачи мы несколько раз всем, кто желал разместить у нас свою рекламу, давали домашний телефон Петра Владимировича, предлагали звонить и спрашивать Петю. Не нужно обладать очень богатым воображением, чтобы представить, какие «веселые» вечера бывали дома у Черноморца после этого. Получив на сей раз полное, почти как от дуэли, удовлетворение, Петр Владимирович быстро уладил все формальности, и мы, наконец, поднялись на еще недавно неприступный для нас борт теплохода.

Разместили нас в одной четырехместной каюте с иллюминатором. Мы разложили свои вещи, немного успокоились, отметили благополучное завершение первого этапа путешествия и стали ждать, когда отдадут концы. Ждать пришлось долго — до 12 часов ночи. И, что удивительно, хотя у всех в билетах было указано, что отправление в 17 часов, почти до самой последней минуты в иллюминатор было видно, как на борт спокойной походкой то по одному, то группками поднимались туристы со своими сумками и чемоданами. Интересно, они все знали об изменении времени отплытия или просто по житейскому опыту были уверены в нашем извечном бардаке и в том, что мы никогда не успеваем все сделать к сроку? Во всяком случае, погрузочные работы на теплоходе завершились практически одновременно с подъемом на борт последнего пассажира.

Первая ночь прошла у нас беспокойно, заснули поздно, а когда утром проснулись и поднялись на палубу — вокруг нас плескались волны Черного моря. Мы, как и все, отправились бродить по кораблю и выяснять, где что находится. Были обнаружены два ресторана, два бассейна, танцевальный зал, кинозалы, несколько баров — то есть все необходимое для шикарного отдыха тех, у кого есть для этого деньги. По пути мы увидели очень много приятных знакомых лиц: Ада Роговцева, Клара Лучко, Станислав Садальский, Роман Виктюк, Игорь Дмитриев, наши «Песняры» с Владимиром Мулявиным и многие, многие другие.

О красотах мест, где нам довелось побывать, я писать не буду. Во-первых, потому что об этом много написано до меня, во-вторых, вряд ли я смогу это сделать лучше других, тем более что сейчас каждый все может увидеть сам, например в «Непутевых заметках» Дмитрия Крылова. Расскажу лучше о некоторых веселых случаях и розыгрышах, участниками и инициаторами которых мы были.

Наш круиз был не просто развлекательным путешествием. На теплоходе все время шла напряженная работа: просмотры, встречи, семинары, презентации, концерты и прочие важные дела. Мы, помимо всего перечисленного, занимались еще съемками различных видеосюжетов для своей передачи «Семь минут с «Христофором».

На корабле был специальный стенд, на котором ежедневно с утра организаторами мероприятий вывешивались объявления о месте и времени их проведения. Все обитатели кают обязательно к этому стенду подходили, чтобы быть в курсе важнейших событий и правильно спланировать свой день.

Уже на второй день круиза мы, чувствуя на себе, в силу представляемого нами жанра, ответственность за нескучное прохождение путешествия, а также из врожденной шкодливости, решили разыграть почтенную публику. Трое отвлекли внимание стоявших возле стенда людей, а четвертый прикрепил к нему объявление следующего содержания: «Сегодня в 17–00 в баре «Цветок» начнется встреча с режиссером Романом Виктюком и писателем Владимиром Войновичем. В программе: современные частушки и чечетка». Виктюк известен своими оригинальными, экстравагантными режиссерскими решениями, о бывшем диссиденте и правозащитнике Войновиче все знают по его веселым, язвительным произведениям, но в жизни он человек серьезный и солидный. Амплуа, в котором они «собирались» выступить на этот раз, было настолько необычным и не свойственным им, что вызвало неподдельный интерес даже у такой пресыщенной публики, каковой являлись пассажиры нашего корабля. Некоторые, наиболее практичные, зная, что бар невелик и не сможет вместить всех желающих, ходили бронировать места заранее.

Ничего не подозревавшие Виктюк и Войнович в это время безмятежно загорали, лежа в шезлонгах, и с недоумением поглядывали на многозначительные улыбки и лукавые подмигивания начавших концентрироваться возле них отдыхающих. Когда же Ада Роговцева сказала: «Молодцы, молодцы. Не знала, что вы еще и на такое способны», — они потребовали у нее объяснить, на что она намекает, потом

помчались к стенду и через несколько минут вернулись улыбающиеся с нашим объявлением в руках Розыгрыш им понравился, они даже объявили, что наградят призом того, кто это придумал, но мы решили «проявить скромность» и не признались, хотя по судовому радио потом еще несколько раз повторялось сообщение, что приз ждет автора розыгрыша. Нам было не до того, мы уже готовились к следующим «операциям» и ради сиюминутной «славы» не могли рисковать их успешным проведением.

На подходе к греческому порту Пирей мы обратили внимание на огромную толпу встречавших наш корабль. Создавалось впечатление, что у каждого из пассажиров было в этом городе как минимум по десятку родных или знакомых. Некоторые из них начали нас сопровождать на своих автомашинах задолго до прихода теплохода в порт. Они ехали вдоль берега, приветливо махали нам руками и что-то все время кричали. Народ все прибывал, чувствовалось, что последствия 13 подвига Геракла для страны даром не прошли.

Когда мы обратились за разъяснениями к более опытным нашим спутникам, то узнали, что встречали нас в основном продавцы шуб. Оказывается, в Греции есть не только все, но еще и великолепные шубы. Сами греки их не носят по причине жаркого климата, зато охотно продают туристам, особенно нашим. Кстати, мех на этих шубах тоже наш, точнее из России.

Цены на шубы в Пирее существенно ниже, чем в других городах и странах, но шуба — это все-таки шуба, и как бы ни была сравнительно низка ее цена, нам такая роскошная вещь была не по карману. Я, например, взял с собой в дорогу 200 долларов, около этого — Длусский и Лесной, а Вергунов — вообще 130. Таможенник в Одессе, когда увидел, какую сумму Шура вписал в декларацию, естественно, усомнился в его искренности и «шмонал» багаж Вергунова более получаса. Только узнав, что Шура — артист, он перестал искать «спрятанные миллионы», но, по-моему, так до конца и не поверил, что с подобной суммой можно отправляться в круиз по Средиземному морю. Вот почему интерес к встречавшим теплоход людям у нас сразу пропал, зато город, насколько мы смогли разглядеть его с высокого борта нашего корабля, понравился, и мы в числе первых, быстро пройдя пограничный контроль, сошли на берег.

День клонился к закату, поэтому мы, чтобы успеть побольше осмотреть, прибавили шагу и немного оторвались от основной группы. Первыми нас встретили продавцы шуб. «Шубы! Шубы! Шубы!» — неслось со всех сторон. Большинство продавцов неплохо изъяснялось по-русски, многие из них — потому, что были

выходцами из России. Нам протягивали визитки, приглашали съездить в магазин или на фабрику, показывали рекламные проспекты, хватали за руки, предлагали познакомиться. Наши попытки отказаться от покупки шуб по причине их ненадобности никого не убеждали, а сообщить публично о количестве валюты у нас мы постеснялись. Кто бывал бедным, но гордым — нас поймет. Нужно было что-то делать, потому что из-за натиска продавцов шуб наша экскурсия в город могла ограничиться территорией порта. План спасения родился неожиданно, оказавшись, как потом выяснилось, еще и отличным розыгрышем. Подняв руки вверх, я призвал всех к вниманию и громко сказал:

— Господа греки! У нас уже шубы есть, а больше нам не надо. Но сзади нас идет человек, запомните его фамилию — Садальский, он хочет купить много шуб.

В толпе зашелестело: «Садальский, Садальский». Все старались не забыть фамилии благодетеля. Мои друзья, как бы подтверждая точность информации, тоже громко повторили заветную фамилию. После этого интерес к нам резко пошел на убыль — и мы быстро выскользнули из огромной толпы, заметив, что основная группа туристов уже подходила к ней. Продавцы шуб, громко скандируя: «Садальский! Садальский!», приветствовали наших соотечественников. Объективно среди них были артисты поименитее Станислава Садальского, он и сам это наверняка знал, но толпа «почему-то» выделила именно его. Нужно было видеть в этот момент Станислава. Сначала он ничего не понял, остановился и прислушался, потом завертел головой во все стороны. Крики не только не прекращались, а даже усилились. Лицо Садальского озарилось смущенно-гордой улыбкой. Тысячи километров до родного города, иностранный порт, случайная толпа простых греков — и его узнали! А может быть, они даже пришли его встречать? Но кто им сообщил о его приезде? Не исключаю, что Садальский мог подумать такое, а возможно — и другое, не буду настаивать, но Станислав поднял руку и приветливо помахал. Толпа в ответ восторженно заревела. К Станиславу потянулись сотни рук, он попытался, было их все пожать, но быстро понял бессмысленность этой затеи. Греки совали ему свои визитки и рекламные проспекты, он, думая, что нужны его автографы, расписывался на всем, что попадало под руку. Тех, кто был к нему поближе, растроганный артист поначалу даже обнимал и целовал. Купаясь в бурном потоке всеобщего внимания, Станислав заметил, что, кроме его фамилии, собравшиеся постоянно повторяли еще одно слово: «Шубы!»

Потом Садальский рассказывал, что он решил, будто греки хотят подарить ему шубу, поэтому на все намеки по поводу шубы

одобрительно кивал головой. Это было его самой большой, роковой ошибкой…

Финала своего розыгрыша мы не видели. Мы понимали, что если кто-нибудь из толпы расскажет Садальскому о нашей роли в этой истории, то он под горячую руку может решиться и на убийство. Не исключалось, что попытается нас растерзать и одураченная, разъяренная толпа, поэтому мы, «взяв ноги в руки», помчались в город, вспомнив, весьма кстати, что очень хотели посмотреть его достопримечательности. На теплоход мы вернулись поздно ночью, видимо, самыми последними. Утром нам рассказали, что весь вечер по кораблю в рваной рубахе и с кровоподтеком на лице бродил Садальский и просил помочь ему найти подонков, которые так жестоко его подставили. Но мы и на этот раз «проявили скромность».

После завтрака нас повезли на автобусах на экскурсию в Афины. Акрополь произвел огромное впечатление. Мы благодарили судьбу за то, что она дала нам возможность посмотреть такое. Видимо, не одних нас он так восхитил своей красотой, потому что, по словам экскурсовода, столько туристов тайно берет на память о посещении Акрополя по «древнему» его камню, что ради них приходится привозить по семь грузовиков таких камней из ближайших каменоломен ежедневно.

Следуя намеченному плану, мы решили одну из сцен для своей передачи снять у стен Парфенона. Надев тельняшки и бескозырки, мы с Вергуновым сели на один из огромных камней у подножия храма и стали резаться в «дурака» на деньги, а Лесной, спрятавшись с видеокамерой за колонной, снимал нас. На Акрополе почти ежедневно снимают фильмы, в основном исторические, видал он всякое, но такое, думаю, — впервые. Представьте себе картину: два морячка, не обращая внимания на снующие вокруг толпы туристов со всего мира, самозабвенно лупят картами по камню. С выпученными глазами, раскрасневшиеся от азарта мы размахивали руками, отбирали друг у друга деньги, били картами по носу и совершали другие, знакомые любому пьянчуге-картежнику действия. Те, кто нас видел, наверняка были уверены, что мы играем на полном серьезе. Вокруг было много людей с видеокамерами, так что, даже увидев Лесного, логичнее всего было подумать, что он, как и все, снимает красоты Акрополя, а не нас. Наше «святотатство» не могло не вызвать справедливого возмущения, в самый разгар «игры» к нам подошел охранник и вежливо, но твердо попросил перейти в другое место. Мы, как могли, показывая на Лесного, стали объяснять ему, что снимаем фильм. Охранник не сразу, но понял, улыбнулся и позволил нам отснять всю сцену до конца.

В один из дней круиза, согласно существующему на море закону, на теплоходе проводилась учебная тревога. Пассажиров в такой день знакомят с правилами поведения в случае крушения, показывают спасательные средства и учат обращению с ними. Все должны были надеть спасательные жилеты и собраться возле шлюпок на палубе. Для каждых пяти кают предназначена отдельная спасательная шлюпка, и планировалось, что члены команды будут учить пассажиров, как этими шлюпками правильно пользоваться. Когда такая учеба проводится для нормальных пассажиров, то вполне вероятно, что занятия проходят успешно. Для нашей же богемной вольницы не существовало никаких правил, поэтому, как и следовало ожидать, на занятия из пассажиров почти никто не явился. Увидев это, мы быстренько сбегали в свою каюту, надели тельняшки, спасательные жилеты, бескозырки и с песней «Врагу не сдается наш гордый «Варяг»… пошли на корму, где под южным солнцем нежились в шезлонгах или купались в бассейне наши попутчики. Там, поднявшись на самую высокую площадку, мы изобразили фигурную композицию, вроде той, что на памятнике погибшим морякам в Севастополе. Потом я громко обратился ко всем присутствующим.

— Товарищи! Друзья! Сокруизники! Вы проигнорировали учебную тревогу. Мы — единственные из пассажиров корабля, кто знает, что нужно делать, чтобы спасти себя в случае крушения. А оно в нашей стране, не мне вам рассказывать, ой как возможно. Поэтому, чтобы было потом что передать вашим родственникам на память о вас, предлагаю сдать нам на хранение драгоценности, валюту и прочие ценные вещи.

После этого мы опять запели «Варяга» и, сняв бескозырки, пошли с ними по кругу среди отдыхающих. Буря смеха и аплодисментов сопровождала наши действия, в шапки полетели шоколадки, пачки жевательной резинки, всякие безделушки и даже доллары. Так что мы не только вволю посмеялись, но еще и поживились.

Когда мы разыгрывали своих попутчиков, Шура Вергунов всегда участвовал в этом вместе с нами и поэтому был безопасен для нас самих, но зато в свободное от розыгрышей время он не забывал устраивать всякие мелкие пакости и нам. Я уже рассказывал в главе, ему посвященной, что иначе он не может, в этом состоит суть его существования. Вот почему, когда наше путешествие подходило к концу, мы решили как-то «отблагодарить» Шуру.

В Стамбуле на базаре я для мелкого срочного ремонта

одежды купил себе маленькую ручную швейную машинку на батарейках. Вещь эта в актерской жизни просто необходима. Чтобы ее опробовать, мы в качестве объекта испытания выбрали Вергунова, точнее его парадные белые брюки. Ночью, перед прибытием в Одессу, мы достали у него из сумки эти брюки, застрочили наглухо снизу обе штанины и в таком виде положили брюки обратно. Мы заранее рассчитали, что сойти на берег Шура захочет во всем блеске, обязательно решит их надеть — и вот тут-то… И даже если в Одессе ничего не получится, то уж в Минске, перед встречей с женой Ириной, он наверняка будет облачаться в свои любимые штаны.

Но в Одессу мы пришли рано утром, город еще спал — и Шура надел джинсы, что было логично, так как нужно было с вещами переезжать на железнодорожный вокзал и грузиться в вагон. В Минск наш поезд прибыл с опозданием, Шура высчитал, что Ирина в это время должна была находиться на работе и встречать его никак не могла, поэтому как был в джинсах, так в них домой и поехал. Мы, конечно, отметили с сожалением, что наш выстрел оказался холостым, и благополучно об этой истории забыли. А она имела самое неожиданное продолжение.

Прошло месяца два. Как-то Вергунов опоздал на репетицию, причем был чем-то очень расстроен. На наши недоуменные и сочувствующие взгляды он ответил:

— Понимаете, кто-то из моих женщин — имелись в виду жена и теща — в детство ударился. Взяли и зашили в брюках обе штанины. Пришлось сидеть распарывать. Сегодня вечером разберусь, чьих рук это дело.

Мы, как это услышали, так втроем одновременно и грохнули. Отсмеявшись, мы объяснили Шуре, что женщины его тут ни при чем, а просто это взорвалась наша «мина» — очень замедленного действия.

Вы, конечно, догадываетесь, что я рассказал в этой главе лишь о незначительной части забавных случаев, происшедших на нашем корабле. Если попытаться подробнее описать наше волшебное путешествие, то вполне может получиться отдельная книга, не уступающая (хотя бы длиной) «Войне и миру». Но это в мои планы пока не входит. Может быть, когда-нибудь потом…

Несколько лет назад, когда мы еще выступали в клубе им. Дзержинского, пришел к нам один минский бизнесмен и рассказал, что его товарищ, бывший артист ансамбля песни и пляски КБВО, ныне живущий в Новой Зеландии, приехал в Минск отбирать артистов для гастролей на его новой родине. Он, новозеландец, слышал много лестных отзывов о «Христофоре» и хочет поближе с

нами познакомиться, поэтому просит назначить ему, если мы не возражаем, время и место встречи. Мы, разумеется, не возражали и договорились, что встретимся через два дня прямо у нас в клубе в 9 часов утра, так как весь день у новоиспеченного иностранца день был расписан по минутам. В назначенный день мы приехали в клуб к 7 часам утра, повесили все кулисы, задники, вытащили на сцену фортепьяно, расставили декорации, переоделись сами, в отдельном кабинете накрыли сто, так как планировали, что после показа программы для надежности попотчуем гостя, и с половины девятого стали ждать.

К девяти пришел бизнесмен и сообщил, что товарищ его обо всем знает и скоро будет. Прошел час, потом второй, но никто не появился. Мы стали успокаивать себя тем, что его, видимо, задержали какие-то дела, потом бизнесмен вспомнил, что вроде новозеландец что-то говорил о телевидении. Это на какое-то время нас обнадежило, потому что все мы знали, что на телевидении постоянно бывают какие-нибудь накладки и задержки. Но прошел еще один час, время приближалось к обеду, ждать уже становилось невмоготу, а у нас все оставалось без изменений. Бизнесмен, чувствуя, что напряжение нарастает, тихонько сидел в стороне, втянув голову в плечи и опустив глаза. Вдруг Длусский вспомнил, что он должен кому-то позвонить. Так как клуб им. Дзержинского считался режимным учреждением, его телефонами нам пользоваться не разрешали, и Анатолию пришлось выйти к телефонам-автоматам на улицу. А в это время, на нашу беду, мимо проходил его знакомый музыкант — импозантный хорошо одетый мужчина. Анатолий, решив, что из нашего ожидания все равно ничего путного не выйдет, надумал нас разыграть. Он все объяснил своему знакомому и уговорил его изобразить перед нами новозеландца…

Мы к тому времени уже окончательно потеряли надежду и собирались разбирать декорации. И тут в зал вбегает Длусский, а он у нас слывет человеком серьезным, поэтому ему все сразу поверили, и кричит:

— Ребята, по-моему, это он пришел. Там какой-то мужик нас спрашивает.

Мы выскочили в фойе и видим: стоит солидный мужчина в дорогом пальто, с бабочкой(!), короче говоря — вылитый иностранец. Проводив его в зал, мы начали представление. Гостю все очень нравилось, он от души смеялся и веселился, да и мы старались изо всех сил, но через некоторое время «новозеландец» вдруг встал, извинился, поблагодарил нас и ушел. Не знаю, почему он покинул зал так быстро, может быть, в самом деле, куда-то торопился, но, скорее всего, просто боялся, что если раскроется

обман, то ему не поздоровится. Мы же сначала растерянно переглянулись, а потом все свои вопросы адресовали все еще сидевшему в зале бизнесмену. Но он нам ответил, что это был совсем не его друг и что молчал он, так как думал, что это мы взамен нашли какого-то другого иностранца…

Тут уж наше положение стало воистину тупиковым. Вывел всех из него дикий хохот Длусского, корчившегося сзади нас от смеха и едва не катавшегося по полу. Пока он приходил в себя, мы вспомнили, что Анатолий почему-то своих песен не пел. Получилось это случайно или они так договорились с другом, не знаю, но когда Длусский рассказал нам о своем розыгрыше, мы вначале чуть было не линчевали его (и тогда никто больше не услышал бы его новых песен), но потом, хоть и с трудом, взяв себя в руки, прокрутили в голове, как все происходило, оценили свое нетерпение и наивное желание любой ценой попасть за границу и стали хохотать тоже. Немного успокоившись, мы вспомнили, что нас уже заждался сервированный стол, и еще больше приободрились. К обеду настроение поднялось у всех, а Длусский был не только окончательно прощен, но и снова стал всеобщим любимцем.

А что же новозеландец? Назавтра он позвонил, долго извинялся — как выяснилось, не пришел он по причине вполне уважительной и от него, вроде, не зависевшей, и еще раз попросил о встрече. Но у нас уже прошел к тому времени приступ детской болезни «полетов в мечтах», поэтому без сожаления мы послали своего искусителя далеко далеко, аж за Новую Зеландию… Кстати, потом мы узнали, что никто из минских коллективов, которые он отсматривал, так в эту загадочную страну и не поехал. Почему? А фиг его знает.

Валентина Николаевна Кармазинова, наш костюмер и реквизитор, женщина очень и очень ответственная. На ней лежит большая ответственность — обеспечить наших артистов реквизитом, то есть всем тем, что может понадобиться на сцене. Кроме этого, она «заведует» чистыми рубашками, выглаженными костюмами, бабочками, майками, юбками, носками, туфлями, сапогами и т. д. и т. п. Она должна держать в голове все наши программы, а их ведь около двадцати. Каждая программа обычно состоит из 10–12 миниатюр. И в каждой миниатюре — куча предметов: папки, телефоны, зачетки, стетоскопы, очки, пистолеты, авторучки… Всего невозможно и перечислить, не то что запомнить. У Валентины Николаевны все это «богатство» записано на каких-то бумажках, в каких-то записных книжках, которые она регулярно теряет и заводит заново. Кроме этого,

наша «тетя Валя» очень доверчивая и немного забывчивая женщина, чем постоянно и пользуются христофоровцы, любящие кого-нибудь разыгрывать. Особенно это касается опять же Шуры Вергунова и Сережи Комиссарова. Обычно с серьезными лицами они заходят в гримерку перед спектаклем и начинают примерно такой диалог:

— Сегодня в новом номере, когда будешь снимать мантию, не забудь поднять посох и взять корону…

Валентина Николаевна, услышав про корону и мантию, которых у нас в реквизите отродясь не было, сразу же начинает нервничать, так как она же отвечает за все костюмы и реквизит, и за их отсутствие ей будет нагоняй.

— Какие посох и корона? — спрашивает она у наших проказников.

Те делают удивленные лица.

— Как какие? Вам что, Крыжановский разве не говорил? Мы же сегодня новый номер показываем, «Прятки» называется… Там еще и барабан нужен…

Бедная Валентина Николаевна, в сотый раз попавшись на эту удочку, выскакивает в коридор и с надеждой спрашивает у Володьки Воронкова:

— Вова, а что это за новый номер сегодня будет?

И подлец Воронков, мгновенно сориентировавшись, не моргнув глазом отвечает:

— А что, вы разве не знаете? Сегодня для «Аншлага» записываем новый номер, я там еще в немецкой каске выхожу…

У несчастной Валентины Николаевны глаза лезут на лоб. Мало того, что у нее ничего из перечисленных вещей нет, так еще, оказывается, этот номер пишут на видео для «Аншлага», а это уже очень серьезно, тут не должно быть ни малейшего прокола! У нее начинается тихая истерика:

— Где же я это все возьму? — чуть не плача спрашивает она.

— Ничего не знаем, — отвечают «добрые» христофоровцы, — вам же Крыжановский вчера сам звонил и предупредил.

— Что-о — о?! Мне никто вчера не звонил, меня вообще вчера дома не было.

— А почему из-за вашего отсутствия должен страдать театр и срываться запись номера, — подливает масла в огонь кто-нибудь из прикольщиков. Убитая горем Валентина Николаевна, захлебываясь в слезах, несется в костюмерную ансамбля «Ровесник», в котором она уже много лет параллельно с «Христофором» работает костюмером, в надежде найти там чего-нибудь подходящее для нового номера и сталкивается с Крыжановским, который, выслушав ее стенания, с доброй улыбкой

и честными глазами говорит:

— Валентина Николаевна, ну что вы, не знаете что ли наших юмористов? Они элементарно вас разыгрывают, а вы верите… Во-первых, номер называется не «Прятки», а «Кузнечики», во-вторых, пишем мы его не для «Аншлага», а для «Смехопанорамы», в-третьих, никаких посохов и корон там нет, а всего три фрака и красные розы… семь штук…

Валентина Николаевна, сползая по стене, тихо стонет:

— Где ж я вам возьму фраки и розы?..

И только вмешательство директора нашего театра Юрия Лесного все расставляет на свои места. Но буквально на следующем спектакле все начинается сызнова…

Чем «Камеди клаб» отличается от Юрия Никулина

Последнее время одним из постоянных вопросов, задаваемых журналистами — «Почему ваш театр называется «Христофор»? или «Почему у вас в театре работают одни мужчины?», или «Откуда вы берёте сюжеты для вашего юмора?», стал вопрос — «Как вы относитесь к «Камеди клабу»? То есть журналисты хотят понять есть ли война между «старым» и «новым» юмором. Воюет ли «Камеди клаб» с КВНом против «Аншлага» со «Смехопанорамой». Вопрос конечно интересный. И ответить однозначно на него непросто. В КВНе постоянно шутят (иногда и обидно) над Дубовицкой и Петросяном, над их передачами и артистами. Однажды дело чуть не дошло до суда, когда Евгения Вагановича обвинили в воровстве шуток у КВНа. Безусловно, стойкая нелюбовь звёзд разговорного жанра, к «выскочкам» молодёжного юмора тоже существует, но я хочу сейчас поразмышлять о другом.

Как-то давным-давно выступали мы в Москве в Центральном Доме работников искусств. Он только открылся после ремонта и нас пригласили, как поздравляющих от Белоруссии. Среди зрителей была в основном творческая интеллигенция и околотеатральная публика, а среди выступающих, весь цвет театральной и киношной Москвы. В гримёрке я сидел рядом с самим Иосифом Кобзоном, чем потом долго хвалился и врал о нашей вечной с ним дружбе… Перед нашим выходом на сцену мы повторили текст, и пошли за кулисы посмотреть на выступающих, всё же не каждый день работаешь рядом с легендами советского и российского искусства. Честно говоря, концерт был не очень. Как-то перегрузили его классикой и серьёзом. Публика вежливо хлопала свои любимчикам, а любимчики, честно говоря, сами томились от скучного действа. И тут я увидел Юрия Никулина. Юрий Владимирович, как всегда был весел и обаятелен. Он стоял рядом с Олегом Янковским и рассказывал ему какой-то анекдот. Вообще, говорили, что Юрий Никулин знал наизусть около 30.000 анекдотов — астрономическая цифра. Я недавно посчитал, что знаю наизусть около 900 анекдотов и то я этим горжусь как не знаю чем, а тут 30.000… И вот наступает черёд Юрия Владимировича выходить на сцену. Зал оживляется. И мы все за кулисами тоже понимаем, что скука наконец-то закончится. И действительно, Никулин вышел на сцену и сходу рассказал анекдот:

Сидит английский лорд у камина, читает вечернюю «Таймс». Звонит в звонок. Входит дворецкий.

— Что там за шум на улице, Джеймс.

— Демонстрация проституток, сэр.

— Они что, плохо живут?

— Да нет сэр, хорошо.

— Они что, плохо одеваются?

— Да нет, сэр, хорошо.

— Они что, мало зарабатывают?

— Да нет, сэр, они хорошо зарабатывают.

— Так чем же они тогда недовольны??

— Бляди, сэр.

Зал взорвался аплодисментами. Куда делась вся утончённость и эстетство присутствующих? Я специально не заменил слово на букву «Б», чтобы не было никакой двусмыслицы. Именно ЭТО слово и произнёс Великий актёр. Со сцены. И именно после этого атмосфера в Доме актёра кардинально изменилась, и вечер прошёл на «ура» (в том числе и наше выступление).

Но я хочу заметить, что это было сказано не перед миллионной телевизионной аудиторией, а перед парами сотен знающих друг друга людей. Это было сказано не для эпатажа, а потому, что «из песни слов не выкинешь» (попробуйте заменить ЭТО слово на другое и увидите, что анекдот станет не смешным). И, наконец, это была «разовая акция» и нужная на тот момент, а не постоянное смакование ругательств из программы в программу (тут не только «Камеди клаб» имеется ввиду, но и многие другие ему подобные телепередачи). И самое главное — право материться со сцены или с экрана (ну, бывает, что без этого нельзя обойтись), надо заслужить. Талантом, возрастом, зрительской любовью. И Юрий Владимирович имел на это право. А мальчишки, вчерашние школьники, каким-то чудом попавшие на экран и матюкающиеся на всю страну так же неприятны, как матерящиеся при всех в трамвае или на улице, подонки.

Не подумайте, что я сам из эстетствующей интеллигенции, отнюдь. И выпить не дурак, и матерный анекдот к месту (даже при женщинах) могу рассказать. И в своё время схлопотал 2 месяца исправительных работ (ну, подрался по пьянке с советским дружинником). Но знаю одно — люди на улице должны нас юмористов встречать доброй, а не брезгливой улыбкой.

Знаменитый фильм Эльдара Рязанова «С лёгким паром», который каждый год показывают 31го декабря по всем

телеканалам, свой главный сюжет «приобрёл» благодаря розыгрышу того же Никиты Богословского. Напоив до беспамятства в ресторане «Прага», что на Калининском проспекте, одного московского композитора NN, он с друзьями купил билеты на самолёт до Ленинграда, и вместе со спящим служителем муз через час прибыл в северную столицу. «Жертву» на такси привезли к знаменитому памятнику Петру (Медному всаднику) и, усадив на лавочку, спрятались в ближайших кустах, предварительно забрав у него все деньги и документы. А сам Богословский лично позвонил в ленинградский Союз композиторов и предупредил, что в Ленинграде объявился больной на голову человек, выдающий себя за композитора NN. Через какое-то время трезвеющий NN поднял голову и осоловевшими глазами уставился на Медного всадника… Что в этот момент происходило у него в голове одному Богу известно, но прячущаяся в кустах компания умирала со смеху. Композитор, поняв, что это какой-то страшный сон, опустил голову на грудь и снова «отрубился», но через минут пять он опять проснулся и, уже с ужасом, уставился на Великого Петра… Потом он стал оглядываться по сторонам. Поняв, что это не сон, а страшная явь, композитор на подкашивающихся ногах обошёл памятник и убедился, что всё это происходит на самом деле, а не в пьяном сне. Он похлопал себя по карманам, ища деньги или документы, но, обнаружив, что их при нём нет, вновь опустился на лавочку, обхватив голову руками. Компания в кустах просто угорала от смеха. Наконец NN решительно поднялся и нетвёрдой походкой прямиком отправился в Ленинградский Союз композиторов… Богословский с дружками крались сзади, прячась за угол при каждой остановке пошатывающегося композитора. Наконец усталый путешественник, распугивая прохожих своим видом и вопросом: — Скажите, как пройти к Союзу композиторов? добрался до заветной цели и прямиком направился в кабинет председателя Союза. — Здравствуйте, заплетающимся языком сказал он, — я московский композитор NN, не могли бы вы мне одолжить немного денег на билет до Москвы?

Ситуация один в один напоминала приход Шуры Балаганова, в образе сына лейтенанта Шмидта, к председателю исполкома города Удоева. Так как Председатель Союза ленинградских композиторов заранее был предупреждён Никитой Богословским о приходе больного на голову «самозванца», то он не раздумывая, вызвал неотложку из «психушки». И только когда дюжие санитары стали вязать бедного NN, Никита Богословский с друзьями и розыгрыш, в последствии обросший новыми «подробностями» и ставший по истине, легендой, закончился.

Так что Валдису Пельшу, с его «Розыгрышем» ещё расти и

расти…

Второе пришествие Регины

Несколько глав назад я уже упоминал о наших отношениях с Региной Дубовицкой и «Аншлагом». После выхода первого издания книги прошло много лет, многое изменилось, и сейчас просто необходимо внести изменения и в саму книгу и в наши отношения с Региной (и не только с ней).

В 2002 году мы решили снова попробовать восстановить контакты с Региной Дубовицкой и написали ей письмо, приложив к нему кассету с нашими номерами. И, к нашему удивлению, она вскоре перезвонила, вернее не она сама, а ее редактор: «Приезжайте на запись»… И с марта 2002 года начался «московский» этап жизни «Христофора».

Сама встреча с Региной после почти 15–летнего перерыва состоялась довольно буднично. Запись концерта была назначена на 19 часов в Олимпийской деревне. Мы там были уже с утра, съемочная группа прибыла к обеду, а сама Регина Дубовицкая приехала за 2 часа до начала. Дождавшись, пока она пообедает в буфете концертного зала, мы подошли к ней. Думаю, что она и не догадывалась о той боли, которую она когда-то причинила «Христофору». Разговор был чисто профессиональный — что нужно от нас и что взамен даст нам «Аншлаг». Я даже пошутил, что, мол, и жениться на ней могу, если что… Евгений Дубовицкий. Звучит. Но из того разговора мы поняли, что не все гладко в юмористическом королевстве. На наш вопрос, можно ли нам сниматься в других юмористических передачах, Регина ответила уклончиво, что, мол, нам надо заключить договор с культурным фондом «Артес», а уж он и будет решать судьбу наших номеров (куда и кому их отдавать). То есть, право «первой брачной ночи» оставалось за Региной… Потом ребята «аншлаговцы» по секрету нам объяснили, что между юмористами идет война, появились кланы, и начался передел «юмористической собственности». У каждого клана свои передачи и свои телеканалы, свои «армии» и свои «главнокомандующие». Например, у Петросяна на 1–м канале — «Смехопанорама», «Шутка за шуткой», «Кривое зеркало». У Регины Дубовицкой на РТР — «Аншлаг» и «Комната смеха» (плюс «Экзамен «Аншлага»). У Леона Измайлова — «Смешные люди», у Яна Арлазорова — «Кубок юмора», у Михаила Задорнова — «Юрмолина», свои передачи есть у поэта Вишневского, писателей-сатириков Трушкина, Арканова и т. д.

Кто начал эту войну? Как говорят французы — шерше ля фам (ищите женщину). Женщин, имеющих вес в юмористическом шоу-

бизнесе мало — сама Регина, жена Петросяна Елена Степаненко, Клара Новикова да, пожалуй, и все. Лена Воробей, Света Рыжкова и другие вряд ли могут начать «боевые действия» — «исшо молодыя». Но, в принципе, и не важно, кто начал войну, важно, какие последствия это несет. Для «Христофора» эти последствия стали просто катастрофическими. Почему? Потому что нам, как малораскрученным на российских каналах, нужно было выступать во всех юмористических программах. Это раньше — показали Шифрина с «Магдалиной» или Хазанова с «Кулинарным техникумом» — и утром они проснулись знаменитыми, а теперь на десятках телеканалов множество юмористических передач, и для настоящей раскрутки нужно во всех принимать участие и как можно чаще. А вот из-за этой войны такого варианта у нас не было. Нам сразу дали понять, что переход из клана в клан или съемки в «чужой» передаче считаются предательством, и назад пути уже не будет. Хотя известные артисты это делали, но «что позволено Юпитеру, то не позволено быку». К тому же, у Регины дела шли неплохо, а сам «Аншлаг» являлся этакой «кузницей кадров» для нашей эстрады, и тот, кто туда попадал, становился звездой в течение трех-четырех лет (Дроботенко, «Экс-ББ», Лукинский, Рыжкова, Гальцев, Ветров и др). Правда, ушли из «Аншлага» к Петросяну братья Пономаренко и «Кролики», но все равно, это была «фирмА», попав в которую мы надеялись занять достойное место на эстрадном Олимпе. Итак, мы решили полностью «отдаться» Регине…

«Обломы» начались почти сразу же. В спорте есть планка, вес или дистанция. А у нас, как мы считали, зрительский смех решает все. Но оказалось, что не смех, а вкус редакторов или самой Регины решал все. Из почти 40 (!!!) отрывков, высланных в «Аншлаг», отрывков, из которых состоят наши программы, из которых же состоит наш репертуар, отрывков, вызывающих сильнейший смех!.. так вот из 40 отрывков в «Аншлаг» взяли только 13… Их засняли в течение полутора лет и… положили на «полку». Изредка их показывали по РТР, но такой «массированной» раскрутки, которая делалась для других артистов, у нас почему-то не было.

Сама Регина Игоревна — человек очень властный, не по-женски жесткий, и разговоры на эту тему с ней не получались. Я вообще боялся ее, как огня, и когда мы встречались с ней где-либо, мне хотелось грохнуться на колени, ползти к ней крича: «Не вели казнить, вели слово молвить, юмористическая царица-матушка…» Кстати, когда она решила снять передачу о «Христофоре» и сказала нам об этом, то я так и сделал на виду у всей съемочной группы…

Она — самый настоящий трудоголик. Ложится спать в час ночи, встает в 7 утра, целыми днями репетирует, снимает, монтирует. Ее опыту и профессионализму можно только завидовать. Но, безусловно, у нее есть свои привязанности и любимые артисты, которых она «сделала» и которые обязаны ей по гроб жизни. К сожалению, мы в их число не попали. Может быть, пока?

Во время выступления в Курске на юбилее Винокура, мы в образе пионеров поздравляли Владимира Натановича. Если сказать, что мы выступили хорошо — это ничего не сказать. Все «аншлаговцы» валялись от смеха, сам Винокур вытирал слезы, Регина показала нам большой палец, мол, молодцы… После выступления мы окрыленные стояли рядом со сценой, принимали поздравления и радовались своему успеху. Мимо проходит сам Владимир Натанович и говорит: «Молодцы, ребята. Вот тут все говорят, что говно, а мне понравилось… молодцы».

Итак, несмотря на то, что наши номера пользовались у зрителя «Аншлага» успехом, показывали их редко. А новые номера, которые мы высылали, или вовсе не принимались, или редактировались до неузнаваемости. А если учитывать, что записывается «Аншлаг» раз в 2–3 месяца, то непопадание на съемки «отбрасывало» нас от российского зрителя (и телезрителя) на длительное время…

В это время по Интернету мне пришло письмо от Евгения Петросяна, в котором предлагалось сняться у него в «Смехопанораме» к 10–летию передачи… Что делать? Откликнуться и навлечь на себя гнев Регины, потерять «Аншлаг»? Или плюнуть на все и «начать новую жизнь»? Но ведь на «Аншлаг» «потрачено» уже почти полтора года… Короче, мы три месяца «отбивались» от предложения Евгения Вагановича, затягивали переговорный процесс и готовились к Черноморскому круизу с «Аншлагом». О том, что мы едем в этот круиз, мы знали и от артистов, которые видели нас в списках участников, и от одного из руководителей программы. Но каково же было наше удивление и недоумение, когда узнали решение Регины, что ни в какой круиз мы не едем. Это был удар… И это была последняя капля…

К этому времени все программы Петросяна уже «перешли» с Первого канала (ОРТ) на РТР и потеснили Регинины. С эфира сняли «Экзамен Аншлага», «Бочку меда», а сам «Аншлаг» критиковали и в печати, и в Интернете, и по телевидению. Даже российский министр культуры высказал свое отрицательное мнение насчет передачи. «Аншлаг» стал выходить в новом

формате и реже, чем прежде. Конечно же, мы в него опять не попадали…

Поэтому с осени 2004 года мы начали сниматься и у Измайлова, и у Петросяна, и у других известных юмористов. Но, самое главное, вся Регинина «гвардия» также начала сниматься у «конкурентов». Это был конец «юмористической войны», которая вредила не только нам, не только другим артистам, но и зрителю… А с Региной Игоревной у нас остались хорошие деловые отношения, тем более, что она все же приглашает нас на съемки. Иногда…

Эта «полудетективная» история произошла па фестивале «Море смеха–95» в Риге. Конкурсанты и члены жюри ежедневно принимали участие в больших концертах, которые проходили в Рижском цирке. Нас было так много, что на всех, кроме М.М. Жванецкого, персональных гримерок не хватило, поэтому приходилось тесниться по два-три человека в одной. Мне еще относительно повезло: моим соседом по гримерке оказался Семен Альтов, с которым мы были давно и хорошо знакомы, поэтому у нас не возникало даже малейших проблем по адаптации и взаимной притирке. Правда, много места для размещения своих вещей нам и не требовалось. У меня были только пара баночек с гримом, несколько листочков с текстами и «бабочка», а у Семена — и то меньше: три папки с текстами и все. Он не гримировался, видимо, считал, что и так достаточно обаятелен.

Папки Алътова были толстыми и достаточно потертыми, думаю, любой, кому они попались бы на глаза, не задержал бы на них своего взгляда, но для меня они выглядели намного соблазнительнее толстушек на картинах Рубенса. Дело в том, что в последние годы кардинально изменились отношения между авторами юмористических текстов и их исполнителями. Если раньше знаменитые эстрадные артисты буквально отбивались от авторов, мечтавших о том, чтобы их произведения были исполнены, и стеснявшихся напоминать о плате за это, то сейчас талантливые писатели благодаря телевидению приобрели такую популярность, что с успехом выступают сами, собирая полные залы и получая очень солидные гонорары.

Кстати, о гонорарах. Как недавно показали по телевизору, концерт Хазанова стоит 7–8 тысяч долларов, 10 — у Задорнова, а Жванецкий в свое время «стоил» почти раза в два больше. Самым высокооплачиваемым из юмористов сегодня оказался Данилко (Верка Сердючка) — от 20 до 40 тысяч УЁ за концерт!!! Да и все остальные зарабатывают очень и очень неплохо. Все это происходит из-за огромной популярности жанра и его огромной

потребности для людей. А раскрутка на российских телеканалах только добавляет нули в суммах гонораров. К тому же я не знаю никого из коллег, кто бы «халтурил» на своих выступлениях. Поэтому считаю, что все они достойны своей цены.

Но вернемся в Ригу.

Сейчас уже артисты конкурируют друг с другом, стараясь купить у писателя интересный текст и не жалея на это денег. Например, Петросян как-то мне рассказывал, что платит по тысяче долларов за монолог. По нашим белорусским меркам, это огромнейшие деньги, но они окупаются за несколько концертов, а потом начинают приносить прибыль. Все это, разумеется, в России, а в Беларуси о таких суммах артистам даже мечтать не приходится, поэтому, сами понимаете, нужда в хорошем литературном материале у нас, в провинции, еще острее. Вот почему я не мог отвести вожделенного взгляда от соблазнительных альтовских папок. На мою скромную по форме и наглую по сути просьбу — дать для «Христофора» какой-нибудь из новых рассказов, Семен ответил категорическим отказом, зато подарил, сделав дарственную надпись, свою последнюю книгу, любезно разрешив использовать из нее все, что нам понравится. Я, конечно, искренне поблагодарил Альтова — получить от него такой подарок было очень приятно, мы у себя в театре, кстати, в дальнейшем кое-что действительно использовали из этой книги, но все это было не то. Хотелось заполучить на стоящий «свежак», нечто, как сейчас говорят, эксклюзивное, чего еще никто не видел и не слышал. Я был уверен, что в папках такое было и в большом количестве.

И тут в моем возбужденном мозгу родилась безумная идея. Сначала я сам ее испугался, но потом, успокаивая себя тем, что стараюсь не личной корысти ради, а во имя святого — благополучия «Христофора», стал деловито «обсасывать» ее со всех сторон. Да, я не сказал, что за идея. Я решил у Альтова рассказы… украсть. Но не примитивно «стибритъ», чтобы Альтов обнаружил пропажу листочков из папки уже во время следующего выступления, поднял шум, начал искать вора и первым заподозрил, естественно, меня. Нет, я надумал поступить профессиональнее, используя весь свой богатый опыт просмотра шпионских фильмов. В большинстве из них, если помните, секретные документы обычно фотографируют, я же решил пойти еще дальше и пустить в дело свою видеокамеру, которую всегда беру с собой в поездки (разумеется, для других целей).

В один из вечеров, выступив перед публикой и получив свою долю аплодисментов, я вернулся в нашу с Семеном гримерку и стал ждать, когда его пригласят на сцену. Наконец по громкой связи

помощник режиссера сообщил: «Семен Теодорович, через пять минут ваш выход». Альтов взял одну из трех папок, на мгновение задержался перед зеркалом и вышел из комнаты, оставив меня наедине с двумя другими. Они, эти папки, манили меня, как неохраняемая алмазная россыпь, как гарем уехавшего в командировку султана, как… Да зачем тратить время на сравнения! Я схватил одну из папок, поднес ее к окну, чтобы было светлее, включил видеокамеру и начал съемку. Краем уха я ловил звуки, доносившиеся из зала. Мерный, несколько монотонный голос Альтова, временами, прерывавшийся смехом и аплодисментами, успокаивал меня, и я методично, страницу за страницей, переносил на видеопленку содержимое папки. Сделав свое «черное» дело, я аккуратно завязал на папке тесемочки и положил ее на место. Тут бы мне и остановиться. Но «жадность фраера сгубила». Я управился всего за несколько минут, Альтов обычно выступал значительно дольше, его голос, усиливавшийся динамиками, звучал ровно, как у хорошо отрегулированного и не собиравшегося глохнуть мотора, поэтому я решил «обработать» и вторую папку. Поднеся по уже опробованной схеме ее к окну, я продолжил съемку, не теряя бдительности и прислушиваясь к голосу Альтова. Работа спорилась, я снял уже, наверно, более половины, когда за моей спиной неожиданно прозвучало:

— Ну, вот и я дожил до высшей степени оценки моего творчества. Мои рассказы, наконец, начали воровать.

Сказать, что от неожиданности я опешил, значит — ничего не сказать. Представьте ситуацию: у окна я с видеокамерой и папкой Альтова, в дверном проеме — сам Семен Альтов, а из динамиков разносится голос все того же Альтова… Для мистического фильма это вполне нормально, но в реальной жизни… Я застыл, как изваяние, в моей голове долька мозга, отвечавшая за логику, тщетно — тем более что ей не давали сосредоточиться нахлынувшие стыд и ужас — пыталась понять, что же произошло.

В кино застигнутый врасплох шпион обычно достает пистолет и стреляет во врага или, в крайнем случае, в себя, иногда он просто поднимает вверх руки и банально сдается, бывают и другие варианты, но ни один из них не годился для меня. С идиотской рожей я тупо смотрел на Семена и слушал, как бурно реагирует зал на по-прежнему читаемый Альтовым рассказ. Не знаю, какими были первые чувства, возникшие при виде меня у Альтова, но он вдруг расхохотался, подошел ко мне, взял из моих рук видеокамеру, похлопал меня по плечу и, показав на камеру, сказал:

— Дарю.

Имелось в виду, что он дарит мне не мою видеокамеру, а то, что я успел похитить. Если бы этот благороднейший из встречавшихся мне людей достал видеопленку из моей камеры или бросил бы ее на пол и стал топтать ногами, или дал бы этой камерой мне по башке — это все было бы в высшей степени справедливо, и мне не на что было бы обижаться. Но он поступил именно так, как поступил. Я, наконец, обрел дар речи, начал извиняться, пытался что-то объяснить, убеждал его, что это у меня впервые, но Семен остановил меня и сказал:

— Не надо оправдываться. У меня такое тоже впервые и, боюсь, больше никогда не будет. Отныне «Христофор» — мой поклонник номер один, вряд ли кто-нибудь сможет когда-нибудь более убедительно продемонстрировать свою любовь к моим рассказам.

Вечером, на банкете, выпив со мной на брудершафт, Семен еще раз подтвердил, что не таит обиды на меня. Я вновь и вновь, как герой рассказа Чехова «Смерть чиновника», пытался оправдываться, но Семен решительно пресекал все мои попытки, прерывая каждую из них очередным наполнением рюмок. В итоге уезжал я из Риги с чувством, что наши отношения с Альтовым стали даже более теплыми, чем были до того. Семен сказал мне, что постарается написать об этом случае рассказ. Если это произойдет, то, наверняка, в изложении Мастера происшествие будет выглядеть очень смешным, но я решил, не дожидаясь Альтова, рассказать вам обо всем сам, чтобы в очередной раз покаяться и показать, на что способен пойти артист ради успеха на сцене.

Возможно, кому-то будет интересно узнать, почему я попался. Ведь все, как будто, было предусмотрено. Причина была в сюрпризе, который приготовили устроители фестиваля наиболее известным членам жюри. Для каждого из них был найден двойник, выходивший на сцену вместе с артистом. В тот злосчастный вечер, когда Альтов появился на арене цирка, рядом с ним неожиданно оказался некий тип, который голосом Альтова стал читать один из его рассказов. Внешне самозванец на Семена был мало похож, но голос совпадал почти на сто процентов, я, во всяком случае, отличить не смог. Это был так называемый голосовой двойник. Зрители приняли его очень хорошо. Он читал рассказ за рассказом, не давая открыть рта Альтову. Семен потоптался, потоптался, видит — делать нечего, и пошел обратно в свою гримерку, где его ждала еще одна неожиданность…

«Эх, прокачу!..»

В «Золотом теленке» Ильфа и Петрова есть персонаж, Адам Козлевич. На его знаменитом автомобиле, впоследствии названном «Антилопой гну», в первое время с удовольствием катались тогдашние чиновники, устраивая загулы при луне с водкой и девочками. Ничего в мире не меняется и сейчас, только автомобили стали покруче, чем у Козлевича. Потом все эти конторские служащие по очереди садились на скамью подсудимых или попадали под следствие. Причина была банальна — взятки и растрата казенных денег (и опять сегодня причина не меняется). Но почему-то все эти советские служащие винили в своих бедах несчастного Адама и его автомобиль. Сесть к нему в машину считалось очень плохой приметой, и люди стали обходить «Антилопу гну» вместе с Козлевичем стороной… То есть, по их мнению, Козлевич со своим авто приносил несчастье.

Кто у нас в «Христофоре» является прототипом Козлевича, не знаю, но факты свидетельствуют о том, что что-то от героя «Золотого теленка» мы взяли. Судите сами.

Много лет назад к нам пришел молодой и очень богатый бизнесмен, назовем его Сергей К., и сказал, что хочет стать нашим спонсором и помогать нам. Более того, он подарил нам видеокамеру, помог лично мне решить квартирный вопрос и выручал театр в сложных ситуациях. Речь даже пошла о строительстве своего театрального здания…

Мы уже, как говорится, раскатали губу, и мечтали не только о здании театра, но и о доме, в котором будут жить все христофоровцы, о своем комфортабельном автобусе и даже о своем телеканале. Все эти мечты были не просто маниловщиной, они подтверждались документально, то есть были даже проекты и чертежи. Ничто не предвещало даже облачка на нашем небосклоне…. Но, вдруг, как гром с ясного неба, на Сергея обрушилась огромная волна неприятностей и бед. И не только в финансовом плане, но и в личном. Разорение фирмы, гибель жены, заключение под стражу… Кто и в чем виноват, покажет время, но, в любом случае, первая «черная метка» была получена.

Через какое-то время судьба свела нас с еще одним бизнесменом Андреем К. Андрей попросил нас помочь в его предвыборной компании, когда он баллотировался в парламент (по-моему, тогда это был Верховный Совет). Мы ездили вместе с ним по деревням и селам, давая концерты и агитируя за новое поколение политиков. Не знаю, наша ли легкая рука или что-то другое ему помогло, но Андрей стал депутатом. А вот когда

наступил час расплаты, в прямом смысле этого слова, и надо было рассчитаться с «Христофором» (как сейчас помню, речь шла о четырех тысячах долларов), Андрея К. мы поймать не смогли. Он был так занят, что наш Юра Лесной часами просиживал у него в приемной, но Андрей из кабинета не выходил, решая свои важные проблемы и дела. Когда мы звонили, секретарь постоянно отвечала, что его нет на месте, и когда он будет, неизвестно. Так проходили месяцы, пока до нас не дошло, что обещанных денег мы уже никогда не увидим… Правда, встретив как-то Андрея К. на улице, я получил заверение, что «вот, вот… и пусть Лесной позвонит»… Клянусь, мы не прокляли его и не сглазили, и не обращались к черной магии, чтобы навести порчу, но, как бы там ни было, «черная метка» вновь сработала, и депутата Андрея К. посадили в тюрьму… Сейчас многие знают его, как политического деятеля, который после выхода из мест заключения написал книгу, вывел на площадь людей для «революции» и собирался стать нашим новым президентом…

Также после общения с «Христофором» потерял свое место Министр культуры С., обещавший мне звание. Председатель Гостелерадио Егор Р., поддерживавший нас и разрешивший нам сниматься на БТ и прощавший нам даже совсем не корректные шутки, сел в тюрьму. С бывшим директором нашего знаменитого Тракторного завода, господином Л., мы общались в его кабинете вообще минут пять… Сел.

Об уволенных директорах Дворцов культуры профсоюзов и тракторного завода вообще молчу. Слава Богу, хоть не сидят. Список можно продолжать еще очень долго. Та же чертова «черная метка» доставалась не только кому-то персонально, но и, например, целым телепрограммам. Например, на БТ, мой друг Александр Хомич, много и часто помогавший мне и театру, организовал программу «Морской бой». Это была первая белорусская лотерея со своими интересными правилами и даже познавательными моментами. Я эту лотерею вел, Воронков с Вергуновым делали эти самые познавательные вставки. И опять «черная метка». Александра лишают возможности заниматься лотерейным бизнесом, а передачу закрывают…

Спустя какое-то время на БТ начинается развлекательно-познавательная игра «Одиссея команды Кухто». Нас приглашают в один из выпусков. Мы с Шурой и Вовой, как львы, бьемся за главный приз — поездку в Японию. В страшнейшей борьбе я эту поездку вырываю из лап моих коллег и… через некоторое время программа… правильно, закрывается. Совпадение? Метка? Не знаю. Но уже начинает казаться, что не без этого…

Да что говорить о наших белорусских программах, в России,

где бы мы не снимались, тут же начинались проблемы. Уж кто кто, а Регина Дубовицкая наверняка чувствовала себя в «Аншлаге» довольно уверено, но как только мы начали у нее сниматься, у «Аншлага» сначала урезали эфирное время, потом закрыли «дочерние» программы «Экзамен «Аншлага» и «Бочка меда». «Комната смеха» тоже стала выходить реже. А я уже писал, что Регина Игоревна хотела посвятить «Экзамен «Аншлага» нашему театру. И сценарий уже был написан, и время съемок оговорили… Метка?

Как только мы подружились с Лионом Измайловым и дважды снялись в его «Смешных людях», как его «заменили» на Гену Ветрова, а самого Лиона «ушли» с ОРТ. Стали сниматься у Гены в тех же «Смешных людях» — и программу на какое-то время закрыли… Потом она стала появляться, но всё реже и реже.

В 2005 году на РТР начали снимать юмористическую программу «Смеяться разрешается». Ее вели наши друзья Бандурин с Вашуковым. Мы снялись буквально в двух выпусках, и опять сработала «черная метка». Никто так и не понял, почему программу закрыли, и только мы с пониманием переглянулись… Правда, через некоторое время её открыли вновь, но нас туда не подпускают на пушечный выстрел (раскусили?)

А закрытые у нас в Беларуси телепрограмм «Понедельник с «Христофором», «Веселая семейка» на БТ, «Эх, анекдот, анекдот» на ЛАДе… А проблемы с «Необыкновенным концертом» на ОНТ…

Можно вспомнить погибшие фестивали «Море смеха» в Риге, «Брянские зори» и «Бархатный сезон». Ведь именно после нашего участия они «дали дуба»… Конечно, в большинстве случаев, это просто совпадения, но уж как-то часто они происходят.

А когда в 2007 уже почти договорились с Региной о съёмках передачи к 20летию «Христофора», и в Черногории она вместе Леной Воробей попадает в автокатастрофу… Чем это объяснить?..

И вот однажды ночью мне пришла страшная мысль, а может эта «черная метка» выдана не тем, кто связывается с «Христофором», а самому «Христофору»? Да не дай Бог!!! Тьфу, тьфу, тьфу!!!

«Две звезды» с алкашом

В 2007 году на телеканале ОНТ начался музыкальный проект «Две звезды». Он с огромным успехом прошёл в своё время в Голландии, Германии, Болгарии и в России. Кстати в России наиболее яркими звёздами этого проекта стали певец Серега и депутат Госдумы Жириновский. Смысл его заключался в следующем: несколько пар (в нашем случае 13), из которых один партнёр профессиональный певец, а второй нет, в нескольких турах исполняют разные песни. В каждом туре кто-то «вылетает» и к финалу приходят только три пары, за которые в прямом эфире по телефону голосуют телезрители. Победившая пара получает два автомобиля.

Моей напарницей была замечательная певица, солистка ансамбля «Бяседа» Татьяна Лазовская. С ней у нас получился чудесный комический дуэт: она пела и играла, а я играл и «пел». Всё исполнялось только «живьём», под Президентский оркестр. Певцы и спортсмены, артисты и модели, политики, бизнесмены и телеведущие — все азартно сражались за главный приз. Страна с любовью и ненавистью ежедневно, на протяжении почти двух месяцев, следила за «Двумя звёздами». Бешеный рейтинг (91 %) телеканала ОНТ просто зашкаливал. Десятки тысяч звонков, SMS и телеграмм обрушились на редакции канала.

В одном из туров нам с Татьяной досталась песня «Счастливый случай». Незамысловатый сюжет о случайной встрече двух людей в автобусе и о начавшейся любви мы переделали во встречу алкаша с сеткой бутылок и милиционерши. Текст не менялся, но приобретал абсолютно противоположный смысл из-за нашего решения. Хохот в зале стоял неимоверный, жюри поставило нам очень высокие оценки и т. д. и т. п. Но речь сейчас не об этом. После окончания проекта (мы с Таней «вылетели» на 5–м туре), в прямом эфире, в ток-шоу «Выбор», посвящённому «Двум звёздам», я решил выйти в роли полюбившегося публике алкаша из Серебрянки (район в Минске). Задрипанный плащик, вязаная шапочка «петушок», авоська с бутылками и своеобразная речь — всё это должно было привлечь внимание и выделить меня из множества участников шоу, пришедших нарядными и накрашенными. Но была одна проблема — где взять пустые бутылки? Я-то человек непьющий. Ну, парочку я нашёл на даче, парочку взял у папы (слава богу, он в свои 76 ещё может пропустить рюмочку на праздник), но этого было мало… Для того, чтоб авоська была полной, пустых бутылок нужно было штук десять, минимум. А тут моя средняя дочура

Вера рано, рано утром возвращалась из турпоездки по Европе, и я должен был её встретить. В пять утра я выхожу из подъезда и, проходя мимо урны, стоявшей возле лавочки, я вспоминаю, про эти самые бутылки… Естественно, в такую рань, весь двор ещё спит, меня никто не видит, и я смело нагибаюсь над урной, разглядывая её содержимое. На дне под обрывком газеты вижу два горлышка заветной добычи, но газета грязная, мокрая и брать её руками не очень-то и хотелось. Тогда я подобрал валявшуюся рядом палочку и снова склонился над урной. Сначала я достал газету и положил её рядом с урной, потом начал манипуляцию с бутылками. Просунув палочку в горлышко я довольно ловко вытащил первую и осторожно взяв её двумя пальцами, вылил остатки содержимого на землю. Поставив бутылку на лавочку я принялся за вторую. Но не тут-то было. Вторая никак не хотела становиться телезвездой и упорно соскальзывала с палочки. Тогда, не мудрствуя лукаво, я, закатав рукав плаща, смело достал со дна урны «отказницу». Вылив и её содержимое, я хотел поставить бутылку на лавочку возле первой и поднял глаза… Из окна первого этажа на меня, разинув рты, смотрели мои соседи — старичок и старушка… Господи, чего ж вам, пенсионерам, не спиться?..

Известный, популярный артист, собирающий в пять утра пустые бутылки и копающийся в урнах… это была сенсация не только нашего двора, района, но и всего города, а может быть и страны… Я, не зная, как поступить, растерялся и, почему-то, показал старичкам руками что-то вроде телеэкрана и щёлкнул себя указательным пальцем по горлу, мол на телеке играю алкаша, но разинутые рты так и остались разинутыми… Думаю, они поняли меня по другому, что мол на выпивку не хватает, вот и лажу по урнам… Почему я так думаю? Да потому что теперь при моём появлении, все соседи, сидящие каждый день на лавочках, мгновенно замолкают, поджав губы, и о чём-то шушукаются мне в след… А начнёшь объяснять, получится, что признаюсь оправдываюсь, выкручиваюсь … то есть, будет ещё хуже. Во, попал, так попал!

Во время одного из приездов на съемки «Смехопанорамы» нам сказали, что есть возможность записать сразу пять номеров театра «Христофор». Но с одним условием — три номера будут записаны во время концерта, а два до него, без зрителей. Вообще-то мы не раз записывали номера без зрителей для отправки в Москву. Опытные редакторы, сидящие в монтажных студиях, сразу видят, где зрители будут смеяться, а где нет. Они и решают — ехать тебе с этим номером на съемки, или его нужно

доработать. Но это «черновая» пленка, как говориться, для внутреннего пользования, а тут же съемки номеров, которые потом войдут в передачу… Такого мы еще не видели. Мы, конечно же, разволновались, как сниматься, когда нет зрительской реакции, но нам объяснили, что для таких случаев на монтаж приглашаются супер-профессионалы, которые могут «подложить» смех так точно и филигранно, что никто ничего не заметит. Смех этот и смеющиеся зрители берется из других ранее записанных программ, и порой даже бывает, что смеющийся человек видит сам себя в программе, на записи которой он никогда и не был… Был даже случай, когда для капустника эти «волшебники звука» подложили смех под выступление Путина и подмонтировали смеющуюся публику. И вот представьте, что получилось — выступает Президент России, говорит об очень важных и правильных вещах, а народ в зале ухахатывается и падает от смеха с кресел… Потом я не раз видел по телевидению номера, которые во время концерта проходили довольно слабенько и почти на тишине, но после «операции» становились чуть ли не шлягерами, а их исполнители начинали верить, что они настоящие «короли смеха».

Кстати, под наши номера тогда смех подложили тоже классно, хотя если бы они шли в концерте, этого делать бы не пришлось.

Всякая всячина

1–й автограф

Я свой первый автограф дал, будучи студентом 1–го курса театрального института. Мне очень понравилась одна девушка, и я попросил однокурсника, чтобы он подошел ко мне на улице (когда я буду сидеть с ней на лавочке) и попросил у меня автограф. Однокурсник, решив сделать доброе дело еще добрее, договорился с другими студентами и человек 10–15 один за другим стали подходить ко мне и просить автограф. А это было время повального дефицита. Народ, проходящий по улице, увидев, что что-то дают, тут же выстроился в очередь. Началась давка. Я был ошеломлен таким незапланированным «успехом»… Еще около 30 минут я раздавал автографы, даже не заметив, что девушка давно ушла…

Узнают ли вас на улицах?

Так как в Беларуси мы выступаем уже более 16 лет, плюс своя телепередача, то, как говориться, меня в Беларуси каждая собака знает. А вот в России на улицах пока еще не узнают. Хотя в Москве был один забавный случай. Только — только прошла первая программа «Аншлага» с нашим участием. На Кутузовском проспекте (где мы несколько дней снимали квартиру) я перебегаю дорогу на красный свет — и тут же раздается свисток милиционера. Он подходит ко мне и вдруг радостно так разводит руками:

– А я вас узнал!

Ну, я тоже развожу руками, мол, конечно не мудрено, я же в «Аншлаге» снялся. А милиционер и продолжает: — Я вас узнал… Вы и вчера тут на красный перебегали. С вас штраф…

Самый провальный концерт

В городе Сургуте я вел программу театра «Христофор». А в это время шел чемпионата Мира по хоккею… Играет наша сборная. А в зале одни нефтяники. Мужики. По центру сидит здоровый дядька с маленьким радиоприемником в руке. И время от времени он подносит его к уху. И весь зал смотрит не на сцену, а на этого дядьку. По его выражению лица видна вся игра. Мы на сцене из кожи вон лезем, чтобы рассмешить народ, а они глядят на него и все. Реакции — никакой. И вдруг, во время моего монолога у дядьки начинают из орбит выкатываться глаза, открывается рот… В зале наступает звенящая тишина (это на юмористическом-то концерте). Все же смотрят на него. Я, к чертовой матери, бросаю читать монолог и кричу ему:

– Ну, что, гол?!!

– Го-о — ол, — кричит дядька. Все начинают обниматься и целоваться. И хоть концерт с треском провалился, все зрители были очень довольны.

Кто выиграл войну

В 80–х годах в Беларуси одна среднеазиатская киностудия снимала фильм о войне «Снайпер Алия». Об их национальной героине девушке-снайпере по имени Алия. Главную роль играла жена режиссера-постановщика. Я должен был сыграть эпизодическую роль немецкого пленного. Но по финансовым причинам вся массовка забастовала и отказалась сниматься. Для съемочной группы это означало катастрофу. И они нашли выход. Мне было предложено, за дополнительную плату, сыграть сразу более 10 эпизодов. Я, как порядочный штрейкбрехер, согласился на свою голову. Меня и несколько раз перегримировывали и клеили то усы, то усищи, то бороду. Ставили то спиной к камере, то в профиль, то сидя, то лежа… Я был «Фигаро здесь, Фигаро там» в гимнастерке… Потом я посмотрел этот эпизод в кино… Это был настоящий авангард. Из штаба выходит снайпер Алия и стоящий на часах рядовой Крыжановский отдает ей честь. Она идет дальше, и мимо нее на повозке проезжает пожилой ездовой Крыжановский с обвисшими усами. Дальше Алия проходит мимо рубящего дрова бородатого сержанта Крыжановского, а за углом спиной к камере полуголый лейтенант Крыжановский обливается водой. Переступив через накрытого плащ-палаткой спящего солдата Крыжановского, Алия идет мимо палатки, где брюнет, капитан Крыжановский с усиками и в очках, допрашивает пленного небритого Крыжановского-немца… Феллини отдыхает.

Короче, по фильму получилось, что войну выиграла снайпер Алия и солдаты Крыжановские…

Самый сложный экзамен

Будучи студентом театрального института, я всячески отлынивал от такого предмета как танец. Педагог, Рахиль Георгиевна, профессионал, заслуженная артистка республики, влюбленная в свой предмет, предупредила, что если я не изменю свое поведение, то к госэкзамену допущен не буду. А от этого зависело и распределение. Поэтому я набрался наглости и заявил, что буду самостоятельно готовить танцевальный номер (что в принципе не делается). Педагог внимательно посмотрела на меня и сказала: «Ну, ну…».

Час расплаты настал через месяц (естественно, что никакого танца я не готовил). В переполненном актовом зале театрального института мы сдавали госэкзамен по танцу. Я, оборзев в конец, за час до экзамена, взял в фонотеке музыку Гершвина. Надел лосины, чешки, на голову повязал какой-то платок. Когда назвали мою фамилию, я вышел на сцену, поклонился и громко произнес:

– Самостоятельная работа — «Танец молодого дельфина».

Звукорежиссер пустил фонограмму…

Никакими словами невозможно передать те па, антраша, батманы и остальные телодвижения, которые я выделывал, пытаясь спастись от неминуемого краха. Когда этот ужас закончился, в полной тишине раздался голос председателя комиссии:

– Летающая табуретка…

Первые гастроли

Первые наши гастроли проходили в белорусском городе Гомеле. Из экономии мы взяли билеты в плацкарт (ехать недалеко), там более что в лицо нас еще никто не знал. Как-то само собой организовался стол, начались истории, байки, анекдоты… Пока доехали до города Бобруйска стол»«обеднел». Бросили на пальцах, кому бежать за добавкой — выпало мне. Я выскочил на станции и понесся по перрону… В это время к нашим ребятам в вагоне подошел парень и попросился посидеть с нами, так как мол он сидит за стенкой с какими-то бабушками, скучища, а у нас тут смех, шутки, веселье. В качестве «входного билета» он поставил на стол 3 бутылки пива. Ребята согласились, завязалась беседа. Парень спрашивает:

– А вы кто такие? — нас же еще в лицо не знали. И «христофоровцы» не сговариваясь, говорят:

– Мы врачи-психиатры, больного в Гомель везем, — и показывают за окно, где я ношусь по перрону в поисках «того самого».

– А как же вы его выпустили, если он больной?

– Дело в том, — говорят ребята, — что он не знает, что он больной. Мы тоже без халатов, просто контролируем ситуацию, чтоб ничего не произошло…

В это время я возвращаюсь в вагон, вижу у нас новое лицо (а настроение-то у меня уже «приподнятое») и этак игриво, щелкая каблуками говорю:

— О, у нас гости! Разрешите представиться, милостивый государь, Евгений Крыжановский, повелитель сцены и кулис!

Этот парень всю дорогу не сводил с меня глаз… А я, чувствуя к себе такое пристальное внимание, и стихи читал, и классиков цитировал, в общем, выпендривался как мог… И только по приезду в Гомель ребята признались мне — кем я был в глазах того парня. Я их чуть не поубивал за это…

Палялейки

Эта история произошла с замечательным купаловским артистом Павлом Филипповичем Дубашинским в городе Орше. По утрам мы играли сказку «Аленький цветочек», по вечерам — спектакль для взрослых «Верочка», а по ночам… сами понимаете. Долгие посиделки, застолье до утра, смех, шутки, бесконечные споры, разговоры и воспоминания. Гастроли, одним словом.

В один из таких вечеров, заняв у Стефании Михайловны Станюты денег для удовлетворения «творческих» потребностей, мы собрались в номере Павла Филипповича. Надо сказать, выпивать с Павлом Филипповичем было одно удовольствие. Он был просто кладезь историй и актерских баек, его жизненный личный и актерский опыт был настолько богат, что мы, молодые артисты, слушали его раскрыв рты.

В этот вечер Павел Филиппович был просто в ударе. Истории и анекдоты сыпались, как из рога изобилия. Естественно, вино тоже лилось рекой. Мы несколько раз посылали «гонца» в гостиничный ресторан за добавкой… И вот настал момент, ради которого я и пишу этот рассказ.

Увидев, что «контингент» созрел, Павел Филиппович окинул нас пытливым взглядом и, убедившись, что мы уже в той, нужной для него, кондиции, произнес:

– Я попрошу внимания, господа артисты, сейчас я прочту вам свой рассказ, который еще никогда никому не читал…

И добавил:

— Вещь серьезная.

Надо сказать, что к такому повороту событий мы не были готовы. Одно дело анекдоты, хохмы, байки, и другое — рассказ, да еще серьезный… Больше того, мы ведь даже не догадывались, что Павел Филиппович занимается литературным творчеством. Однако, мы находились в гостях у прекрасного и любимого нами артиста, поэтому отказаться не могли, хотя, честно говоря, настроены мы были совсем на другое.

Павел Филиппович отошел в угол комнаты, скрестил руки на груди, поднял глаза вверх и через паузу трагическим голосом произнес:

– Палялейки…

Как потом выяснилось, Палялейками назывался заброшенный белорусский хутор на котором жили два мужика Анисим и Григорий. Я уже не помню, по каким причинам эти два дядьки остались одни, помню только, что герои рассказа постоянно, будучи в конфликте между собою, все же помогали друг другу, и

отношения между ними были очень теплые. Короче, это была бесхитростная история об одиночестве двух не молодых уже людей. Особого сюжета и интриги в ней не было, по части литературы рассказ напоминал что-то уже давно слышанное и виденное на белорусском радио и телевидении.

Но Павел Филиппович разошелся не на шутку. Как на сцене во время выступления, он жестикулировал, произносил текст с паузами и с интонациями, забывая, что перед ним не благодарные слушатели, а хорошо подпитые артисты, «выдавая на гора» весь свой талант… Мы начали давиться от смеха, но так как понимали, что в такие моменты мешать артисту нельзя, сидели красные от натуги и не глядели друг на друга, чтобы не грохнуть от хохота и сорвать выступление…

Когда же Павел Филиппович, не забывавший, кстати, отпивать от полного стакана, закрывал глаза и делал мхатовские паузы, мы быстро переглядывались и корчили друг другу смешные рожи, еле сдерживаясь от приступов смеха…

И вот, наконец, когда мы уже чуть не попрокусывали себе губы от сдерживаемого хохота и уже просто сползали со стульев с одним только желанием — любой ценой доползти до туалета, Павел Филиппович, ничего этого не замечающий, дошел до финала своего рассказа. Он еще отхлебнул от стакана с «чарнилкай», застыл в какой-то красивой позе и с надрывом произнес последнюю фразу, по его мнению, должную вызвать у слушателей (а впоследствии и у читателей) или слезы, или, по крайней мере, глубокую задумчивость:

— Вот так они и жили… два мужика… Анисим… и Ольга!..

Я думаю, нет надобности описывать, как гостиница содрогнулась от громового взрыва гомерического хохота, а мы выскакивали из номера гостеприимного Павла Филипповича пригибаясь от летевших вслед стульев и стаканов оскорбленного в лучших чувствах нового белорусского прозаика…

Прости нас, Пал Филипыч.

Доигрался

Однажды мы поехали на выездной спектакль в близлежащий город Молодечно. Ехали на своих машинах. И я решил похохмить. У нас в программе есть номер, где выпивший артист в костюме Чебурашки попадает в прямой эфир телепрограммы «Криминальная хроника». Я надел этот костюм — меховой комбинезон, шапочку с огромными ушами и уселся за руль. Можете представить себе удивление встречных водителей, когда они видели за рулем толстую Чебураху с усами… Хохот стоял по всей трассе. Я не знаю, может какой-то шутник по мобильному сообщил на пост ГАИ, но возле Молодечно дорога была перекрыта. На асфальте лежала полоса с шипами. Милиционеры с автоматами встали на изготовку… Я затормозил. Через мегафон мне было предложено выйти из машины. И далее картина Репина «Не ждали». Пост ГАИ. Автоматы. На капоте распластанный Чебурашка… Кончилась моя эксцентрика тем, что я потом еще долго бегал по кабинетам управления ГАИ, чтобы мне вернули права, заплатил штраф за создание аварийной ситуации на дороге и дал три бесплатных концерта на День милиции…

Принц в магазине

Однажды, работая в Купаловском театре, я играл принца в детской сказке. На голове у меня была поролоновая корона, которую в течение почти часа гримеры пришпандоривали к моей голове с помощью заколок, клея и шпилек. Снимать ее до окончания выступления было нельзя. А дело было зимой. Между двумя выступлениями я, надев шапку-ушанку, пошел в ближайший гастроном. Стал в очередь. Пока стоял, стало жарко, я забылся и снял шапку… Корона распрямилась… Представьте выражения лиц покупателей и продавцов: в обыкновенном советском гастрономе в очереди стоит нормальный мужик, в дешевеньком пальтишке, но с поролоновой короной на голове…

Коля Лукинский

Я вспоминаю наше первое выступление в «Аншлаге» в марте 2003 года. Стою за кулисами, дико волнуюсь, жду выхода. Рядом стоит Коля Лукинский. Звезда. «С Новым годом, пошел на фиг…». Коля, видя мое волнение, вдруг кладет мне руку на плечо и говорит:

– Много лет назад, когда я учился в Смоленском электротехническом институте, «Христофор» приехал к нам на гастроли. Я каким-то чудом проник к вам за кулисы, смотрел и думал — вот бы мне когда-нибудь стать таким же, как ты, Женя, артистом… Выступать рядом с тобой…

А я, трясясь от страха, и говорю ему:

– Теперь твоя мечта сбылась…

Группен-фюрер

Первые наши зарубежные гастроли были в ГДР (по нашим воинским частям). В городе Дрездене нас повели в знаменитую Дрезденскую галерею. Перед входом толпятся туристы, школьники. А с нами был старший группы — сопровождающий офицер. Майор. И вот перед тем, как зайти в галерею, я, по советской привычке, кидаю окурок (а я тогда курил) в урну, но не попадаю. Ну и что? Продвигаюсь к дверям. Но, не тут то было. Меня берет под локоть какой-то старичок и таким въедливым голосом говорит:

– Вас махен зи? — Мол, что это вы, молодой человек, делаете? Я, не понимая в чем дело, удивленно гляжу на него. А из немецкого школьного курса знаю только одну фразу, которую ему и говорю:

– Майн брудер ист ин тракторист им унзерен кольхоз… на этом тракторе вдвоем возили мы навоз!

Старичок опять:

– А вас махен зи? — И показывает в сторону урны.

Я решил, что лучше бы он пообщался со старшим группы, тот хоть пару фраз по-немецки знает. И громко говорю:

– Вон наш… старший группы. Ну, группы… старший… э-э — э группен… фюрер!

И обрадовано повторяю:

– Вон наш официер, группен-фюрер!

Что тут стало со старичком. Он весь побелел, как-то съежился. А я продолжаю, мол, битте, дедуля, пойдем к нашему группен-фюреру, не пожалеете, он, мол, все объяснит.

Дед чухнул в толпу и растворился, а я еще долго не понимал, почему… Языки учить надо. Или курить бросать.

Телеприкол

Сюжет, который мы тогда снимали для телепередачи, сохранился и может служить подтверждением, что эта авантюра действительно была. Итак, «пьяный» Крыжановский стоит возле вино-водочного магазина и не может войти в дверь. По сюжету Шура Вергунов и Вова Воронков должны мне помочь. Но, заметив собравшуюся поглазеть толпу, вместо зазевавшихся «собутыльников» первым ко мне подошел настоящий алкаш, а потом — не менее настоящий милиционер (!!!). Началось выяснение отношений. Я, видя, что в толпе зевак наши продолжают съемку, во всю продолжаю играть. Милиционер и алкаш, не видя камеры, пытаются меня оттащить от двери, причем каждый в свою сторону. Наконец, мне на помощь спешат Шура и Вова. Наш режиссер из толпы кричит:

– Не останавливайтесь, это гениально!!!

Милиционер, принимает эти слова на свой счет и достает дубинку, крича что-то в рацию. Народ-богатырь, видя, что карательные органы хотят сорвать съемку, тоже начинает кричать и оттеснять этот самый орган от магазина. Подоспевшие другие органы начинают разгон несанкционированного митинга…

Короче, досталось всем. В милицию доставили и нас, и алкаша, и какую-то бабусю с семечками, человек пять зевак, и почему-то… директора магазина! Но самое главное, когда все утряслось, и через день нам вернули камеру и разрешили доснять продолжение сюжета, никто из нас не мог вспомнить, в какой рубашке я был. То ли в красной, то ли в зеленой… А пленка-то осталась в милиции в качестве вещественного доказательства. Тут мы всей съемочной группой поднапряглись, вспомнили цвет рубашки и, конечно же, не попали. И когда мы все же забрали пленку и смонтировали сюжет, то получилось, что «пьяный» Крыжановский в зеленой рубашке сначала пытается зайти в магазин, потом, с помощью Шуры и Вовы (драку с милицией, мы, естественно, вырезали), все же заходит, и к прилавку подходит уже в красной рубашоночке, хорошенький такой…

Кстати, кроме нас никто этого не заметил… А, может, и не смотрел никто?

Гиннесу и не снилось

В Ялте в 2005 году мы на закрытии Международного фестиваля искусств выступали самыми последними. В вечернем концерте принимали участие все звезды российской и украинской эстрады. Начало концерта по каким-то техническим причинам задержали почти на полчаса, но терпеливая публика в предвкушении встречи со своими любимчиками вежливо похлопывала и обмахивалась программками (в Ялте +30° в тени). Первым на сцену вышел Иосиф Кобзон. Зал взревел от счастья, и Иосиф Давыдович с удовольствием исполнил несколько своих песен. Через почти пятьдесят минут (!) Кобзон ушел за кулисы, а его место занял Аркадий Арканов. Зал застонал от удовольствия, и Арканов, продержавшийся на площадке не менее 20 минут, отбыл в гостиницу. Потом публика визжала от восторга, увидев Семена Альтова, Клару Новикову, Ефима Шифрина, Яна Арлазорова, группу «Экс-ББ», Анатолия Трушкина и других. Они тоже не «жмотились» и читали по два-три номера каждый, да еще и пели…

Словом, первое отделение шло ни много ни мало — три часа (!!!). Мокрая от смеха и пота публика вырвалась из к\з «Юбилейный» и еще почти минут двадцать, задрав головы, наблюдала в небе праздничный фейерверк. Где-то в районе двенадцати ночи (!!!) началось второе отделение концерта… Разомлевшие и уже подуставшие зрители все же хлопали «Кроликам», «Кривому зеркалу», братьям Пономаренко. А надо сказать, что в концерте принимали участие и победители конкурса молодых исполнителей, которые, пользуясь возможностью «засветиться» на РТР (а именно этот российский телеканал записывал все концерты и выступления фестиваля), выдавали «на гора» все, что могли…

Где-то к двум часам ночи второе отделение только дошло до своей середины. Глядя из-за кулис в двухтысячный зал, мы видели, как зрители толпами покидают его. Оставшиеся уже ни на что не реагировали и откровенно дремали. Артисты, ждущие своего выхода, на чем свет стоит материли предыдущих исполнителей за то, что те исполняли по несколько номеров, но сами, выйдя на сцену, начинали для телека лупить номер за номером…

Когда на сцену вышел «Христофор» было 3.15 утра (!!!!!!). В огромном зале оставалось человек пятнадцать спящих зрителей и телевизионщиков… Не поверите, но на нашем номере смеялись и даже в одном месте аплодировали. Мы «чэсна» отработали свою

семиминутную сценку и гордо ушли, даже не догадываясь, что нас уже, оказывается уже и не снимали… Блин!

Самый неожиданный комплимент

Играем в воинской части нашу эстрадную программу. Солдаты валяются от хохота. Один с фингалом под глазом, с огромным перебитым и распухшим носом и такой же распухшей губой, показывая на нас пальцем стонет от смеха:

— Ну и рожи!

А я возьми и брякни:

— На себя погляди…

Истерика у артистов и зрителей закончилась только через час.

«Прицеп»

Артист театра Янки Купалы Павел Васильевич Кормунин на гастроли в Киев приехал с пятилетней внучкой. На нашем жаргоне это называлось «прицеп». «Прицеп» обычно дается, чтобы артист поменьше гулял, выпивал и веселился в свободное от выступлений время. Каждый вечер кто-то из родни звонил Павлу Васильевичу из Минска, и маленькая внучка честно рассказывала, где они с дедушкой были и что делали. Лучшей «наружки» и придумать невозможно.

И вот как-то бедный Павел Васильевич заходит с внучкой в номер, где несколько купаловцев, в том числе и я, как раз гуляют, выпивают и веселятся, используя по назначению это самое свободное время. А жара страшная. Окна настежь, все в трусах и босиком. Но веселье брызжет фонтаном. Увидев несчастного Павла Васильевича, грустно смотрящего на заставленный бутылками стол, Геннадий Овсянников вдруг принимает гениальное решение — он наливает в стакан водки и очень сочувственным голосом громко (чтобы внучка поняла) говорит:

– Дедушка! Очень жарко! Очень, очень жарко! На, выпей водички!

И, усиленно подмигивая, протягивает Павлу Васильевичу заветный стакан. Павел Васильевич громко, тоже чтобы внучка услышала, соглашается:

– Да, сегодня очень жарко! Выпью-ка я водички! Спасибо! — и с удовольствием, медленно-медленно выпивает предложенный стакан. Внучка внимательно смотрит на дедушку. В это время я хватаю со стола бутерброд с колбаской и подношу даже не скривившемуся Павлу Васильевичу:

– Нате закусите!

И тут Павел Васильевич, внимательно глядя прямо мне в глаза и покрутив пальцем у виска, произносит фразу, ставшую потом в театре крылатой:

– Кто ж водичку закусывает?!!

Первое слово дороже второго

В 2007 (юбилейном для нас) году мы в очередной раз снимались в «Аншлаге». Концерт шёл во Дворце культуры «Прожектор», что недалеко от шоссе Энтузиастов. Программа была большая и должна, по идее, закончиться около десяти часов вечера. А поезд «Москва-Прага» отправлялся в 23.45. то есть, времени, добраться до Белорусского вокзала на метро у нас, по московским меркам, было в обрез. Тем более, что наши два номера шли десятым и последним в концерте. В конце концов, с приключениями (отключился мой микрофон, чуть не опоздали на второй выход, да и концерт затянулся до 22.45) мы закончили выступление и на ходу переодеваясь и разгримировываясь, рванули к выходу. Пробегая мимо сцены, где несколько минут назад мы, под хохот зрителей, записывали номер «Красавица планеты», я увидел Регину Игоревну, разговаривавшую с телевизионщиками. Подбежав к ней и, встряв в разговор, я сказал: — Регина Игоревна, до свидания, спасибо за съёмку. И ещё, у нас в этом году юбилей — двадцать лет «Христофору». Регина удивлённо вскинула брови: — Двадцать лет?! — Да, двадцать. — Ну, что ж, — сказала она, — отменим, обязательно отменим… Тут же она спохватилась, поняв что оговорилась. — В смысле, отметим, обязательно отметим. Я шутливо опустил голову и с деланной горечью произнёс: — Нет, уж, Регина Игоревна, первое слово дороже второго. Отменим, так отменим.

Вместо эпилога

«Христофор» — это образовавшийся в результате естественного бескомпромиссного отбора коллектив веселых единомышленников, получающих радость и удовольствие оттого, что они могут отдавать свои способности, здоровье, время и, естественно, любовь, зрителям. Если говорить о наших дивидендах, то материальная их часть достаточно скромна, хвастаться пока особо нечем, зато моральная — огромна Любовь зрителей — это тот эликсир, а может быть, и наркотик, который переполняет нас желанием вновь и вновь выходить на сцену. Уверен, если бы нам предложили не только отказаться от зарплаты, но еще и платить за право участия в наших программах, каждые пять из пяти сегодняшних «христофоровцев» все равно остались бы в театре. Где-нибудь подрабатывали бы, подворовывали, на худой конец, но театр бы не бросили. В нем — наша жизнь. «Христофор» существует ради зрителей, мы сильны нашей с вами взаимной любовью и, пока она жива, не умрет и театр.

Поэтому позвольте в завершение еще одно — последнее — признание, дорогие мои зрители и читатели.

Мы любим вас, мы живем для вас!

Театр «Христофор» и Евгений Крыжановский